J611
1155

Л.Б.11 1155

Книги для современной школы.

Шитуд 1909 мая

Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

УКОВОДСТВО къ ИЗУЧЕНІЮ СИНТАКСИСА РУССКАГО ЯЗЫКА.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній рекомендовано въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній.

2-е, исправленное, изданіе.

ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Д. Сытина.

Книгоиздательство Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Книги для современной школы.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н., профессоръ Харьковскаго университета. **Грамматика русскаго языка.** 126 стр. Ц. 35 к.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній **рекомендовано** въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка. Ц. 75 к.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній **рекомендованы** въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н. Теорія поэзіи и прозы. Руководство для средней школы и самообразованія. 164 стр. Ц. 60 к.

М. Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній (для VIII класса мужскихъ гимназій).

ДЖЕМСЪ МОРРИСОНЪ. Какъ построить географическую карту и какъ ею пользоваться. Съ англ. перевелъ **Дм. Ройтманъ,** преподаватель Спб. учительск. институт. 127 стр. Съ рис. и чертеж. Ц. 50 к.

Мин. Нар. Пр. **допущено** въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

РОЙТМАНЪ, Дм. Курсъ элементарной геометріи, со включеніемъ началъ тригонометріи, изложенный по **видоизмѣненной** системѣ и **приспособленный для самостоятельнаго изученія.** XXVII+369 страницъ. Ц. 1 р. 25 к.

Рекомендованъ Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній.

РОЙТМАНЪ, Дм. Общедоступные очерки изъ области астрономіи. Публичныя лекціи о землѣ и небесныхъ свѣтилахъ, читанныя на народномъ отдѣленіи Спб. Вольной высшей школы. Двѣ лекціи о формѣ и движеніи земли. Съ рисунками. 93 стр. Ц. 40 к.

М. Н. Пр. **допущены** въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Мин. Торг. и Пром. **одобрены** для ученическихъ библіотекъ младшихъ классовъ коммерческихъ училищъ и всѣхъ классовъ торговыхъ школъ.

Н. М. ТЕРМИКЕЛОВЪ, горн. инж. **Происхожденіе земли и первые дни ея жизни до появленія организмовъ.** Подъ ред. прив.-доц. **Н. И. Каракаша.** Съ рисунками. Цѣна 35 к.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній **допущена** въ ученическія библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

Мин. Нар. Пр. **допущена** въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 1872 г., училищъ и воскресныхъ школъ и **признана** заслуживающей вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

16 II 1155

Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

279

Руководство

КЪ ИЗУЧЕНІЮ СИНТАКСИСА

РУССКАГО ЯЗЫКА.

2-е, исправленное, изданіе.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА — 1909.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

870390

Цѣль изданій подъ общимъ заглавіемъ:

„Книги для современной школы“—

поспособствовать осуществленію реформы школьнаго образованія въ Россіи, поскольку реформа эта зависитъ отъ библіотеки учителя и библіотеки учащагося.

Въ составъ этихъ изданій должны войти не только учебныя книги въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и книги, могущія быть полезными для учителей и для внѣклассныхъ занятій учащихся, — вообще изданія, могущія улучшить школьное образованіе въ какомъ-либо отношеніи. Ростъ и развитіе современнаго научнаго знанія и современная культура стали предъявлять къ школьному образованію такія требованія, которымъ теперешняя постановка школьнаго дѣла удовлетворить уже не въ состояніи. Пойти навстрѣчу этимъ запросамъ жизни и знанія необходимо, и „Книги для современной школы“, по мѣрѣ возможности, будутъ считаться съ этими запросами. Само собою разумѣется, что среди „Книгъ для современной школы“ найдутъ свое мѣсто переводы тѣхъ иностранныхъ классическихъ сочиненій, которыя наиболѣе въ состояніи поспособствовать достиженію цѣлей предпринимаемыхъ изданій.

Что касается спеціально учебниковъ и пособій по русскому языку, то цѣлью издательства въ этой области будетъ — способствовать реформѣ преподаванія въ духѣ требованій современнаго научнаго языковѣдѣнія, поскольку эти требованія вообще могутъ

быть проведены въ среднюю школу. Первыми опытами въ этомъ направленіи являются издаваемыя нынѣ книги *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*: «Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка» и «Грамматика русскаго языка». Компетентный читатель легко замѣтитъ, что эти книги составлены такъ, что преподавателю, который пожелалъ бы положить ихъ въ основу преподаванія, онѣ открываютъ обширное поле для педагогической самодѣятельности — въ смыслѣ развитія отдѣльныхъ вопросовъ или частей грамматики, разбора образцовъ, задачъ и т. д. Книги эти не требуютъ отъ учениковъ заучиванія, а направлены на возбужденіе и упражненіе ихъ мышленія въ области грамматическихъ вопросовъ. Преподаватель является руководителемъ учениковъ въ этой работѣ мысли, а изъ такого руководительства можетъ выйти рядъ опытовъ разработки различныхъ сторонъ и вопросовъ въ преподаваніи отечественнаго языка, — опытовъ, которымъ уже нетрудно будетъ придать форму новыхъ учебныхъ книгъ и пособій.

Идя навстрѣчу назрѣвшимъ потребностямъ школы, книгоиздательство питаетъ надежду обосновать свою дѣятельность на практическихъ указаніяхъ и запросахъ школы, на ея педагогическомъ опытѣ, на самодѣятельности и иниціативѣ преподавателей, одушевленныхъ стремленіемъ поднять преподаваніе отечественнаго языка до уровня требованій современной науки и педагогики.

Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ, второмъ, изданіи, кромѣ разныхъ поправокъ въ изложеніи, я сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія по существу, именно въ ученіи о *переходности* и *непереходности* глаголовъ (гл. VI, § 8).

ВВЕДЕНІЕ.

Синтаксисъ составляетъ часть *грамматики, изучающую грамматическія формы словъ въ различныхъ сочетаніяхъ этихъ формъ, преимущественно въ тѣхъ сочетаніяхъ, которыя извѣстны подъ именемъ предложеній.*

Другая часть грамматики, *морфологія*, изучаетъ эти же грамматическія формы словъ, только взятыя отдѣльно, порознь, внѣ ихъ связи въ живой рѣчи, внѣ предложенія.

Грамматическія формы, которыми занимаются морфологія и синтаксисъ, образуютъ принадлежность языка. Языкъ состоитъ изъ словъ: носителями грамматическихъ формъ и являются слова. Вотъ именно намъ и предстоитъ прежде всего уяснить себѣ это основное положеніе и опредѣлить, что же такое эта «грамматическая форма», составляющая необходимую принадлежность слова.

Въ словѣ различаются слѣдующія части: 1) *звуковая форма*, т.-е. сочетаніе самихъ звуковъ слова (наприм., звуковъ *д-о-м* въ словѣ «домъ»); 2) *значеніе слова*, т.-е. то представленіе или понятіе, которое связано съ звуковою формою, напр., понятіе о домѣ, связанное въ русскомъ языкѣ съ звукосочетаніемъ *д-о-м* (значенія словъ обыкновенно называютъ *лексическими*, т.-е. «словарными»: они-то и указываются въ словаряхъ); 3) *грамматическая форма*, разсмотрѣніемъ которой намъ и предстоитъ сейчасъ заняться.

Изъ этихъ трехъ составныхъ частей слова первая и третья (звуковая и грамматическая формы) должны быть понимаемы именно какъ *формы*, вторая же (значеніе)—какъ *содержаніе* этихъ формъ. Эти понятія «содержанія» и «формы» берутся здѣсь въ чисто-психологическомъ смыслѣ. Всѣ три элемента, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ одно нераздѣльное цѣлое, называемое *словомъ*, но одинъ изъ этихъ элементовъ, именно значеніе слова (т.-е. представленіе или понятіе) отражается въ нашемъ сознаніи, какъ нѣчто такое, что важнѣе другихъ,—мы смотримъ на него какъ на единственную цѣль рѣчи (или мысли), а на другіе—только какъ на средство или путь, ведущій къ этой цѣли. Когда мы говоримъ и мыслимъ, лексическія значенія словъ привлекаютъ къ себѣ почти все наше вниманіе; звуковую форму мы произносимъ какъ-то машинально, автоматически, а грамматическую совсѣмъ не замѣчаемъ. Каждый изъ насъ легко можетъ наблюдать это на себѣ самомъ, вникая въ работу своей мысли. Указанное здѣсь отношеніе всѣхъ трехъ «частей слова» къ *вниманію* обыкновенно понимаютъ такъ: всякая работа мысли можетъ совершаться двояко: *сознательно* и *безсознательно*,—и психологи съ этой точки зрѣнія различаютъ «сферу сознанія» и «сферу безсознательную», а кромѣ того, принимаютъ въ первой еще *свѣтлую точку сознанія* и другія области, все удаляющіяся «отъ свѣтлой точки» и постепенно приближающіяся къ сферѣ безсознательной. Это, собственно говоря, выраженія неточныя, фигуральныя, но они оказываются очень удобными, потому что подсказываютъ намъ какъ бы наглядное представленіе объ этихъ процессахъ нашего мышленія. «Свѣтлая точка сознанія», это и есть то, что иначе называется *вниманіемъ*. Пользуясь этими фигуральными выраженіями, столь употребительными въ современной психологіи, мы скажемъ, что въ процессѣ

мышленія «значеніе» слова попадаетъ въ свѣтлую точку сознанія, а другія его части остаются, такъ сказать, въ тѣни. Когда я говорю, напр.: «я прочиталъ очень интересную книгу», то я держу въ свѣтлой точкѣ сознанія (а вслѣдъ за мной—и тотъ, кому я говорю это) *значенія* всѣхъ этихъ словъ, а ихъ звукосочетанія проскальзываютъ какъ-то мимо этой свѣтлой точки,—я ихъ почти не замѣчаю, не трачу на нихъ силы вниманія. Извѣстно, какъ утомляетъ вниманіе, сосредоточенное на чемъ-нибудь. Это значитъ, что вниманіе есть такая психическая *работа*, которая тратитъ силу. Слѣдовательно, процессъ мышленія значеній словъ, протекающій въ свѣтлой точкѣ сознанія, есть работа, сопряженная съ извѣстною тратой силы. Напротивъ, процессъ мышленія звуковой формы, не требующій вниманія, есть работа очень легкая, которая почти не тратитъ силы и обходится намъ, можно сказать, почти даромъ. Оттуда у насъ естественное умственное ощущеніе или даже родъ безсознательнаго умозаключенія, что *значеніе есть нѣчто главное, существенное, основное, а звуковая форма* есть нѣчто второстепенное, только сопутствующее значенію, — его принадлежность, его «форма». Прибѣгая опять къ фигуральному выраженію, мы сравниваемъ «значеніе» слова съ зерномъ, а «звуковую форму»—съ его оболочкою, мы называемъ значеніе *содержаніемъ*, а звукосочетаніе — *формою*, въ которую какъ будто бы вложено это содержаніе.

«Содержаніе» и «форма» въ сущности нераздѣльны; но мы можемъ искусственно, въ воображеніи, раздѣлить ихъ, представляя себѣ значеніе слова отдѣльно, какъ представленіе или понятіе, и разсматривая звуковую форму независимо отъ того, что она обозначаетъ,—просто какъ звуки, какъ сочетаніе звуковъ. Такою именно искусственною анатоміею слова и занимается особая часть грамматики—*фонетика*, изучающая звуковую сторону языка.

Труднѣе произвести другую операцію: отдѣлить мысленно отъ значенія слова его *грамматическую форму*. Это трудно потому, что грамматическая форма есть умственный процессъ, совершающійся далеко отъ свѣтлой точки сознанія и въ живой рѣчи или мысли не привлекающій къ себѣ вниманія. Чтобы отдѣлить ее, нужно сперва ее *замѣтить*, нужно остановить вниманіе на ней, или, что то же, перевести ее изъ безсознательной сферы въ сознаніе. Эта операція, вообще довольно мучительная, образуетъ то, что называется «пробужденіемъ рефлексіи», въ данномъ случаѣ—грамматической. Попробуемъ сдѣлать это, напр., со словомъ «домъ». Нужно силою воображенія выдѣлить изъ этого неразложимаго цѣлаго въ одну сторону самое представленіе или понятіе «дома» (т.-е. значеніе слова «домъ»), а въ другую все то, что говоритъ намъ грамматическая форма. Она говоритъ намъ довольно много: во-первыхъ, что слово «домъ» есть существительное (а не глаголъ и т. д.); во-вторыхъ, что оно имѣетъ признакъ мужескаго рода; въ-третьихъ, что оно имѣетъ такъ называемый «падежъ», въ данномъ случаѣ именительный единственнаго числа, а это предполагаетъ, что есть и другіе падежи единственнаго и множественнаго числа, и мы можемъ, когда нужно будетъ, сказать: *до́ма, дому, о домѣ, дома́, домовъ* и т. д.—Такъ вотъ выдѣляя эту грамматическую форму со всѣми ея признаками, мы и приходимъ къ заключенію, что, такъ сказать, чистое (психологическое и логическое) представленіе, напр., «дома»—это *одно*, а грамматическая форма—это *другое*. Изъ числа ея признаковъ одинъ, именно первый (то, что «домъ»—*существительное*), такъ тѣсно слитъ со значеніемъ слова и такъ гармонируетъ съ его природою, что намъ кажется, будто тутъ нѣтъ различія между формою и содержаніемъ. Но стоитъ только взять другія представленія, также имѣющія

грамматическую форму существительнаго, но не находящіяся въ гармоніи съ этой формою, чтобы указанное различіе выступило отчетливо. Возьмемъ представленія качествъ (свойствъ) и дѣйствій (или состояній), напр.: *бѣлизна, доброта, приниженность, высокомѣріе, хожденіе, посвистываніе, приспособленіе, предрасположеніе, отчужденность, заботливость, находчивость* и т. п. Грамматическая форма этихъ словъ приравниваетъ эти представленія качествъ, дѣйствій, состояній къ представленіямъ предметовъ (какъ *домъ, столъ, человѣкъ, солнце* и т. д.); она обладаетъ тѣми же признаками падежа, числа, рода. Но она находится въ очевидномъ противорѣчіи съ природою данныхъ представленій, т.-е. *значеній* этихъ словъ. Логически—это качества, дѣйствія, состоянія, отношенія. Грамматически—это предметы, это *существительныя*. Вотъ именно это противорѣчіе и помогаетъ намъ отдѣлить мысленно грамматическую форму отъ значенія слова. И мы, отправляясь отсюда, говоримъ: если въ этихъ словахъ грамматическая форма оказывается чѣмъ-то отличнымъ отъ значеній словъ, то такъ должно быть и во всѣхъ словахъ, хотя бы во многихъ случаяхъ намъ и трудно было ее выдѣлить. Но и въ такихъ случаяхъ очень часто тотъ или иной признакъ грамматической формы наводитъ насъ на мысль—противопоставить ее значенію слова. Такъ, очевидно, мужескій родъ слова «домъ» не можетъ быть разсматриваемъ какъ принадлежность самаго представленія «дома»; во французскомъ то же самое представленіе вылито въ грамматическую форму съ женскимъ родомъ (la maison). Слова «мужчина», «староста», «воевода» формально женскаго рода, и только въ угоду логикѣ мы говоримъ: этотъ мужчина (въ старину могли говорить: храбрая воевода), въ нѣмецкомъ слово *Weib* (женщина) — средняго рода. Всѣ такіе факты укрѣпляютъ насъ въ мысли, что грамматическая форма есть нѣчто

особое, отличное отъ самаго значенія слова, что она — только *способъ изображенія въ словѣ представленій и понятій*, при чемъ сплошь и рядомъ, на томъ или другомъ пунктѣ, этотъ способъ изображенія ихъ оказывается въ противорѣчіи съ ихъ психологическою или логическою природою.

Почему эти противорѣчія насъ не смущаютъ, не мѣшаютъ намъ мыслить представленія и понятія не такъ, какъ изображаетъ ихъ грамматическая форма, а такъ, какъ требуютъ логика, опытъ и наука? Прежде всего потому, что въ живой рѣчи, въ практикѣ мышленія грамматическая форма остается въ тѣни, не проникаетъ въ свѣтлую точку сознанія. Вниманіе устремлено на значеніе словъ и не отвлекается въ сторону грамматическаго изображенія этихъ значеній. Но не сознавая грамматическихъ формъ, мы все-таки чувствуемъ ихъ присутствіе. Оно даетъ знать о себѣ гораздо яснѣе въ сочетаніяхъ словъ, чѣмъ въ словѣ, отдѣльно взятомъ.

Въ сочетаніяхъ словъ (само собою разумѣется, дѣло идетъ о сочетаніяхъ *осмысленныхъ*) и особенно въ предложеніяхъ слова становятся частями группы, частями *предложенія* (подлежащимъ, сказуемымъ, дополненіемъ и т. п.). Спрашивается: какой изъ элементовъ слова играетъ здѣсь главную роль? Какое свойство слова даетъ ему возможность стать частью группы вообще, предложенія въ частности? Это именно — *грамматическая форма. Сочетаніе словъ и предложеніе, — это прежде всего сочетанія грамматическихъ формъ.*

Изученіе этой роли грамматическихъ формъ въ образованіи осмысленныхъ группъ и въ частности предложенія и составляетъ задачу *синтаксиса.*

Иначе говоря, синтаксисъ изслѣдуетъ *участіе грамматическихъ формъ въ мышленіи человѣческомъ.*

Грамматическія формы *измѣняются* въ теченіе вѣковъ, онѣ *развиваются*, подчиняясь особому *закону*

развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется составъ и характеръ предложенія (какъ и другихъ сочетаній словъ). Изученіе этихъ измѣненій, съ цѣлью опредѣлить ихъ направленіе и приблизиться къ постиженію закона грамматической эволюціи (развитія), образуетъ задачу *историческаго* синтаксиса, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и *сравнительнымъ*, ибо изучаемыя измѣненія слѣдуетъ наблюдать въ различныхъ языкахъ, какъ родственныхъ, такъ и не родственныхъ.

Но такое чисто-научное изученіе не устраняетъ необходимости наблюденій надъ синтактическими явленіями отдѣльныхъ языковъ въ ихъ современномъ состояніи,—наблюденій, не связанныхъ съ задачею изслѣдованія историческаго развитія грамматическихъ формъ и предложенія.

Приступая здѣсь къ такому (не-историческому и не-сравнительному) изученію синтактическихъ явленій современнаго общерусскаго литературнаго языка, мы начнемъ болѣе обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ вопроса, только затронутаго въ этомъ введеніи,—вопроса о природѣ *грамматическихъ формъ*, взятыхъ внѣ предложенія, и дадимъ ихъ *классификацію*, т.-е. распредѣлимъ ихъ по отдѣламъ. Эти отдѣлы извѣстны подъ именемъ *частей рѣчи* или *грамматическихъ категорій*.

ГЛАВА I.

Части рѣчи.

§ 1. Когда я говорю или думаю: *домъ, дерево, человѣкъ, лошадь, камень, солнце* и т. д., тогда я безсознательно и моментально подвожу представленіе или понятіе *дома, дерева* и т. д. подъ категорію *предмета* и при этомъ не задумываюсь надъ вопросомъ, въ самомъ ли дѣлѣ все это — *предметы* или же что-нибудь другое. Такъ же мало задумываюсь я надъ этимъ, когда говорю или думаю: *огонь*, хотя изъ элементарнаго курса физики я давно ужъ знаю, что въ дѣйствительности *огонь* — не предметъ, не вещь, а *процессъ горѣнія*. Далѣе, говоря: *бѣлизна, высота, глубина, доброта, истина, правда, злоба, желаніе, сочувствіе, хожденіе, борьба, посѣщеніе, размышленіе, забота, приходъ* и *расходъ, отъѣздъ, просвѣщеніе* и т. д. и т. д., я хорошо знаю, что все это — *не предметы*, а нѣчто другое (*качества, признаки, дѣйствія, состоянія*), но, не смущаясь этимъ, подвожу ихъ *все подъ ту же категорію предмета*, только, разумѣется, смотрю на эти «предметы» какъ на ненастоящіе, какъ на *фиктивные*, т.-е. какъ на нѣчто такое, что, не будучи предметомъ, однако, представлено въ словѣ такъ, *какъ будто бы оно предметъ*. Я подвожу данныя представленія или понятія подъ категорію, имъ чуждую, не соотвѣтствующую ихъ

природѣ. Это не ошибка и не ложь, а то, что называется *фикціею*. Извѣстныя представленія, напримѣръ, признаковъ или качествъ (*бѣлизна, мягкость, твердость*), или дѣйствій (*хожденіе, расходованіе* и пр.), помѣщены мною не туда, куда слѣдуетъ, — въ другую, чужую рубрику, но этимъ я ни себя, ни другихъ не обманываю, не ввожу въ заблужденіе. Нетрудно понять, какъ удобны, какъ сподручны эти выраженія, и какой пробѣлъ былъ бы въ нашей рѣчи-мысли, еслибы ихъ не существовало. Полезность фикцій оправдываетъ ихъ, и мы съ успѣхомъ пользуемся ими на каждомъ шагу въ практикѣ нашей рѣчи-мысли.

Когда я говорю: *пять* человѣкъ, *десять паръ* чулокъ, *дюжина* тарелокъ, я подвожу здѣсь подъ *категорію предмета* не только представленія *человѣкъ, чулокъ, тарелка* (это въ самомъ дѣлѣ предметы), но и представленія: *пять, десять, пара, дюжина*, которыя, конечно, *не предметны*: въ природѣ нѣтъ такихъ вещей, которыя бы назывались *пять, дюжина*, и т. д., — это числа или *количественные признаки* вещей. Но я, опять прибѣгая къ полезной фикціи, изображаю въ словѣ эти признаки такъ, какъ будто они своего рода особые предметы.

Наконецъ я могу поступить такъ: держа въ мысли представленія, подведенныя подъ категорію предмета, напримѣръ, *домъ, вода*, я не даю имъ прямого выраженія въ словѣ, не произношу или не мыслю этихъ словъ — *домъ, вода*, а только намекаю или указываю на данныя представленія при помощи другого сорта словъ, которыя представленій не обозначаютъ, но выставляютъ на видъ ихъ *предметность*, ихъ принадлежность къ категоріи предмета. Такъ, вмѣсто домъ я могу сказать *онъ*, вмѣсто вода—*она*. Когда я говорю о себѣ самомъ, мнѣ не зачѣмъ произносить свое имя, отчество и фамилію, да еще представлять себѣ свою

собственную физіономію, а достаточно сказать короче: *я*. Въ то время, какъ *домъ* можно сказать только о *домѣ*, *вода*—только о *водѣ*,—*онъ*, *она* можно сказать о чемъ или о комъ угодно, *лишь бы то, къ чему эти выраженія отнесены, было подведено подъ категорію предмета*. Такъ точно не только я, имя рекъ, говорю *я* о себѣ, но и вы, и всѣ. Итакъ, слова этого рода выражаютъ не самыя представленія, а ихъ категорію, именно *предметную*.

Теперь подведемъ итогъ.

Работа мысли, состоящая въ томъ, что представленія и понятія, каковы бы они ни были, подводятся *подъ категорію предмета*, и вмѣстѣ — въ томъ, что это подведеніе выражается *въ словѣ*, есть то, что принято называть *именемъ существительнымъ*.

Имена существительныя, какъ это явствуетъ изъ вышеизложеннаго, раздѣляются на слѣдующіе разряды:

1) Существительныя *знаменательныя*, обозначающія представленія опредѣленныхъ предметовъ. Они, въ свою очередь, подраздѣляются на:

а) *Подлинно-существительныя*. Это тѣ, въ которыхъ категорія предмета находится въ согласіи съ природою представленія или понятія, какъ она вообще дана или какъ мы ее понимаемъ, соотвѣтственно уровню нашего умственнаго развитія. Такъ, въ существительныхъ *домъ*, *дерево*, *камень* и т. д. категорія предмета, по существу дѣла, вполнѣ приличествуетъ даннымъ представленіямъ. Существительное *огонь* для необразованнаго человѣка, не учившагося физикѣ, есть подлинное существительное, потому что онъ такъ и думаетъ, что огонь—это предметъ. Для насъ это уже не подлинное, а фиктивное существительное.

б) *Фиктивныя существительныя*. Это тѣ, въ которыхъ нѣтъ соотвѣтствія между категоріею предмета и

природою выражаемыхъ ими представленій или понятій. Сюда относятся и тѣ, которыя называются *отвлеченными*: признакъ, напримѣръ, бѣлаго цвѣта, принадлежащій различнымъ предметамъ (снѣгу, камню, простынѣ и т. д. и т. д.), какъ бы извлекается изъ этихъ предметовъ и искусственно изображается какъ нѣчто отдѣльное отъ нихъ, «отвлеченное» отъ нихъ и якобы составляющее какой-то особый предметъ.

Замѣтимъ, что на раннихъ ступеняхъ развитія (въ древности и у современныхъ дикарей) эти существительныя еще не фикціи: думали, что «бѣлизна» есть въ самомъ дѣлѣ особый предметъ или даже «существо», находящееся въ другихъ предметахъ (въ снѣгѣ, камнѣ, бѣлыхъ облакахъ и т. д.), что «злоба» есть существо, родъ демона, вселяющагося въ человѣка, «мудрость»— также нѣкое высшее, богоподобное существо и т. п. Оттуда созданіе цѣлаго сонма божествъ, каковы богиня Мудрости, богиня Мести, Смерть и пр. Вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ (съ прогрессомъ) мысли человѣческой, увеличивается число фиктивныхъ существительныхъ; прежнія подлинныя превращаются въ фиктивныя (какъ это случилось съ сущ.: *огонь*, *болѣзнь*, *смерть*, *месть*, *бѣлизна*, *доброта* и мн. друг.), а кромѣ того, создаются и новыя фиктивныя, каковы, напр., многочисленныя отглагольныя: *существованіе*, *соболѣзнованіе*, *соотношеніе*, *совпаденіе*, *провозглашеніе* и т. д.

2) *Существительныя-числительныя*: *одинъ*, *два*, *три*, *четыре*... *десять*... *двадцать*... *сто*... *тысяча*... *милліонъ*... *дюжина*... Однимъ словомъ, это всѣ такъ называемыя *числительныя количественныя*, отвѣчающія на вопросъ: «сколько?»—Замѣтимъ, что категорія предмета (существительность) ярче выражена въ тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ внѣшнюю форму, вполнѣ совпадающую съ внѣшнею формою подлинныхъ существительныхъ,— таковы *тройка* (не карта, а число, напр, тройка лоша-

дей вмѣсто три лошади) [1]), *десятокъ*, *дюжина* и др., и не столь ярко въ тѣхъ, которыхъ внѣшняя форма не столь близка къ формѣ подлинныхъ существительныхъ (таковы *одинъ*, *два*, *три* и т. д.).

3) *Существительныя-мѣстоименія*, именно: а) *личныя (я, ты, онъ, она, оно, мы, вы, они, онъ)*, б) *указательныя (этотъ, тотъ)*, в) *опредѣлительныя (всякъ, всякій*, напримѣръ, въ выраженіи «*всякій* знаетъ, что...» гдѣ нѣтъ нужды подразумѣвать *человѣкъ*), г) *неопредѣленныя (кто-нибудь, что-либо, нѣкто, нѣчто)*, д) *вопросительныя (кто? что?)*, е) *относительныя (который, кто, что)*.

§ 2. Когда я говорю или думаю: *бѣлый, синій, высокій, большой, малый, желѣзный, золотой, пріятный, больной, задумчивый, трудный, тяжелый* и т. д. и т. д., тогда я безсознательно и моментально подвожу эти представленія подъ категорію *признака, который принадлежитъ другимъ представленіямъ, отлитымъ въ форму предмета.* Я говорю: *бѣлый* камень, *синее* небо, *высокій* домъ, *большой* городъ, *золотое* кольцо и т. д. *Здѣсь мыслится признакъ, находящійся въ предметѣ, присущій ему, какъ бы пассивно въ немъ пребывающій.* Такъ, бѣлый камень собственно значитъ: камень, въ которомъ находится бѣлизна. При этомъ мы не пускаемся въ разсужденія о томъ, что въ сущности бѣлизна есть наше зрительное ощущеніе, а не принадлежность камня, который только вызываетъ въ насъ это ощущеніе. Это соображеніе не приходитъ намъ въ голову и тогда, когда оно, казалось бы, само напрашивается и было бы вполнѣ умѣстно, напримѣръ, хотя бы въ выраженіи *высокій* домъ, ибо высота дома — это только

---

1) *Тройка* въ смыслѣ карты, какъ и *двойка, семерка* и пр., принадлежитъ къ разряду подлинно-существительныхъ.—Равнымъ образомъ, и *тройка* въ смыслѣ тройка лошадей, но безъ добавленія „лошадей“, есть подлинное существительное.

наше впечатлѣніе, полученное при сравненіи этого дома съ другими, не высокими. Или мы говоримъ: *веселый* ужинъ, *скучный* день, *тяжелый* годъ и т. п., забывая, что не самый ужинъ былъ веселъ, а были веселы ужинавшіе люди; не самый день скучалъ, а это мнѣ было скучно въ тотъ день и т. д. Въ этихъ и подобныхъ выраженіяхъ есть фикція, состоящая въ томъ, что предмету приписанъ признакъ, якобы присущій ему или находящійся въ немъ, въ то время какъ онъ присущъ не ему, а другому предмету,—находится въ дѣйствительности не въ немъ, а въ другомъ предметѣ.

Къ числу признаковъ, фиктивно приписываемыхъ предметамъ, принадлежатъ числовыя опредѣленія предметовъ при счетѣ: *первый, второй, третій... десятый... сотый... тысячный...* Мы говоримъ: *второй* отъ угла домъ, какъ будто бы *второй* — это признакъ даннаго дома, въ немъ находящійся, — все равно, какъ *бѣлый* домъ, *каменный* домъ.

Наконецъ мы можемъ, не выражая самаго представленія даннаго признака (напримѣръ, *бѣлый, высокій* и т. д.), обозначить въ словѣ только то, что это представленіе отлито *въ форму признака* (а не другую, напримѣръ, предмета) *и притомъ признака, присущаго вещи, пассивно въ ней пребывающаго.* Такъ выходитъ, когда мы говоримъ: *такой, какой-то, этакій* и т. д.

Подводя итогъ, мы скажемъ такъ:

Движеніе или работа мысли, проявляющаяся въ томъ, что мы приписываемъ предметамъ признаки, представляя ихъ, въ словѣ, находящимися въ предметахъ, присущими имъ, пассивно въ нихъ пребывающими, выражается въ особой грамматической категоріи, называемой *имя прилагательное.*

Оно распадается на:

1) *Прилагательныя знаменательныя,* въ которыхъ дано опредѣленное представленіе, отлитое въ форму

признака, принадлежащаго предмету, при чемъ эта принадлежность можетъ быть либо подлинной, либо фиктивною: *бѣлый, золотой, пріятный, дешевый, милый, скромный* и мн. друг.

2) *Прилагательныя-числительныя* (такъ называемыя *порядковыя*): *первый... седьмой... двадцатый... сотый...*

3) *Прилагательныя-мѣстоименія*, подраздѣляющіяся на: а) *указательныя (такой, этакій)*, б) *неопредѣленныя (какой-то, какой-нибудь, нѣкоторый)*, в) *вопросительныя (какой? чей? который?)*, г) *притяжательныя (мой, твой, свой...)*, д) *опредѣлительныя (весь, каждый, всякій)*, е) *относительныя (какой, который, чей)*.

§ 3. Когда я говорю, напримѣръ, «снѣгъ *бѣлѣетъ*», то я безсознательно и моментально подвожу представленіе *бѣлизны* снѣга подъ категорію *признака, производимаго будто бы дѣятельностью даннаго предмета* (снѣга). «Снѣгъ бѣлѣетъ» есть выраженіе, которое по своему грамматическому характеру существенно отличается отъ выраженія *бѣлый снѣгъ*. Въ послѣднемъ признакъ представленъ пассивно-находящимся въ предметѣ, въ первомъ тотъ же признакъ представленъ такъ, какъ будто предметъ *активенъ* и дѣйствуетъ, и результатомъ этой дѣятельности и является признакъ, выраженный въ словѣ *бѣлѣетъ*. Иначе говоря, здѣсь *признакъ подведенъ подъ категорію дѣйствія*.

Эта категорія дѣйствія является въ трехъ видахъ: а) *дѣйствіе подлинно*, т.-е. предметъ, которому оно приписано, въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ, напр., я *пишу*, онъ *ходитъ*, она *поетъ*, собака *лаетъ*, дѣти *плачутъ*, вѣтеръ *шумитъ* и т. д.; б) *дѣйствіе фиктивно*, т.-е. признакъ, являемый предметомъ, въ сущности не является результатомъ его дѣятельности, напр., камень *лежитъ*, снѣгъ *бѣлѣетъ*, онъ *умеръ* и т. д. [1]);

---

[1]) Такія *фиктивныя* дѣйствія принято называть *состояніями*.

в) *дѣйствія даннаго предмета совсѣмъ нѣтъ, даже какъ фикціи*, дѣятельность предмета является *мнимою*, и въ словѣ обозначено то, что происходитъ въ силу дѣйствія не даннаго, а другого, посторонняго предмета, напр., письмо уже *написано*, обѣдъ *варится*, книга *печатается*, онъ всѣми *любимъ* и т. д.

Дѣйствія, какъ подлинныя, такъ и фиктивныя («состоянія»), какія мы наблюдаемъ и приписываемъ всевозможнымъ предметамъ и существамъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вызываютъ въ насъ весьма опредѣленныя, «конкретныя» представленія. Напр., дѣйствіе «ходить» вызываетъ представленіе существа, которое передвигаетъ ноги и такимъ способомъ движется, дѣйствіе «ползти» сопряжено съ другимъ представленіемъ, «плыть»—опять съ другимъ и т. д.; каждое изъ нихъ, въ свою очередь, видоизмѣняется въ зависимости отъ того, какому предмету оно приписано: «ходить», отнесенное, напр., къ человѣку, является представленіемъ, отличнымъ отъ представленія о томъ, какъ ходитъ слонъ. Тѣмъ не менѣе, различныя представленія *ходьбы, хожденія* мы объединяемъ въ одномъ выраженіи *ходить*. Такія объединенія или обобщенія дѣйствій (и состояній) бываютъ болѣе или менѣе широкими. Къ числу наиболѣе широкихъ принадлежитъ слѣдующее. Мы имѣемъ отдѣльныя, конкретныя представленія о томъ, какъ прозябаетъ зерно, какъ растутъ растенія, какъ ребенокъ постепенно превращается въ юношу, юнопа—въ человѣка взрослаго, какъ возникаютъ изъ однѣхъ вещей другія, какъ гаснетъ дневной свѣтъ, смѣняясь темнотою ночи, и т. д. и т. д. И вотъ, всѣ подобные переходы одного въ другое, всѣ такія превращенія мы объединяемъ въ общихъ выраженіяхъ, каковы: *становиться, стать, сдѣлаться*. Въ нихъ стушеваны тѣ конкретныя представленія, тѣ особые способы или проявленія, какіе мы наблюдаемъ въ дѣйствитель-

пости, когда одно *становится* другимъ. Если свойство слова — выражать конкретныя представленія мы назовемъ *знаменательностью*, то мы скажемъ, что выраженія *ходить, бѣжать, расти* и т. п. вполнѣ *знаменательны*, а тѣ обобщенныя выраженія—*стать, становиться* и т. п.—*гораздо менѣе знаменательны*. Иначе говоря, они болѣе *отвлеченны*, — въ нихъ, именно въ ихъ лексическомъ значеніи, выражены не представленія, а понятія, которыя, въ свою очередь, являются обобщеніемъ другихъ понятій.

Слѣдя далѣе за *убывающею знаменательностью* и возрастающею *отвлеченностью* выраженій, относящихся къ дѣйствіямъ и состояніямъ предметовъ, мы встрѣчаемъ выраженія: *существовать, быть*, въ которыхъ знаменательность сведена къ минимуму, а отвлеченность достигла очень высокой степени, такъ какъ здѣсь устранены всѣ конкретныя формы бытія (существованія). Эти выраженія могутъ быть отнесены и къ человѣку, и къ животному, и растенію, и солнцу, и камню, и дождю, къ чему угодно, о чемъ только можно сказать, что оно *есть, существуетъ*.

Но мы можемъ подняться еще ступенью выше. Когда я говорю: «я *былъ* тогда молодъ», то здѣсь «былъ» не значитъ «существовалъ», и въ этомъ выраженіи нѣтъ даже того минимума знаменательности, какой находится въ выраженіи «существовать». «Былъ» въ приведенномъ примѣрѣ совсѣмъ не знаменательно,— оно лишено лексическаго значенія и является чистою формою, именно грамматическою формою, указывающею на дѣятельность предмета, въ данномъ случаѣ—фиктивную, т.-е. на состояніе предмета, но совершенно неспособную выразить это состояніе, назвать его. Чтобы это сдѣлать, пришлось прибѣгнуть къ помощи другого слова, прилагательнаго «молодъ».

Теперь мы можемъ подвести итогъ.

Движеніе или работа мысли, въ силу которой мы подводимъ представленія и понятія разныхъ степеней отвлеченности подъ категорію дѣйствія (дѣятельности) предмета, — дѣйствія подлиннаго или фиктивнаго («состоянія» предмета), при чемъ въ словѣ само дѣйствіе (состояніе) можетъ и не быть обозначено,—выражается въ особой грамматической категоріи, извѣстной подъ именемъ *глагола*.

Глаголы дѣлятся на:

1) *Глаголы полной знаменательности*, въ которыхъ выражено представленіе или понятіе опредѣленнаго дѣйствія или состоянія: *ходить, сидѣть, говорить, пѣть, читать, жить, умереть, быть любимымъ, бѣлѣть, смотрѣть* и т. д.

2) *Глаголы неполной знаменательности*, требующіе другихъ словъ для выраженія того, что нужно. Таковы: *стать* («онъ *сталъ* богатъ»), *становиться* («вопросъ *становится* темнымъ»), *сдѣлаться, казаться, являться* («это *кажется* страннымъ», «это обстоятельство *явилось* причиною того, что»...), *называться* («столица Франціи *называется* Парижъ») и др.

3) *Глаголы весьма мало знаменательные или глаголы отвлеченные, выражающіе отвлеченное понятіе существованія, бытія, но при этомъ не нуждающіеся въ помощи постороннихъ словъ.* Ихъ два—*существовать и быть* («я *былъ* Римѣ», «у него *есть* деньги») [1]).

4) *Глаголъ незнаменательный*, нуждающійся въ постороннихъ словахъ, которыя и вносятъ въ него, какъ въ форму, отсутствующее значеніе. Это—*быть*, въ той роли, которая называется *связкою:* «онъ *былъ* молодъ». Глаголъ-связка можетъ быть названъ *незнаменательнымъ — формальнымъ*.

---

[1]) Кромѣ этихъ двухъ отвлеченныхъ глаголовъ, означающихъ „существованіе“, встрѣчаются и другіе, не столь отвлеченные, каковы: *находиться, пребывать, обрѣтаться* и пр., которые иногда могутъ служить ихъ замѣстителями.

§ 4. Если, выражая въ словѣ извѣстное представленіе или понятіе, стать одновременно на точку зрѣнія, данную въ прилагательномъ (признакъ принадлежитъ предмету), и на ту, которая дана въ глаголѣ (признакъ производится подлиннымъ, фиктивнымъ, мнимымъ дѣйствіемъ предмета), то получится особая грамматическая категорія, извѣстная подъ именемъ *причастія*. Такъ, «бѣлѣющій снѣгъ» значитъ «снѣгъ, который произвелъ свою бѣлизну», и за симъ представленъ обладателемъ этого признака. Здѣсь совмѣщено то, что дано въ выраженіи «снѣгъ *бѣлѣетъ*», съ тѣмъ, что дано въ выраженіи «*бѣлый* снѣгъ». Въ причастіи «*любимый*» выраженъ признакъ, произведенный мнимою дѣятельностью предмета (иначе—признакъ, которымъ характеризуется состояніе предмета), и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ признакъ приписанъ предмету, какъ находящійся въ немъ, какъ его принадлежность.

Подобно глаголамъ, причастія подраздѣляются на: 1) *знаменательныя (идущій, сидящій, лежавшій, любимый, нарисованный* и пр.); 2) *причастія неполной знаменательности (ставшій, становящійся, сдѣлавшійся, казавшійся, называющійся, именуемый* и др.); 3) *малознаменательныя-отвлеченныя (сущій, бывшій, существующій)*.

Такъ какъ въ формальномъ отношеніи причастія ближе примыкаютъ къ прилагательному (чѣмъ къ глаголу), то ихъ можно отнести къ разряду прилагательныхъ, только выдѣливъ въ особую рубрику, которую обозначимъ такъ: это такія прилагательныя, въ которыхъ прилагательность осложнена глагольностью, и которыя обладаютъ нѣкоторыми свойствами глаголовъ (время, видъ, залогъ).

§ 5. Когда какое-нибудь представленіе изображено въ видѣ *признака, принадлежащаго не предмету, а признаку или дѣйствію предмета*, тогда является

грамматическая категорія, извѣстная подъ именемъ *нарѣчія*. Я получилъ впечатлѣнія ослѣпительной бѣлизны, напр., отъ снѣга. Но я отношу это представленіе не къ самому снѣгу непосредственно, а къ его признаку *бѣлый*, и говорю «*ослѣпительно* бѣлый снѣгъ». Порядокъ здѣсь такой: данъ предметъ (снѣгъ); въ немъ усмотрѣнъ признакъ (бѣлизны), который, какъ и слѣдуетъ, выраженъ прилагательнымъ «бѣлый»; въ этомъ признакѣ отмѣчена его «ослѣпительность», и это представленіе, какъ относящееся не къ предмету, а къ признаку предмета, выражено словомъ «*ослѣпительно*», которое и есть нарѣчіе. Такимъ образомъ нарѣчія выражаютъ признаки признаковъ, или, иначе, способы проявленія признаковъ. «Малый» относится къ предмету, «мало» — къ признаку (свойству, качеству предмета).—Если вмѣсто признака предмета мы возьмемъ его *дѣйствіе* и въ этомъ дѣйствіи найдемъ разные признаки, ему присущіе или такъ или иначе къ нему относящіеся, то опять получимъ нарѣчія: «снѣгъ бѣлѣлъ *ослѣпительно*», «онъ говоритъ *убѣдительно*», «она поетъ *хорошо*», «мы идемъ *скоро*», «они знаютъ *мало*», «ученикъ отвѣчалъ *плохо*» и т. д.—Такъ какъ дѣйствіе (состояніе) представляется во времени и въ пространствѣ, то къ нему могутъ быть отнесены и соотвѣтственные признаки, т.-е. представленія времени, къ которому отнесено дѣйствіе, и мѣста, гдѣ оно происходило, — и эти представленія также отливаются въ форму нарѣчія: «я прійду къ вамъ *завтра*», «онъ былъ у меня *вчера*», «мы сошли *внизъ*», «я былъ *тамъ*» и т. д.

Можно отлить въ форму нарѣчій и числовыя (количественныя) представленія, напр., *дважды, трижды* (*трижды* пропѣлъ пѣтухъ), *вдвоемъ, втроемъ*.

Наконецъ само представленіе, отлитое въ форму нарѣчія, можетъ остаться невыраженнымъ или даже

неизвѣстнымъ, а выражается только эта форма — нарѣчія. Такъ, вмѣсто «хорошо», «дурно», «ослѣпительно» и пр., я могу сказать: *такъ*, или, не зная, хорошо ли это было или дурно, могу спросить: «какъ?» (*какъ* онъ пѣлъ? — Отвѣтъ: «онъ пѣлъ *хорошо*»). Вмѣсто «вчера» я могу сказать «тогда». Вмѣсто «трижды» могу сказать «столько» или, не зная, спросить «сколько (разъ)». Вмѣсто «сошелъ *внизъ*» — «сошелъ *туда*» и т. д. Это нарѣчія *малознаменательныя-формальныя*, отвѣчающія прилагательнымъ-мѣстоименіямъ и существительнымъ-мѣстоименіямъ.

Итакъ, нарѣчія дѣлятся на:

1) *Нарѣчія знаменательныя* (*хорошо, дурно, скоро, тихо, мало, много, быстро, скучно, в село, высоко, громко, сильно и т. д. и т. д.*).

2) *Нарѣчія числительныя* (*дважды, трижды...*).

3) *Нарѣчія малознаменательныя-формальныя* (*такъ, этакъ, какъ, тогда, тамъ, тутъ, здѣсь, столько, сколько...*).

§ 6. Представленіе, отлитое въ форму нарѣчія, и притомъ нарѣчія, относящагося къ глаголу (т.-е. выражающаго признакъ дѣйствія), можетъ быть понято какъ производимое дѣятельностью предмета. Этой особенности нѣтъ въ нарѣчіяхъ, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущемъ §. Такъ, въ выраженіи «онъ сидѣлъ *задумчиво*» признакъ «задумчивости» просто приписанъ дѣйствію *сидѣлъ* и вовсе не разсматривается какъ проявленіе дѣятельности предмета (лица — «онъ»). Напротивъ того, если я скажу: «онъ сидѣлъ *задумавшись*», то здѣсь предмету (лицу) приписано два дѣйствія (*сидѣть* и *задуматься*), изъ которыхъ второе (*задуматься*) превращено въ признакъ перваго. Онъ *сидѣлъ*.—Но *какъ* сидѣлъ? — *Задумавшись*. — Эта грамматическая категорія извѣстна подъ именемъ *дѣепричастія*. Она воспроизводитъ признакъ дѣйствія, пред-

ставленный какъ другое дѣйствіе того же предмета, которому приписано и первое.

Дѣепричастіе есть нарѣчіе, обладающее нѣкоторыми глагольными свойствами (время, видъ, залогъ). Его можно бы присоединить къ указаннымъ въ предыдущемъ § видамъ нарѣчій, но только подъ особой рубрикой—*нарѣчій отглагольныхъ*.

Подобно глаголамъ и причастіямъ, дѣепричастія могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе разряды:

1) *Дѣепричастія вполнѣ знаменательныя* (*видя, сидя, сказавъ, прійдя, прихрамывая, прочитавши, пропѣвъ, отдавая...*)

2) *Дѣепричастія неполной знаменательности* (*ставъ, ставши* (*напр., богатымъ*), *являясь, становясь, называясь...*)

3) *Дѣепричастія отвлеченныя* (*малознаменательныя: существуя, бывъ, бывши, будучи*).

4) *Дѣепричастія формальныя* (*связки*): «*будучи* молодъ и неопытенъ, я не могъ знать жизни».

§ 7. Кромѣ этихъ—*главныхъ*—частей рѣчи, въ русскомъ языкѣ есть еще *служебныя: предлоги* и *союзы*, опредѣленіе которыхъ будетъ сдѣлано въ главахъ XII и XIII.

Къ частямъ рѣчи обыкновенно причисляютъ и *междометія*, которыя, однако, не образуютъ «части рѣчи», т.-е. особой категоріи грамматическаго мышленія, въ собственномъ смыслѣ. Междометія (*ахъ! охъ! эй! увы! о!* и т. д.) выражаютъ чувства, а не представленія или понятія [1]). Они приближаются къ частямъ рѣчи лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляются искусственно и условно *вмѣсто* извѣстныхъ словъ, напр., «всѣ эти *ахи* и *охи* такъ надоѣли», гдѣ «ахи»

[1]) Кромѣ чувствъ, междометія выражаютъ и другія душевныя движенія, напр., *зовъ, кличъ: эй! ау!* Есть и звукоподражательныя: *мяу, кукуреку* и т. п.

и «охи» являются замѣною существительныхъ, и имъ даже дано окончаніе именительнаго падежа множественнаго числа,—или: «*увы*—междометіе», гдѣ *увы* не выражаетъ никакого чувства и значитъ: «выраженіе *увы*» или «звукосочетаніе *увы*». Оно здѣсь—замѣна существительнаго и играетъ роль подлежащаго.

§ 8. Вышеразсмотрѣнныя грамматическія категоріи, или «части рѣчи», различаются и съ внѣшней стороны—*окончаніями* словъ и другими признаками, изученіе которыхъ составляетъ предметъ не синтаксиса, а морфологіи. Въ задачу синтаксиса входитъ только, изъ этой области, разсмотрѣніе той роли, какую играютъ извѣстные внѣшніе, формальные признаки частей рѣчи въ сочетаніяхъ словъ, въ особенности въ тѣхъ сочетаніяхъ, которыя подводятся подъ общее понятіе *предложенія*.— Сюда относятся прежде всего измѣненія словъ въ порядкѣ *согласованія* и *управленія*.

Важнѣйшій внѣшній (формальный) признакъ *существительныхъ*, *прилагательныхъ* и *причастій* состоитъ въ томъ, что они *склоняются*, т.-е. измѣняются по падежамъ. Это свойство ихъ играетъ огромную роль въ сочетаніяхъ словъ, служа способомъ выраженія различныхъ отношеній между словами. Эти отношенія суть слѣдующія:

Именительный падежъ (на вопросы: «кто? что?») *существительныхъ* означаетъ, что а) существительное не относится ни къ какому другому слову, не зависитъ отъ другихъ словъ; б) если же оказывается, что оно имѣетъ отношеніе къ какому-нибудь другому слову, то это другое непремѣнно также существительное въ именительномъ падежѣ, и отношеніе одного къ другому есть отношеніе не зависимости, а параллельности. Вотъ примѣры: а) «*домъ* моего отца заложенъ въ городскомъ банкѣ» (здѣсь именительный падежъ существительнаго «домъ» показываетъ, что это слово не зависитъ отъ

другихъ, не относится къ другимъ, а, напротивъ, другія къ нему относятся или отъ него зависятъ); б) «*домъ* моего отца, *источникъ* доходовъ и *основа* благосостоянія нашей семьи, заложенъ»... (здѣсь именительные «источникъ» и «основа» относятся къ именительному «домъ», но не зависятъ отъ него, не подчиняются ему, а стоятъ параллельно ему, такъ сказать, на почти равныхъ правахъ въ предложеніи, образуя то, что принято называть «приложеніемъ»); в) «домъ моего отца—главный *источникъ* нашихъ доходовъ и *основа* благосостоянія нашей семьи» (здѣсь именительные «источникъ» и «основа» относятся къ именительному «домъ», но не подчиняются ему, а, такъ сказать, сопоставляются съ нимъ, какъ бы на равныхъ правахъ, образуя именную часть сказуемаго).

Другіе падежи существительныхъ (кромѣ *звательнаго*), напротивъ, означаютъ *подчиненіе* существительнаго другому слову [1]). Это—отношеніе *зависимости*. Оно называется *управленіемъ*, которое состоитъ въ томъ, что существительное ставится въ извѣстномъ падежѣ (родительномъ, дательномъ и т. д.) по требованію другого слова. Такъ, существительное «отца» приняло форму родительнаго падежа по требованію слова «домъ», которое и является «управляющимъ» въ отношеніи къ «управляемому» (зависимому) слову «отца».—Звательный падежъ есть «слово обращенія» и не означаетъ зависимости.

Падежи прилагательныхъ и причастій всегда означаютъ *зависимость* этихъ словъ отъ существительныхъ: такъ, въ сочетаніи «*мой домъ*» именит. «мой» означаетъ зависимость этого слова отъ именительнаго «домъ»,—въ сочетаніи «*моего дома*» родит. «моего» выражаетъ зависимость этого слова отъ родит. «дома». Этотъ родъ зависимости, отличающійся отъ *управленія*, называется *согласованіемъ* и состоитъ въ томъ, что зависимое

[1]) Кромѣ случаевъ, когда они являются „приложеніями“.

слово ставится въ томъ же падежѣ, родѣ и числѣ, въ какихъ взято то слово, къ которому относится слово зависимое. Согласованіе есть какъ бы «грамматическое подражаніе»: зависимое слово «подражаетъ» другому, принимая его форму. Это также особый родъ «параллельности», но съ оттѣнкомъ болѣе замѣтной, болѣе сильной зависимости или *подчиненія*.

Этотъ оттѣнокъ значительно уменьшается въ согласованіи *глагола*. Глаголъ, относясь къ существительному (подлежащему), *согласуется* съ нимъ въ *лицѣ* и *числѣ* (въ прошед. врем. и въ родѣ), но здѣсь уже нѣтъ «подражанія», нѣтъ того «подчиненія», какое мы ощущаемъ, когда *согласуемъ* прилагательное съ существительнымъ. Если глаголъ относится къ личному мѣстоименію («*я* пишу», «*ты* поешь»), то мѣстоименіе только яснѣе обозначаетъ то лицо, которое и безъ того уже обозначено самимъ глаголомъ,— и это скорѣе соотвѣтствіе (параллелизмъ) лица существительнаго съ лицомъ глагола, чѣмъ согласованіе съ оттѣнкомъ зависимости. Если глаголъ относится къ существительному знаменательному или числительному («*домъ* продается», «*семеро* одного не ждутъ»), то третье лицо глагола только означаетъ, что существительное — не «я» и не «ты». Это опять соотвѣтствіе, а не зависимость. Оттѣнокъ зависимости въ согласованіи глагола яснѣе проявляется согласованіемъ въ *числѣ* и — въ прошедшемъ времени — въ *родѣ*. Здѣсь существительное своимъ множественнымъ числомъ (*эти дома*...) или понятіемъ множественности (*семеро*...), которое бываетъ и ложнымъ (*ножницы, сани, именины*...), требуетъ, чтобы глаголъ принялъ также форму множественнаго числа («эти дома *продаются*», «семеро... *не ждутъ*», «ножницы *лежатъ* на столѣ»). Но и тутъ ощущеніе зависимости далеко не такъ ярко, какъ въ согласованіи прилагательнаго съ существительнымъ (*мой* домъ‘

мои дома); это яснѣе обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда при двухъ или болѣе существительныхъ въ единственномъ числѣ мы ставимъ глаголъ во множественномъ: «*диванъ, одно кресло, столъ* и *шкафъ составляли* все убранство комнаты». Здѣсь глаголъ, собственно говоря, не согласуется въ числѣ съ существительными, а только *отвѣчаетъ* формою множественнаго числа на тотъ фактъ, что тутъ не одно, а нѣсколько существительныхъ. Прилагательныя такъ «отвѣчать» не могутъ; нельзя сказать: «*мои старые* диванъ, комодъ, столъ»... [1]).

Другой родъ зависимости, отличный отъ разсмотрѣнныхъ отношеній и не выражающійся въ формахъ согласованія и управленія, присущъ *нарѣчіямъ* и *дѣепричастіямъ*. Это слова *неизмѣняющіяся*, не имѣющія ни падежей, ни числа, ни рода, ни лица. Ихъ зависимость отъ другихъ словъ поэтому не находитъ себѣ внѣшняго выраженія и не вызываетъ у насъ ощущеній или представленій «подражанія», «подчиненія», «параллельности». Нарѣчія и дѣепричастія, присоединяясь къ другимъ словамъ, сохраняютъ въ отношеніи къ нимъ свою кажущуюся—*формальную*—самостоятельность, но мы чувствуемъ, что подъ этой личиной самостоятельности, независимости скрывается грамматическое тяготѣніе нарѣчія или дѣепричастія къ другому слову. Такъ, въ фразахъ «онъ шелъ *быстро*», «онъ ходитъ *прихрамывая*» нарѣчіе «*быстро*» и дѣепричастіе «*прихрамывая*» тянутъ къ глаголамъ (*шелъ, ходитъ*) и, такъ сказать, состоятъ при нихъ, исполняя свою спеціальную синтактическую обязанность («обстоятельство»), и въ этомъ смыслѣ «зависятъ» отъ нихъ, но

---

1) Въ современной печати часто приходится встрѣчать выраженія въ родѣ: „Я давно не видалъ *моихъ* брата и сестру“. Это не по-русски и рѣжетъ ухо.

эта зависимость совсѣмъ не похожа на ту, которая выражается, напр., управленіемъ. Нарѣчія и дѣепричастія не столько зависятъ отъ другихъ словъ, сколько состоятъ при нихъ. Они составляютъ какъ бы переходную ступень отъ зависимыхъ словъ (согласующихся и управляемыхъ) къ словамъ *служебнымъ*, какими являются *предлоги* и *союзы*. Эти служебныя слова также только состоятъ при другихъ словахъ, служа выраженіемъ различныхъ отношеній между ними.

ГЛАВА II.

Что такое „грамматическое предложеніе“? Понятіе предицированія или сказуемости. Полная и неполная сказуемость.

Части предложенія.

§ 1. Различныя отношенія между словами, выражающіяся въ формахъ согласованія, управленія и другихъ связей, осуществляются въ *группахъ* или *сочетаніяхъ* словъ. Изъ этихъ группъ важнѣйшею является та, которую принято называть «*предложеніемъ*».

Что такое «*предложеніе*»? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно сперва уяснить себѣ природу того акта мысли, который извѣстенъ подъ именемъ «*предицированія*» или «*сказуемости*».

Прежде всего замѣтимъ, что *предицированіе* не составляетъ исключительной принадлежности, какъ бы монополіи грамматическаго предложенія: мы его находимъ и въ другихъ формахъ *сужденія*, каковы такъ называемое «психологическое», свойственное высшимъ животнымъ (и ребенку до усвоенія языка) и «*логи-*

ческое», присущее человѣку на извѣстной высотѣ развитія. Именно актъ предицированія и объединяетъ эти три формы въ одну группу. Но каждая изъ нихъ отличается своими особенностями, которыя пролагаютъ рѣзкую грань между ними, не позволяя ихъ смѣшивать или отожествлять. Главная особенность грамматическаго предложенія — это то, *что оно воплощается въ словѣ, что оно осуществляется силою грамматическихъ формъ мышленія.* И само предицированіе въ грамматическомъ предложеніи есть актъ, осложненный непремѣннымъ участьемъ извѣстныхъ грамматическихъ формъ.

Это участье *слова* въ осуществленіи предложенія вноситъ сюда не мало *новыхъ ощущеній*, которыя вызываются словами, грамматическими формами. Безспорно, различнымъ грамматическимъ формамъ и различнымъ сочетаніямъ ихъ соотвѣтствуютъ особыя умственныя ощущенія, часто едва замѣтныя, иногда почти неуловимыя, нерѣдко же выступающія въ нашемъ сознаніи болѣе или менѣе ярко. Всякій знаетъ, что незначительное, повидимому, измѣненіе фразы (напр., замѣна одного слова другимъ), ничуть не нарушая ея смысла, въ то же время замѣтно вліяетъ, такъ сказать, на ея характеръ: фраза производитъ уже *другое впечатлѣніе*, т.-е. въ нашихъ умственныхъ ощущеніяхъ, сопутствующихъ данной фразѣ, произошла какая-то перемѣна. Эти умственныя ощущенія связаны и съ лексическими значеніями словъ и съ ихъ грамматическими формами.

Насъ интересуютъ здѣсь только тѣ, которыя связаны именно съ этими послѣдними. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза различная степень яркости или силы, съ какою сопряжено ощущеніе той или другой грамматической формы.

Наиболѣе ярко то умственное ощущеніе, которое вызывается въ насъ *глаголами, причастіями* и *дѣепричастіями.* Въ противоположность умственнымъ ощу-

щеніямъ отъ другихъ частей рѣчи, эти, такъ сказать, «*глагольныя*», «*причастныя*» и «*дѣепричастныя*» ощущенія обнаруживаются настолько явственно, что замѣтить, уловить ихъ нетрудно. Возьмемъ, съ одной стороны, напр., «*бѣлый*» и «*бѣлизна*», а съ другой— «*бѣлѣть*», «*бѣлѣетъ*», «*бѣлѣющій*», «*бѣлѣя*», *или морозъ, морозный, морозно* (съ одной стороны) и *морозитъ, морозило* (съ другой), или *шумъ, шумный, шумно* (съ одной стороны), — *шумѣть, шумитъ, шумящій, шумя* (съ другой), — и сравнимъ наши умственныя ощущенія, возникающія при употребленіи приведенныхъ существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчій, съ тѣми ощущеніями, которыя сопутствуютъ приведеннымъ глаголамъ, причастіямъ и дѣепричастіямъ. Безъ особеннаго труда мы замѣтимъ, что вторыя ощущенія гораздо яснѣе, сильнѣе, значительнѣе первыхъ: *шумитъ, шумящій* и проч. отражаются въ нашей мысли ярче первыхъ, производя впечатлѣніе какъ бы большей энергичности, большей силы. Когда я говорю *бѣлѣетъ, шумитъ*, я (такъ чувствуется) произвожу болѣе сложную и болѣе энергичную работу мысли, чѣмъ когда я говорю: *бѣлый, бѣлизна, шумъ, шумный*. Говоря *бѣлый, бѣлизна* и т. д., я трачу умственную силу на мышленіе опредѣленнаго представленія (бѣлизны) и на переработку этого представленія при помощи грамматической категоріи (прилагательнаго, существительнаго), — и этимъ, повидимому, дѣло и ограничивается. Но когда я говорю: *бѣлѣть, бѣлѣетъ, бѣлѣющій* и т. д., я, кромѣ этой работы, произвожу еще какую-то другую. Я здѣсь не только держу въ сознаніи извѣстное представленіе, подведенное подъ грамматическую категорію (глагола, причастія), но и еще совершаю—опять-таки въ сознаніи — нѣкоторую другую работу, дѣлаю особое усиліе мысли, котораго не дѣлалъ, когда говорилъ: *бѣлый, бѣлизна*. Произнося или думая: *бѣ*

лизна, бѣлый, шумъ, шумно, шумный, морозный, я только *называю, обозначаю* соотвѣтственныя представленія и *классифицирую* ихъ (по грамматическимъ категоріямъ). Произнося или думая: *бѣлѣть, бѣлѣетъ, бѣлѣющій, шумитъ, шумящій*, я не только называю или обозначаю и классифицирую эти представленія, но еще что-то *утверждаю* (все равно, — положительно или же отрицательно: *не бѣлѣетъ, не шумитъ, не морозило, не шумящій*). Эта прибавочная работа мысли и образуетъ то, что мы называемъ *предицированіемъ*, или *сказуемостью*. Ее можно назвать также *предицирующимъ движеніемъ мысли*, или *силою предицированія (сказуемости)*. Это движеніе, эта сила и даетъ знать о себѣ тѣмъ особымъ умственнымъ ощущеніемъ большей энергіи, большей яркости, большей тяжести мысли, которое сопутствуетъ глаголамъ, причастіямъ и дѣепричастіямъ, и котораго нѣтъ, когда мы употребляемъ слова другихъ частей рѣчи. Это — ощущеніе *большаго усилія* мысли, потребнаго для того, чтобы не только *называть, обозначать*, но, кромѣ того, еще и *утверждать (положительно* или *отрицательно), предицировать*.

Это усиліе можетъ быть больше или меньше. При прочихъ равныхъ условіяхъ (когда наша мысль работаетъ съ неизмѣняющеюся силою напряженія) такое предицирующее усиліе оказывается значительнѣе тогда, когда оно *глагольно*, и слабѣе тогда, когда оно выражается въ формѣ *причастія* или *дѣепричастія*. Разница, въ этомъ смыслѣ, между *бѣлѣть, бѣлѣетъ*, съ одной стороны, и *бѣлѣющій, бѣлѣя* — съ другой, довольно явственно ощущается. Очевидно, только глаголъ является обладателемъ предицирующей силы во всей ея полнотѣ, другія части рѣчи заимствуютъ эту силу отъ него. И поскольку причастія и дѣепричастія, происходя отъ глагола, удерживаютъ глагольныя свой-

ства, постольку они и могутъ предицировать. Но ихъ принадлежность къ другимъ категоріямъ (причастія—къ прилагательному, дѣепричастія—къ нарѣчію) отнимаетъ у нихъ извѣстную часть предицирующей силы.

Сила предицированія или предицирующее движеніе мысли является необходимымъ условіемъ для возникновенія *предложенія*.

Но для того, чтобы слово могло превратиться въ предложеніе, предицирующее движеніе мысли, связанное съ этимъ словомъ, должно отвѣчать извѣстнымъ требованіямъ, которымъ удовлетворяетъ только *глагольная* форма этого акта. *Не всякое предицированіе* даетъ *бытіе предложенію, а только предицированіе глагольное*. Если я хочу образовать предложеніе изъ представленій, относящихся къ бѣлизнѣ, то для этой цѣли я не могу воспользоваться ни существительнымъ *бѣлизна*, ни прилагательнымъ *бѣлый*, ни нарѣчіемъ *бѣло*, *бѣлѣе*, ни даже причастіями *бѣлѣющій*, *бѣлѣвшій* и дѣепричастіемъ *бѣлѣя*,—я долженъ взять какую-нибудь глагольную форму: *бѣлѣетъ*, *бѣлѣлъ*, *бѣлѣть*, *бѣлѣютъ* и т. д. *Безъ глагола или безъ глагольности нѣтъ предложенія*. Сейчасъ мы разъяснимъ, что этотъ законъ остается въ силѣ и тогда, когда въ предложеніи опущенъ глаголъ или когда онъ замѣненъ какимъ-нибудь другимъ словомъ, несущимъ обязанности глагола. Но сперва намъ нужно устранить возможность одного недоразумѣнія.

Если всякій глаголъ обладаетъ предицирующею силою, достаточною для образованія предложенія, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что стоитъ только произнести или подумать любой глаголъ и сейчасъ же возникаетъ предложеніе. Я могу произнести 20 глаголовъ (*сижу*, *ходилъ*, *взяли*, *пѣдутъ*, *читала*, *писалъ*... и т. д.), но это не значитъ, что я образовалъ 20 предложеній.— Дѣло въ слѣдующемъ. Сила предицированія измѣняется, усиливаясь или уменьшаясь, сообразно психологичс-

скимъ условіямъ, при которыхъ было произнесено или подумано предицирующее слово. Для образованія предложенія нужна извѣстная энергія мысли, и есть минимумъ предицирующей силы, ниже котораго она не въ состояніи дать бытіе предложенію. Когда я произношу бѣгло и, такъ сказать, машинально рядъ глаголовъ, не связанныхъ между собою, не осмысленныхъ, то предицирующія усилія моей мысли слишкомъ ничтожны, чтобы изъ этихъ глаголовъ могли образоваться предложенія. Равнымъ образомъ, когда я спрягаю (*несу, несешь, несетъ, несемъ, несете, несутъ*...), изъ этого не выходитъ соотвѣтственнаго количества предложеній: я *не имѣлъ намѣренія предицировать, я не хотѣлъ утверждать*, что я несу, ты несешь и т. д.,—я хотѣлъ только показать свое умѣнье спрягать глаголъ *нести*. Вѣдь сила предицированія, о которой, для краткости, мы говорили, что она принадлежитъ глаголу, въ сущности принадлежитъ не ему, а намъ, какъ и самый глаголъ. Послѣдній есть одна изъ грамматическихъ формъ нашей мысли, отличающаяся отъ другихъ тѣмъ, что при наличности благопріятныхъ психологическихъ условій она вызываетъ въ нашемъ умѣ предицирующее движеніе мысли, способное образовать предложеніе. При отсутствіи этихъ условій она и не вызоветъ предицирующаго движенія мысли, достаточнаго для образованія предложенія, а зачастую и вообще никакого предицирующаго усилія. Предложеніе, какъ предицирующій актъ мысли, есть родъ вопроса, поставленнаго въ сознаніи, и отвѣта, на него даннаго,—какъ бы результатъ нѣкотораго, хотя бы и мимолетнаго размышленія, выбора между двумя или болѣе возможными отвѣтами. Предложеніе является выраженіемъ того, что я думаю, а не того, что только мелькаетъ въ моемъ сознаніи. Предложеніе предполагаетъ активность мысли, извѣстную степень ея самодѣятельности. Можно даже нѣсколько точнѣе опредѣ-

лить эту активность или самодѣятельность мысли, сказавъ, что предложеніе есть не просто актъ предицированія, но *осмысленный и цѣлесообразный актъ предицированія.*

Подводя итогъ всему сказанному, мы опредѣлимъ предложеніе такъ:

Предложеніе есть такое слово или такое упорядоченное и осмысленное сочетаніе словъ, которое сопряжено съ особымъ движеніемъ мысли, извѣстнымъ подъ именемъ предицированія (сказуемости).

Если предицирующаго движенія мысли нѣтъ, то нѣтъ и предложенія, а есть только слово или сочетаніе словъ. Такъ, напр., слово «морозный» не сопряжено съ предицирующимъ движеніемъ мысли, и потому оно и не можетъ быть предложеніемъ. Но слово *морозитъ*, какъ обладающее предикативностью, является при наличности извѣстныхъ условій не только словомъ, но и предложеніемъ. Сочетаніе словъ: *эта, картина, мнѣ, очень* — не составляетъ предложенія. Но если я присоединю къ нимъ слово *нравится*, обладающее предикативностью, то и выйдетъ предложеніе: *эта картина мнѣ очень нравится.* Въ немъ дано предицирующее движеніе мысли, воплощенное въ глаголѣ *нравится*, и этотъ умственный актъ осмысленъ. Его осмысленность нарушится, если я произвольно измѣню форму данныхъ словъ, напр., вмѣсто «эта», скажу «этотъ», вмѣсто «мнѣ» — «меня» или «мною», вмѣсто «нравится» — «нравятся» и т. п. Выйдетъ чепуха, въ силу которой потерпитъ извѣстный ущербъ и самый актъ предицированія, ибо неправильности въ согласованіи и управленіи словъ невольно внушаютъ намъ предположеніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло просто съ случайнымъ наборомъ словъ, и глаголъ, находящійся въ ихъ числѣ, отражается въ нашемъ сознаніи не какъ выразитель предицирующаго движенія мысли, а просто какъ одно изъ

такихъ случайно подвернувшихся словъ. Итакъ, необходимымъ условіемъ для возникновенія предложенія, кромѣ наличности предицирующаго глагола, является также *упорядоченіе словъ* или *ихъ синтактическая организація въ порядкѣ согласованія и управленія.*

Слова, такимъ образомъ, организованныя, перестаютъ быть просто словами и становятся *частями предложенія.* Эти части суть: *сказуемое, связка, предикативный аттрибутъ, подлежащее, дополненіе, опредѣленіе, обстоятельство, служебныя слова* (предлоги и союзы).

Разсмотримъ ихъ по порядку.

§ 2. *Сказуемое — это та часть предложенія, въ которой воплощено предицирующее движеніе мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ обозначено само содержаніе, являющееся предметомъ или цѣлью предицированія.* Такъ, въ предложеніи «снѣгъ *бѣлѣетъ*» сказуемое *бѣлѣетъ* не только воспроизводитъ актъ предицированія, но и указываетъ съ полною опредѣленностью на *бѣлизну* снѣга, какъ на то представленіе, на которое и направлено предицирующее движеніе мысли. Въ предложеніи *онъ лежитъ больной* сказуемое *лежитъ больной* составлено изъ двухъ словъ, изъ которыхъ одно—«лежитъ»—воспроизводитъ самый актъ предицированія и, кромѣ того, выражаетъ и часть предицируемаго содержанія («лежаніе»); второе слово—*больной*—выражаетъ другую часть этого содержанія, но не сопряжено съ предицирующимъ движеніемъ мысли. Въ предложеніи «онъ былъ счастливъ» сказуемое также состоитъ изъ двухъ словъ, но здѣсь слово «былъ» никакого содержанія не выражаетъ и только служитъ представителемъ предицирующаго движенія мысли, содержаніе же этой мысли обозначено второю частью сказуемаго—«счастливъ».

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что сказуемое выражается либо однимъ словомъ, либо двумя. Въ первомъ случаѣ это *сказуемое простое,* во второмъ — *составное*

Простое сказуемое выражается *глаголомъ*. Изо всѣхъ частей рѣчи только глаголъ обладаетъ всѣми свойствами, какія безусловно необходимы для выраженія сказуемаго. Это, во-первыхъ, *полнота предицирующей силы*, во-вторыхъ, это—*его формально-грамматическое значеніе, какъ части рѣчи, выражающей дѣйствія предметовъ (подлинныя, фиктивныя и мнимыя)*. Нетрудно видѣть, что именно эта категорія и отвѣчаетъ потребностямъ нашей мысли: во всемъ, о чемъ мы думаемъ, о чемъ высказываемся, мы инстинктивно ищемъ прежде всего признаковъ дѣятельности или состояній различныхъ предметовъ. Первый вопросъ, скрывающійся за каждымъ актомъ предицированія, сводится къ формулѣ: «что происходитъ, что дѣлается, что совершается и т. д.». На этого рода вопросы и отвѣчаютъ только глаголы.— Въ связи съ этимъ находится та особенность глагола, что онъ, кромѣ дѣйствій и состояній, обозначаетъ еще и *лицо*, въ силу чего во всякой глагольной формѣ дано указаніе на дѣятеля, производящаго данное дѣйствіе (подлинное, фиктивное, мнимое) или, точнѣе, указаніе на грамматическое лицо, которому приписывается то, что выражено лексическимъ значеніемъ глагола. Этихъ грамматическихъ *лицъ* обыкновенно принимаютъ *три*: *первое* (лицо говорящее), *второе* (лицо, къ которому обращена рѣчь), *третье* (лицо, о которомъ идетъ рѣчь). Но въ языкѣ существуетъ еще два грамматическихъ лица: *неопредѣленное*, подъ которое подводятся всѣ три, и *мнимое*. Неопредѣленное лицо мы находимъ въ нѣкоторыхъ такъ называемыхъ «безличныхъ» (правильнѣе «безсубъектныхъ») предложеніяхъ, каковы: «говорятъ», «пишутъ въ газетахъ», «тише ѣдешь—дальше будешь», а кромѣ того, есть и особая глагольная форма, въ которой дано только отношеніе къ лицу, но само лицо не обозначено: это *инфинитивъ*,

или «неопредѣленное наклоненіе» [1]). О *мнимомъ* лицѣ, которое мы находимъ въ оборотахъ типа «свѣтаетъ», «морозитъ», «тошнитъ», будетъ рѣчь въ главѣ VI, § 1, и въ главѣ VIII, § 2.

Теперь посмотримъ, возможно ли *простое сказуемое* безъ глагола. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

«*У меня порядокъ, у меня чистота*», говоритъ одна дама въ «Доходномъ мѣстѣ» Островскаго.—*Сегодня морозъ.—Завтра мои именины.*

Обыкновенно говорятъ, что въ такихъ выраженіяхъ опущенъ глаголъ (*есть, будутъ*), который будто бы подразумѣвается. Глаголъ, дѣйствительно, опущенъ, но всякій, обладающій чутьемъ русскаго языка, хорошо знаетъ, что этотъ опущенный глаголъ вовсе не подразумѣвается. Говоря: «у меня порядокъ», дама не держала въ мысли глагола «есть» или какого бы то ни было другого. Тѣ случаи, гдѣ опущенный глаголъ подразумѣвается, т.-е. присутствуетъ въ мысли и только не произнесенъ, въ счетъ не идутъ,—когда идетъ рѣчь о возможности простого сказуемаго, которое не было бы выражено глаголомъ. Такъ, напр., во фразѣ: «онъ сидѣлъ на диванѣ, а я—на стулѣ» послѣ «я» опущенъ глаголъ «сидѣлъ», но онъ въ самомъ дѣлѣ подразумѣвается, присутствуетъ въ мысли, и здѣсь мы имѣемъ такое же самое глагольное сказуемое «сидѣлъ», какое находится въ первомъ предложеніи («онъ сидѣлъ на диванѣ»).—Итакъ, всѣ случаи этого рода исключаются, и наше вниманіе привлекаютъ здѣсь только тѣ предложенія, въ которыхъ опущенный глаголъ *не подразумѣвается и не можетъ быть введенъ безъ искаженія смысла фразы или безъ нарушенія ея характера.* Въ первыхъ двухъ изъ вышеприведенныхъ фразъ глаголъ «есть» немыслимъ; нельзя сказать: «у меня

---

[1]) О немъ рѣчь будетъ ниже, см. гл. V, § 1.

есть порядокъ, у меня *есть* чистота», «сегодня *есть* морозъ». Въ третьемъ предложеніи («завтра мои именины») вставка глагола «будутъ» возможна, но не удобна; если ее сдѣлать, характеръ фразы измѣнится. Говоря: «завтра мои именины», я мысленно представляю себѣ завтрашній день какъ сегодняшній, — я замѣняю представленіе будущаго времени представленіемъ настоящаго, и это придаетъ особый оттѣнокъ фразѣ, который исчезаетъ при вставкѣ глагола «будутъ». Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что въ глаголахъ, кромѣ настоящаго времени въ собственномъ смыслѣ, существуетъ такъ называемое «изобразительное» настоящее время, служащее для болѣе наглядnаго или живого изображенія событій, относящихся къ прошедшему или къ будущему. Его-то мы и имѣемъ въ предложеніи: «завтра мои именины». Вставить глаголъ «будутъ» значитъ устранить тотъ оттѣнокъ, какой приданъ фразѣ формою «изобразительнаго настоящаго». Теперь вернемся къ фразѣ: «у меня порядокъ, у меня чистота». Здѣсь также дана форма настоящаго времени, но опять не настоящаго въ собственномъ смыслѣ, а другая, извѣстная подъ названіемъ «*настоящее постоянства*» («заведеннаго порядка»). Это — настоящее для изображенія того, что имѣетъ мѣсто всегда, постоянно, часто, обыкновенно, и, стало-быть, относится и къ настоящему, и къ прошлому, и къ будущему. Итакъ, въ приведенныхъ примѣрахъ, при отсутствіи опредѣленнаго глагола, при невозможности, безъ искаженія характера фразы, ввести туда какой-либо глаголъ, чувствуется, однако, присутствіе опредѣленной глагольной формы, именно въ одномъ случаѣ «настоящаго изобразительнаго», въ другомъ — «настоящаго постоянства». Эти формы не выражены, но присутствуютъ въ мысли, и этого достаточно, чтобы сказать, что здѣсь есть глаголъ или,

точнѣе, *глагольность*. Присутствіе невыраженной глагольности явственно сказывается тутъ и наличностью предицирующаго момента: вѣдь существительныя «порядокъ», «чистота», «именины» (а равно и «морозъ» въ предложеніи «сегодня морозъ») сами по себѣ непредикативны, не могутъ предицировать. Предицирующее движеніе мысли, несомнѣнно данное въ этихъ предложеніяхъ (иначе это не были бы предложенія), исходитъ отъ невыраженной, но присутствующей въ сознаніи *глагольности*, и оттуда, такъ сказать, распространяется на существительныя («порядокъ», «чистота« «морозъ», «именины»), которыя поэтому и произносятся съ нѣкоторымъ усиленіемъ интонаціи. Они въ извѣстной мѣрѣ «оглаголиваются».

Еще примѣръ:

Татьяна — ахъ! Пошла — и что жъ? *Медвѣдь за ней* (Пушк., «Евг. Онѣг.»).

Въ подчеркнутыхъ фразахъ глаголовъ нѣтъ, но предикативный моментъ налицо (это несомнѣнныя предложенія). Если вставимъ пропущенные глаголы (напр., «Татьяна *вскрикнула*: ахъ! — Медвѣдь *пошелъ* или *устремился* за ней»), то этимъ испортимъ не только стихъ, но и самый характеръ данныхъ оборотовъ. Здѣсь, очевидно, отсутствіе опредѣленныхъ глаголовъ съ извѣстнымъ лексическимъ значеніемъ служитъ особымъ способомъ выраженія. Это одинъ изъ важныхъ пріемовъ рѣчи: извѣстный оттѣнокъ получаетъ наилучшее выраженіе путемъ устраненія либо звуковой формы слова, либо его лексическаго значенія. Отъ слова, въ данномъ случаѣ глагола, остается его грамматическая форма, его категорія. Въ приведенномъ примѣрѣ, какъ и въ предыдущихъ, остается еще и предицирующее движеніе мысли, распространяющееся на междометіе «ахъ» и на дополненіе «за нею», которыя въ извѣстной мѣрѣ «оглаголиваются» и произно-

сятся съ усиленіемъ интонаціи (чего не было бы при наличности глаголовъ [1]).

Въ этомъ смыслѣ «оглаголиваются» *существительныя въ именительномъ падежѣ*, когда имъ сопутствуетъ предицирующій актъ мысли, оставшійся невыраженнымъ глагольною формою. Такъ это, напр., въ извѣстномъ стихотвореніи Фета:

Шопотъ, робкое дыханіе,
Трели соловья... и т. д.

которое сплошь составлено изъ существительныхъ въ именительномъ падежѣ съ ихъ опредѣленіями и дополненіями. То же самое находимъ и въ такихъ восклицаніяхъ, какъ: «Морозъ!» — «Пожаръ!» — «Бѣда!» — «Побѣда!» — «Заря, друзья, заря!» (стих. Полонскаго) и т. п. Глаголовъ нѣтъ въ смыслѣ опредѣленнаго лексическаго значенія, но есть *глагольность*, есть глагольно-предикативное движеніе мысли, распространяющееся на данныя существительныя, которыя въ этомъ смыслѣ «оглаголиваются».

Помимо такихъ случаевъ, есть въ языкѣ оглаголенныя слова, сохраняющія свою предикативность независимо отъ опущеннаго глагола и могущія составлять предложенія безъ помощи послѣдняго. Это именно предикативныя нарѣчія *да* и *нѣтъ*. Послѣднее унаслѣдовало свою предикативность отъ глагола, изъ котораго оно возникло (нѣтъ = *не* + *е(сть)* + частица *тъ*).

Теперь перейдемъ къ *составному сказуемому*. Въ немъ мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ «оглаголенія» или распространенія предицирующей силы, исходящей отъ глагола, на другія слова. Какъ и простое сказуемое, такъ и составное не обходится

---

1) Сравнимъ съ одной стороны:

Татьяна — *ахъ!..* Медвѣдь — *за нéй.*

И съ другой—Татьяна *вскрикнула*: ахъ! Медвѣдь *идетъ* за ней.

безъ глагола, или безъ глагольности. Въ немъ глаголъ, выраженный или не выраженный, образуетъ ту часть предложенія, которая называется *связкою*. Такъ, въ предложеніи: «онъ *былъ* купецъ», глаголъ *былъ* есть *связка*; она служитъ выраженіемъ предицирующаго движенія мысли, но не выражаетъ его содержанія: фраза хочетъ сказать не то, что «онъ *былъ*», а то, что «онъ былъ *купецъ*». Слово *купецъ* образуетъ здѣсь вторую часть сказуемаго, которая называется *предикативнымъ аттрибутомъ*. *Аттрибутъ* значитъ *опредѣленіе*. Но такъ какъ въ данномъ и подобныхъ случаяхъ опредѣленіе входитъ въ составъ сказуемаго, а не является простымъ опредѣленіемъ подлежащаго, и на этотъ аттрибутъ («купецъ» или «молодъ» въ предложеніи «онъ былъ молодъ») распространяется предицирующая сила, исходящая отъ глагола-связки, то ему и приличествуетъ названіе *аттрибута (опредѣленія) предикативнаго*.

Глаголъ-связка нерѣдко опускается. Это обязательно въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащее выражено первымъ или вторымъ лицомъ, а связка представлена отвлеченнымъ глаголомъ «быть». Дѣло въ томъ, что формы перваго и второго лица наст. вр. этого глагола — *есмь, еси, есмы, есте* давно уже исчезли у насъ. Невозможно сказать: «я есмь здоровъ», «ты еси боленъ» и т. д. Но исчезновеніе этихъ глагольныхъ формъ означаетъ только, что у насъ вышли изъ употребленія ихъ звуковыя формы; ихъ значенія, какъ лексическія, такъ и грамматическія (т.-е. категоріи 1-го лица единственнаго и множественнаго числа и 2-го лица единственнаго и множественнаго числа) остались, сохранились въ нашей грамматической мысли. Поэтому, говоря «я здоровъ», «ты боленъ», мы отчетливо сознаемъ присутствіе здѣсь глагольныхъ моментовъ, какъ источника предицирующей силы и какъ

категоріи 1-го и 2-го лица настоящаго времени. Слѣдовательно, въ предложеніяхъ: «я боленъ», «ты здоровъ», «мы счастливы» и т. п. сказуемыя только кажутся простыми,—въ дѣйствительности это сказуемыя составныя. Въ нихъ явственно различаются части составного сказуемаго: глаголъ-связка, хотя и не выраженная, и предикативный аттрибутъ. При перемѣнѣ времени связка получаетъ и внѣшнее выраженіе «я *былъ* боленъ», «ты *будешь* здоровъ».

Связка въ формѣ 3-го лица настоящаго времени глагола быть *(есть, суть)* весьма часто также опускается: «онъ боленъ», «они здоровы» (нельзя сказать: «*есть* боленъ» и т. д.), но иногда она удерживается: «лингвистика *есть* наука, изслѣдующая явленія человѣческой рѣчи». «Племена, населяющія Кавказъ, *суть* слѣдующія: осетины, татары, армяне, абхазцы и т. д.» Эти обороты свойственны языку книжному и уже оттуда переходятъ въ разговорную рѣчь.

Связки бываютъ: 1) *отвлеченныя*, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ съ опущенными формами настоящаго времени глагола *быть*, а также и съ другими его формами (*былъ, буду*) и т. д.); 2) *полуотвлеченныя* (или *малознаменательныя)*, въ роли которыхъ выступаютъ глаголы *бывать* («я часто *бываю боленъ*»), *стать, становиться, сдѣлаться, являться* и др.; 3) *знаменательныя*, напр., «столица Испаніи *называется* Мадридъ», «онъ *лежитъ* больной», «онъ *ходитъ* грустный» и т. п.

Предикативный аттрибутъ выражается: *существительными* («онъ *былъ купецъ*», «онъ — *не кто-нибудь*, а *человѣкъ* извѣстный и уважаемый», «я *сдѣлаю* это *самъ*», «онъ *живетъ одинъ*»), *прилагательными* («онъ *молодъ*», «мы *были счастливы*», «я *пришелъ первый*», «онъ *лежитъ больной*», «эта вещь *ничья*»), *причастіями страдательными* («книга уже *прочитана*», «онъ всѣми *любимъ*», «письмо *будетъ написано и по-*

слано»). Въ старомъ русскомъ были очень употребительны составныя сказуемыя съ причастіями дѣйствительными настоящаго и прошедшаго времени. Въ современномъ русскомъ такія формы крайне рѣдки, но отъ нихъ пошли такъ называемыя *предицирующія опредѣленія*, о которыхъ будетъ рѣчь въ главѣ IV. Нѣкоторыя слова, имѣющія форму причастій дѣйствительныхъ и нѣкогда бывшія ими, нынѣ перешли въ категорію простыхъ прилагательныхъ и, какъ таковыя, могутъ являться въ роли предикативнаго аттрибута. Таковы: *всемогущій* (Богъ *всемогущъ*)» *вездѣсущій, знающій*. Послѣднее существуетъ въ языкѣ и какъ причастіе, но является прилагательнымъ въ выраженіяхъ: «онъ—человѣкъ *знающій*», «Базаровъ уменъ и *знающъ*» (Тург. «Отцы и дѣти»). Въ первомъ примѣрѣ оно — простое опредѣленіе (къ сущ. «человѣкъ»), во второмъ — предикативный аттрибутъ, часть составного *сказуемаго*.

§ 3. *Подлежащее*—это часть предложенія, обозначающая того дѣятеля, который производитъ признакъ, данный въ лексическомъ значеніи сказуемаго, или, иначе говоря, дѣятеля, которому приписывается дѣятельность, выражаемая сказуемымъ. Такъ, въ предложеніи «человѣкъ мыслитъ» подлежащее «человѣкъ» обозначаетъ дѣятеля, производящаго признакъ «мыслить», данный въ лексическомъ значеніи сказуемаго. Подлежащему «человѣкъ» приписана дѣятельность, выражаемая сказуемымъ («мыслитъ»). Мы знаемъ, что дѣятельность, выражаемая глаголами-сказуемыми, можетъ быть подлинною, фиктивною и мнимою. Поэтому и подлежащее, соотвѣтственно характеру сказуемаго, можетъ обозначать дѣятеля подлиннаго, фиктивнаго и мнимаго. Въ только что приведенномъ примѣрѣ («человѣкъ мыслитъ») подлежащее обозначаетъ дѣятеля подлиннаго. Въ предложеніяхъ: «камень лежитъ», «онъ умеръ», «человѣкъ смертенъ», дѣятели фиктивны,

и сказуемыя выражаютъ дѣйствія фиктивныя, т.-е. не дѣйствія въ собственномъ смыслѣ, а состоянія. Въ предложеніяхъ: «письмо послано», «онъ всѣми любимъ», «книга печатается» подлежащія обозначаютъ дѣятелей мнимыхъ; признаки, выражаемые сказуемыми («быть посланнымъ», «быть любимымъ», «печататься»), отлиты въ такую глагольную форму (страдательный залогъ), при которой подлежащее теряетъ характеръ дѣятеля, не только подлиннаго, но и фиктивнаго, и только отвѣчаетъ на вопросъ: *кто? что?*—(Объ этомъ подробнѣе—въ гл. VIII, § 1.)

Отъ мнимости подлежащаго недалеко до его отсутствія: есть много предложеній безъ подлежащаго, такъ называемыхъ «безсубъектныхъ» (субъектъ-подлежащее). О нихъ говорится подробно въ гл. VIII, § 2.

Такъ какъ «дѣятелемъ», производящимъ (подлинно, фиктивно, мнимо) тотъ или иной признакъ, можетъ быть только предметъ (одушевленный или неодушевленный), а предметы обозначаются существительными, то выраженіемъ подлежащаго можетъ служить только существительное въ именительномъ падежѣ, отвѣчающемъ на вопросъ: кто? что?—(См. гл. VII, § 1.)

§ 4. *Дополненіе есть часть предложенія, обозначающая тѣ предметы, на которые простирается дѣятельность, выраженная сказуемымъ* («читаю *книгу*»), *или которые стоятъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ различнымъ частямъ предложенія* («иду *по дорогѣ*», «чтеніе этой *книги* доставило *мнѣ* много *удовольствія*»). Такъ какъ предметы обозначаются существительными, то выраженіемъ дополненія можетъ быть только существительное въ косвенныхъ падежахъ, которые, въ противоположность именительному и звательному (падежамъ «прямымъ»), служатъ грамматическою формою изображенія отношеній предметовъ къ другимъ предметамъ, къ дѣйствіямъ, качествамъ и т. д. Дополн-

ненія могутъ относиться ко всѣмъ частямъ предложенія, кромѣ отвлеченной связки.

Примѣры. Дополненіе при глаголѣ-сказуемомъ: «*пишу письмо*», «онъ *проситъ денегъ*», «мы *думаемъ о васъ*». Дополненіе при знаменательной связкѣ: «онъ *лежитъ въ постели* больной» [1]). Дополненіе при предикативномъ аттрибутѣ: «онъ былъ *извѣстенъ* своими *успѣхами*», «онъ *слабъ здоровьемъ*». Дополн. при подлежащемъ: «*домъ* моего *отца* продается», «*зависть къ чужому счастью* — большой порокъ». Доп. при дополненіи: «нужно соблюдать *правила приличія*», «я встрѣтилъ его *по дорогѣ къ вамъ*». Доп. при опредѣленіи: «*второй отъ угла* домъ», «*гордый* своими *заслугами* человѣкъ»... Доп. при обстоятельствѣ: «у него *много денегъ*, но *мало ума*».

Съ формальной стороны дополненіе опредѣляется такъ: это тѣ части предложенія, которыя выражаются именами существительными въ косвенныхъ падежахъ, т. е. отвѣчаютъ на вопросы: кого? чего? (род. п.) кого? что? (вин.) кому? чему? (дат.) кѣмъ? чѣмъ? (твор.) (о) комъ? (о) чемъ? (предлож.).

§ 5. *Опредѣленіе есть часть предложенія, выражающая признаки, принадлежащіе тѣмъ предметамъ, которые обозначены въ предложеніи*, именно признаки подлежащаго, дополненія, предикативнаго аттрибута, въ формѣ существительнаго, наконецъ, такъ называемаго «приложенія», выраженнаго существительнымъ. Такъ какъ признаки, принадлежащіе предметамъ, обозначаются прилагательными, а также и причастіями (съ прибавленіемъ доли предикативности), то выраженіемъ опредѣленій служатъ прилагательныя и причастія. Но есть особый сортъ опредѣленій, выражаемыхъ суще-

---

1) При отвлеченной связкѣ не бываетъ дополненій, напр., въ предложеніи „онъ былъ *мнѣ* преданъ“ дополн. „мнѣ“ относится не къ связкѣ „былъ“, а къ предик. аттрибуту „преданъ“.

ствительными. Они относятся къ такъ называемымъ приложеніямъ. (О нихъ будетъ рѣчь въ гл. IX).

Примѣры опредѣленій. Опредѣленіе, относящееся къ подлежащему: «...*высокая башня* стояла»... (Лерм. «Тамара»). Опредѣленіе, относящееся къ дополненію: «высокая башня стояла, чернѣя на *черной скалѣ*». «Я прочелъ *интересную книгу*». Опредѣленіе, относящееся къ предикативному аттрибуту въ формѣ существительнаго: «онъ совсѣмъ еще *молодой человѣкъ*», «Пушкинъ—*великій поэтъ*». Опредѣленіе, относящееся къ приложенію-существительному: «ко мнѣ пріѣхалъ родственникъ, *деревенскій житель*». Опредѣленія, выраженныя причастіями: «*подрастающее* поколѣніе», «*обрадовавшее* насъ извѣстіе», «*прочитанная* книга». (Объ опредѣленіяхъ-причастіяхъ см. въ гл. IV).

§ 6. *Обстоятельство есть часть предложенія, обозначающая признаки, которыми характеризуются другіе признаки, именно выраженные сказуемыми и опредѣленіями.* Такъ какъ признаки признаковъ (а не предметовъ) выражаются нарѣчіями и дѣепричастіями (съ прибавленіемъ доли предикативности), то выраженіемъ обстоятельствъ въ предложеніи служатъ нарѣчія и дѣепричастія.

Обстоятельства относятся къ сказуемому (простому), къ связкѣ, къ предикативному аттрибуту въ формѣ прилагательнаго, къ опредѣленію.

Примѣры. Обстоятельства при простомъ сказуемомъ: «онъ *живетъ весело*», «мы *пріѣдемъ туда вечеромъ*», «онъ *шелъ задумавшись*». Обстоятельство при связкѣ: «онъ *былъ тогда* молодъ». Обстоятельство при предикат. аттрибут. — прилаг.: «она была *очень* счастлива». Обстоят. при опредѣл.: «*не совсѣмъ удачное* выраженіе», «*очень высокій* домъ», «*безплодно проведенное* время», «*кстати сказанное* слово», «*внезапно возникшее* недоразумѣніе».

§ 7. Формально отношенія между частями предложенія выражаются въ *согласованіи* и *управленіи* словъ. А именно: 1) сказуемое-глаголъ и связка *согласуются* съ подлежащимъ въ лицѣ и числѣ, а въ прошедшемъ времени един. числа и въ родѣ: «я говорю», «ты читаешь», «мы идемъ», «вы танцуете», «письма были посланы», «онъ ушелъ», «она сидѣла», «окно было заперто» [1]). 2) Предикативный аттрибутъ согласуется съ подлежащимъ въ падежѣ (т.-е. принимаетъ форму имен. пад.), въ числѣ и въ родѣ. Напр.: «онъ—красавецъ», «она—красавица», «*Пушкинъ* былъ *геній*», «*они*—большіе *друзья*», «*онъ* былъ *счастливъ*», «*она* была *счастлива*», «*они* были *счастливы*». 3) Опредѣленіе-прилагательное и причастіе согласуется съ опредѣляемымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ: *высокая башня*, *бѣлый домъ*, «онъ написалъ *длинное письмо*», «подчеркнуто *синимъ карандашомъ*», «сижу въ *темной комнатѣ*», «*высокія горы*», «*минувшее счастье*», «*прочитанная страница*». Приложеніе-существительное обязательно согласуется съ опредѣляемымъ въ падежѣ; въ большинствѣ случаевъ согласуется также и въ родѣ и въ числѣ, но не всегда: «*Пушкинъ*, нашъ великій *поэтъ*, былъ убитъ на дуэли», «*Лермонтовъ*, *краса* и *гордость* русской литературы, погибъ во цвѣтѣ лѣтъ», «*Олень—Золотые Рога*». 4) Дополненіе *управляется* тѣмъ словомъ, къ которому оно относится, или, говоря точнѣе, ставится въ томъ или другомъ падежѣ, какъ бы отвѣчая этимъ на вопросъ, который возбуждается или подсказывается управляющимъ словомъ. Напр.: «пишу»... Что? (вопр.)—«Письмо». Чѣмъ?—«Перомъ». «Полны»... Чего? Чѣмъ?—«Надеждъ», «надеждами». «Ѣду»... Куда? Въ какой городъ?—«Въ Кіевъ».—«Домъ»... Кого?—«Купца».

---

[1]) При двухъ или болѣе подлежащихъ въ един. числѣ сказуемое принимаетъ форму множ. числа: „Вѣра, Наташа, Соня и Петя *вошли* въ комнату“... (*Л. Н. Толстой*, „Война и миръ“, т. I, ч. III, гл. VI).

Прим. Въ послѣднемъ примѣрѣ замѣна вопроса: *кого?* вопросомъ: *чей?* грамматически неправильна: вопросъ *чей?* выраженъ прилагательнымъ и, слѣдовательно, отвѣтъ на него долженъ быть данъ также въ формѣ прилагательнаго: «Чей домъ?»—«*мой, твой, купцовъ, отцовскій, женинъ*». Если же отвѣчаютъ родительнымъ падежомъ: «домъ купца, домъ отца, жены», то это отвѣтъ на вопросъ: кого?—Съ чисто-грамматической точки зрѣнія (а въ грамматикѣ другой точки зрѣнія не должно быть), родит. *купца, отца, жены* суть *дополненія*, по существу ничѣмъ не отличающіяся отъ другихъ дополненій, относящихся къ существительнымъ, каковы, напр.: «жажда денегъ», «чтеніе книги», «утоленіе жажды», «списокъ вещей» и т. д.—Напротивъ, вопросъ: *чей?* и отвѣчающія на него прилагательныя *мой, твой, нашъ, вашъ* и т. д.—опредѣленія. Когда на вопросъ «чей домъ?» отвѣчаютъ: «мой», тогда между вопросомъ и отвѣтомъ устанавливается полное соотвѣтствіе грамматическихъ формъ. Но когда отвѣчаютъ: «домъ купца», тогда этого соотвѣтствія нѣтъ. На одинъ оборотъ отвѣчаютъ другимъ, и это возможно потому, что логически (по смыслу) эти обороты совпадаютъ. Но логическое совпаденіе не означаетъ совпаденія грамматическаго. Форма съ родит. падежомъ («домъ купца») вытѣснила форму съ прилагательнымъ: такъ называемыя прилагательныя *притяжательныя*, произведенныя отъ существительныхъ, каковы: *купцовъ, отцовскій, женинъ*, въ общерусскомъ литературномъ языкѣ малоупотребительны. Въ мѣстоименіяхъ это иначе: родительнаго-притяжательнаго въ мѣстоименіяхъ личныхъ у насъ нѣтъ, и онъ замѣняется соотвѣтственнымъ мѣстоименіемъ-прилагательнымъ (притяжательнымъ: *мой, твой* вмѣсто *меня, тебя*), кромѣ формъ 3-го лица, гдѣ, наоборотъ, употребляются родительные *его, ея, ихъ* («его домъ», «ея книга»). Соотвѣтственное родительному *ихъ*

прилагательное *ихній* принадлежитъ народному языку откуда оно проникло въ литературный, но еще не упрочилось въ этомъ послѣднемъ. Народныя прилагательныя отъ *его, ея — евоный, ейный* — въ литературномъ языкѣ не существуютъ.

5) *Обстоятельства,* выражаясь неизмѣняемыми частями рѣчи, именно нарѣчіемъ и дѣепричастіемъ (измѣненіе многихъ нарѣчій по степенямъ сравненія въ счетъ не идетъ), не согласуются и не управляются, а только примыкаютъ или, такъ сказать, «тянутъ» къ тѣмъ частямъ предложенія, къ которымъ они относятся. Такъ, въ предложеніи «онъ былъ *очень* счастливъ» обст. *очень* примыкаетъ къ предикативному аттрибуту *счастливъ*, а не къ другимъ частямъ. Это не значитъ, что обстоятельство должно быть поставлено непремѣнно возлѣ того слова, къ которому оно примыкаетъ: оно можетъ быть отдѣлено отъ послѣдняго другими словами, напр., «*очень* былъ я *счастливъ*», «*много* хлопотъ тогда у всѣхъ насъ *было*», гдѣ обст. *много* тянетъ (примыкаетъ) къ сказуемому *было,* но отдѣлено отъ него пятью словами.

§ 8. *Служебныя части предложенія,* именно *предлоги* и *союзы,* не имѣютъ самостоятельнаго значенія и только выражаютъ соотношенія или связи между другими частями предложенія или между отдѣльными предложеніями. Такъ, предлогъ «въ» связываетъ сказуемое «ѣду» съ дополненіемъ «Москву» въ предложеніи: «ѣду въ Москву». Союзъ *и* соединяетъ два подлежащія въ предложеніи: «Европа *и* Азія представляютъ одинъ материкъ». Союзъ *а* выражаетъ синтактическую связь двухъ предложеній: «я говорю, *а* ты слушай».

Послѣ этого общаго обзора частей предложенія, обратимся къ подробному разсмотрѣнію различныхъ синтактическихъ формъ предложеній и начнемъ съ тѣхъ, въ которыхъ сказуемое—*составное.*

ГЛАВА III.

Сказуемое и его выраженіе.—Составныя сказуемыя съ предикативнымъ аттрибутомъ въ формѣ существительнаго, прилагательнаго и причастія страдательнаго.

§ 1. Различаются двѣ формы составного сказуемаго: 1) *со связкой и предикативнымъ аттрибутомъ* и 2) *съ инфинитивомъ*.

Сперва займемся первою формою. Она, въ свою очередь, подраздѣляется на слѣдующія разновидности:

1) Съ *отвлеченною* связкою: «онъ *былъ бѣденъ*».

2) Съ *полуотвлеченною* (или *полузнаменательною*) связкою: «онъ *ходитъ* грустный», «погода *стояла* теплая».

Примѣчаніе. Въ этихъ примѣрахъ глаголы-связки «ходитъ» и «стояла» не являютъ всей полноты своего лексическаго значенія. «Ходитъ» служитъ только замѣною отвлеченной связки («онъ—грустенъ»), и этимъ глаголомъ мы вовсе не хотимъ сказать, что «онъ все ходитъ да ходитъ, не сядетъ, не ляжетъ». Глаголъ «стояла» замѣняетъ связку «была» и не имѣетъ здѣсь своего подлиннаго лексическаго значенія, какое онъ имѣетъ, напр., въ предложеніи: «онъ *стоялъ* у дверей». Въ обоихъ примѣрахъ («онъ ходитъ грустный», «погода стояла теплая») сохраняется лишь часть лексическихъ значеній глаголовъ *ходить* и *стоять*, и эта часть представляется какъ бы отвлеченіемъ отъ ихъ прямыхъ, подлинныхъ значеній. Въ этомъ смыслѣ мы и называемъ эти связки *полуотвлеченными* или *полузнаменательными*

3) *Со связкою знаменательною*, т.-е. сохраняющею свое прямое и подлинное лексическое значеніе: «сто-

лица Англіи *называется* Лондонъ», «мы *ушли* первые».

§ 2. Теперь приведемъ образцы съ поясненіями.

Образцы.

1) *Составное сказуемое съ существительнымъ и прилагательнымъ.*

а) *Съ отвлеченною связкою въ настоящемъ времени*, большею частью *опускающеюся.*

Я — *бичъ* рабовъ моихъ земныхъ,
Я — *царь* познанья и свободы,
Я — *врагъ* небесъ, я — *зло* природы... (Лер. «Дем.»).

Они — *люди*, конечно, *ученые*. (Гог. «Ревиз.»).

Онъ — не *актеръ*... не *надувало*, не *плутъ*... (Тург. «Рудинъ»).

Все *тѣ же* мы: намъ цѣлый міръ — *чужбина*,
Отечество намъ—Царское Село. (Пушк., «19 окт.»).

Пусть говорятъ: поэзія — *мечта*,
Горячки сердца *бредъ* ничтожный,
Что міръ ея *есть міръ* пустой и ложный,
И *блѣдный вымыслъ* — красота... (Майк. «Сомнѣніе»)

Довольно *счастливъ* я въ товарищахъ моихъ... (Гриб. «Горе отъ ума»).

Не все *рѣзовъ*, однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ... (Гонч. «Обл.»).

Грозна, страшна грядущая впереди старость... (Гог. «Мерт. д.»).

А я усталъ — покой давно мнѣ *нуженъ*. (Полон. «Дорога»).

Тихія долины
Полны свѣжей мглой... (Лерм. «Горн. верш.»).

Объясненія и замѣчанія.

Формы *есмь*, *еси*, *есмы*, *есте* (т.-е. 1-ое и 2-ое лицо единственнаго и множественнаго числа настоящаго времени глагола *быть*) вышли изъ употребленія; поэтому соотвѣтственная связка (при подлежащемъ, выраженномъ первымъ или вторымъ лицомъ) опускается, т.-е. не произносится: нельзя сказать «я *есмь* бичъ рабовъ...», «я *есмь* царь познанья...». Но—непроизнесенная—эта связка, однакоже, присутствуетъ въ мысли, и это присутствіе ея явственно обнаруживается въ томъ, что вторыя части составного сказуемаго (въ приведенныхъ примѣрахъ—*бичъ*, *царь*, *врагъ*, *счастливъ*, *зло*) относятся къ настоящему (а не прошедшему или будущему) времени. Какъ существительныя и прилагательныя, онѣ не могутъ выразить глагольной категоріи времени; если онѣ выражаютъ ее, это значитъ, что при нихъ мыслится какая-то глагольная форма, которая и вноситъ сюда категорію времени. Когда мы говоримъ «я—*бичъ* рабовъ...» и т. д., мы, не произнося *есмь* (котораго и нѣтъ въ словарѣ современнаго русскаго языка), однако мыслимъ это *есмь*, т.-е. держимъ въ мысли категорію перваго лица настоящаго времени единственнаго числа отвлеченнаго глагола *быть* и ясно ощущаемъ эту категорію, какъ отдѣльный моментъ въ данныхъ предложеніяхъ, именно, какъ моментъ связки. Мы потеряли только внѣшнюю звуковую форму этого слова, но сохранили его лексическое значеніе, его грамматическую форму, его синтактическую роль. Формы 3-го лица *есть и суть* удержались и нерѣдко употребляются (произносятся) въ качествѣ связокъ, какъ въ стихѣ: «что міръ ея *есть* міръ пустой и ложный»; но чаще опускаются («поэзія—*мечта*», «они—*люди ученые*»). Замѣчается въ этомъ отношеніи различіе между составными сказуемыми съ существительными, съ одной стороны, и составными сказуемыми съ прилагатель

ными—съ другой; въ первыхъ *есть, суть* могутъ и не опускаться, во вторыхъ они обязательно опускаются (можно сказать: «поэзія *есть мечта*», но нельзя сказать: «старость *есть грозна, страшна*», «долины *суть* полны свѣжей мглой»).

Примѣчаніе. Есть весьма употребительно не въ роли связки, а въ качествѣ такъ назыв. «глагола-существительнаго», т.-е. обозначающаго существованіе, бытіе, наличность: «у него *есть* домъ и деньги».

Итакъ, связки *есть, суть*, когда онѣ опускаются, и *есмь, еси, есмы, есте*, всегда опускающіяся, являются, тѣмъ не менѣе, несомнѣнными, явственно ощутимыми формами грамматической мысли, занимающими свое мѣсто въ предложеніи, но только не имѣющими звуковой внѣшности; это—пружины мысли, избавляющія насъ отъ труда артикуляціи и не нуждающіяся въ томъ, чтобы ухо слышало ихъ. Такое упрощеніе формы (устраненіе артикуляціи и звука) стало возможнымъ потому, что для прошедшаго и будущаго той же отвлеченной связки (*былъ, буду* и т. д.) имѣются особыя артикуляціонныя и звуковыя формы, такъ что категорія настоящаго времени легко могла быть обозначена просто отсутствіемъ артикуляціи и звука: не произнесено—значитъ, это и есть настоящее время.

б) *Съ отвлеченной связкою въ прошедшемъ и будущемъ времени, а также и въ другихъ глагольныхъ формахъ.*

Я *былъ*, сударь,—отвѣчалъ старикъ, зажимая глаза и какъ бы собираясь съ мыслями,—*былъ*, по-нашему, по-старинному сказать, главный *дворецкій*... (Писем. «Старая барыня»).

Примѣчаніе. Въ такихъ примѣрахъ повтореніе связки и ея отдѣленіе отъ второй части сказуемаго вставкою вводныхъ словъ («по-нашему, по-старинному сказать») содѣйствуетъ болѣе наглядному и яркому обнаруже-

нію того, что связка и вторая часть сказуемаго въ самомъ дѣлѣ образуютъ два раздѣльные момента, не переставая составлять одно цѣлое, одно сказуемое.

Философія, искусство, наука, самая жизнь — все это для насъ *были* одни *слова*, пожалуй, даже *понятія*, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. (Тург. «Рудинъ»).

. . . . . Баронъ
Конечно, *былъ охотникъ* славный... (Пушк. «Черепъ»)
Бульба *былъ упрямъ* страшно. (Гог. «Т. Бульба»).

Примѣчаніе. Здѣсь нарѣчіе-обстоятельство «страшно» относится спеціально къ *упрямъ*, а не къ цѣлому *былъ упрямъ*, чѣмъ ясно обнаруживается раздѣльность (неслитность) частей составного сказуемаго.

Его звали Григорьемъ Александровичемъ Печориным. *Славный былъ малый*, смѣю васъ увѣрить, только немножко *страненъ*. (Лерм. «Гер. наш. врем.»).

Примѣчаніе. Здѣсь два составныхъ сказуемыхъ съ подразумѣваемымъ подлежащимъ «онъ»: 1) «онъ *былъ* (связка) *славный малый* (вторая часть сказуемаго, состоящая изъ двухъ прилагательныхъ, образующихъ одно выраженіе, которое стало *существительнымъ* [1]) и 2) «онъ *былъ* немножко *страненъ*».

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, *были тѣ старики*, о которыхъ я началъ разсказывать. (Гог. «Старосв. помѣщ.»).

Полъ почти во всѣхъ комнатахъ *былъ глиняный*... (Гог. «Старосв. помѣщ.»).

---

1) *Славный малый*—родъ сложнаго слова. Оно — существительное (а не прилагательное), возникшее изъ прилагательнаго,— того же типа, какъ „молодые“ (новобрачные), „управляющій“, „городовой“, „портной“ и т. д. Послѣдніе два, такъ сказать, больше другихъ утвердились въ своемъ качествѣ существительныхъ.

Обѣдъ *былъ превеселый* (С. Т. Аксак. «Добрый день Ст. Мих.») .....они думали, *каковъ-то будетъ* новый генералъ-губернаторъ... (Гог. «Мерт. д.»).

Вѣдь *какой былъ благонравный!* (Гог. «М. д.»).

Примѣчаніе. Здѣсь вторая часть сказуемаго выражена двумя словами (прилаг. *благонравный* и мѣстоим. *какой*), образующими одно выраженіе—родъ превосходной степени прилагательнаго съ характеромъ восклицанія.

Оба *были счастливы* настоящимъ и мало думали о будущемъ. (Пушк. «Барышня-крестьянка»).

Мы *будемъ* съ тобой *молчаливы*... (стих. Фета).

Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно *бы толста была*... (Гог. «М. д.»).

Примѣчаніе. Связка—въ формѣ сослагательнаго наклоненія.

Будь только человѣкъ *добръ*,—его никто отразить не можетъ. (Тург. «Двор. гнѣздо»).

Будьте живы и счастливы... (Пушк. «Кап. дочка»).

Нѣтъ, ты *будь* хоть *глупъ*, да по-своему! (Тург. «Гамл. Щигр. уѣз.»).

Примѣчаніе. Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ связка—въ повелит. накл.

в) *Съ полуотвлеченною (полузнаменательною) связкою*, въ роли которой выступаютъ глаголы *стать, сдѣлаться, остаться, стоять* и др. Сюда же мы относимъ и глаголъ *бывать*, который отличается отъ *быть* нѣкоторою конкретностью значенія.

Мы всѣ *стали* невыносимо *разсудительны, равнодушны* и *вялы*... (Тург. «Рудинъ»).

. . . . *Сдѣлалась* моя Матрена
Ни *пава* ни *ворона* (Крыл.).

Совсѣмъ *вышелъ не такой*, какъ я думалъ! (Гог. «М. д.»).

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ *остался босъ* и *голъ*... (Некрас. «Власъ»).

Примѣчаніе. Въ этихъ примѣрахъ глаголы-связки *стали, вышелъ, остался*, совпадая по смыслу съ глаголомъ *сдѣлаться*, не сохраняютъ всей полноты своихъ лексическихъ значеній, какую мы видимъ у нихъ, напр., въ выраженіяхъ «*сталъ* на ноги», «*вышелъ* на улицу», «*вышелъ* въ люди», «*остался* въ комнатѣ», «*остался* одинъ» и т. д.

Мы чувствовали, что не пройдетъ минуты, какъ мы *окажемся* въ чемъ-нибудь необыкновенно *подлы*... (Гл. Успенскій, «Парамонъ-юрод.»).

Но разговоръ въ другой комнатѣ *становился горячъ*. (Пушк. «Арапъ Петра Великаго».).

Я увѣрена, что ты *останешься живъ*. (Лерм. «Гер. наш. вр.»). Судъ ихъ (боговъ) часто *слѣпъ бывалъ*. (Жуков. «Торж. побѣдит.»).

г) *Со знаменательною связкою.*

. . . . И до чего онъ всѣмъ намъ *казался хорошъ* въ эту минуту... (Гл. Усп. «Парам.-юрод.»).

Съ свинцомъ въ груди *лежалъ недвижимъ* я (Лер.).

Лаврецкій *остался одинъ* на крыльцѣ... (Тург. «Двор. гн.»).

Я *возвратился* въ залу *очень доволенъ* собою. (Лерм. «Гер. наш. вр.»).

Хорошъ возвращаюсь я на родину... (Тург. «Двор. гн.»).

Онъ, сложа руки, *прохаживался угрюмый* взадъ и впередъ... (Лерм. «Бэла»).

Авось я *пѣшой не отстану*. (А. Толст. «В. Шибановъ»).

И, спрянувъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну *подходитъ пѣшой*... (А. Толст. «В. Шибановъ»).

Деревня *показалась* ему довольно *велика*... (Гог. «Мерт. д.»).

Жаль мнѣ тебя, Иванъ-царевичъ, что ты *пѣшъ изнурился*. (Сказки Аѳан.).

Изъ городовъ *бѣжалъ* я *нищій*... (Лерм. «Пророкъ»)

Вотъ *сидитъ* онъ *одинъ* въ своей комнатѣ. (Гл. Усп. «Нравы Растер. ул.»).

Примѣчаніе. Замѣтимъ разницу, въ отношеніи знаменательности, между глаголомъ *сидитъ* въ послѣднемъ примѣрѣ и глаголомъ «сидѣть» въ такихъ выраженіяхъ, какъ, напр., «онъ *сидитъ* голодный», «онъ *сидитъ* безъ гроша» (въ послѣднемъ — сказуемое простое), гдѣ *сидѣть* понимается не буквально и только замѣняетъ собою отвлеченный глаголъ *быть*.

. . . Утромъ *встала*, хотя *блѣдная*, но *такая покойная*, *рѣшительная*. (Гончар. «Обл.»).

Примѣчаніе. Здѣсь союзами *хотя* и *но* явственно обнаруживается раздѣльность частей составного сказуемаго.

Образцы, принадлежащіе къ этой рубрикѣ, должны быть объясняемы такъ: глаголъ, напр., *возвращаюсь*, исполняетъ двойную синтактическую обязанность, являясь настоящимъ сказуемымъ (*предицируя свое собственное лексическое значеніе*) и въ то же время служа связкою между подлежащимъ (*я*) и второю частью сказуемаго (*хорошъ*). Предикативное движеніе мысли не ограничивается предѣлами глагола *возвращаюсь* и распространяется также и на прилагательное *хорошъ*. Поэтому послѣднее отражается въ мысли не такъ, какъ отражалось бы оно, если бы было обыкновеннымъ опредѣленіемъ. Замѣтимъ различіе въ умственномъ ощущеніи между: «*больной* мальчикъ лежалъ въ постели» (*больной* — опредѣленіе) и «мальчикъ лежалъ въ постели *больной*» (вторая часть сказуемаго, на которую распространяется предикативное движеніе мысли идущее отъ глагола).

§ 3. Подводя итогъ тому, что показываютъ намъ приведенные примѣры всѣхъ 4-хъ рубрикъ (*а*, *б*, *в*, *г*), мы скажемъ такъ: *составное сказуемое съ существительнымъ и прилагательнымъ есть форма, въ которой*

сказуемость (*предикативность*) *распредѣляется между двумя моментами — связкою и именною частью;* при этомъ лексическое значеніе можетъ выражаться либо только именною частью («я—*боленъ*», «я былъ *боленъ*»), либо распредѣляться между обѣими частями. Въ первомъ случаѣ глаголъ — связка, называемая отвлеченною, является только источникомъ сказуемости (предикативнаго движенія мысли) и служитъ для обозначенія глагольной категоріи (время, лицо, наклоненіе, видъ); во второмъ случаѣ онъ, кромѣ того, выражаетъ извѣстное представленіе, составляющее часть содержанія сказуемаго. Это представленіе въ однихъ случаяхъ является лишь замѣною отвлеченной связки, служа способомъ ея выраженія, какъ, напр., *стоять* вмѣсто *быть* въ предложеніи «погода *стояла теплая*», или же имѣетъ значеніе *сдѣлаться, становиться, оказаться* и т. д. (отличаясь отъ *быть* такъ, какъ въ нѣмецкомъ *werden* отличается отъ *sein*); во всѣхъ такихъ случаяхъ мы называемъ связку *полуотвлеченною* или *полузнаменательною.* Въ другихъ случаяхъ, не переставая исполнять роль связки, глаголъ сохраняетъ всю свою знаменательность, какъ въ примѣрахъ подъ рубрикою г.—Вторая, именная, часть сказуемаго, относясь къ подлежащему, согласуется съ нимъ и *поэтому обязательно имѣетъ форму именительнаго падежа.*

Это—такъ называемый *второй именительный* (первый—подлежащее).

2) *Составное сказуемое съ причастіемъ страдательнымъ.* Къ общему типу составныхъ сказуемыхъ съ именами (со вторыми именительными) принадлежитъ и оборотъ съ причастіемъ страдательнымъ, но онъ имѣетъ свои синтактическія особенности, которыми онъ замѣтно отличается отъ оборотовъ съ именами. Эти синтактическія особенности легко отмѣтить на слѣдующихъ примѣрахъ.

Образцы.

а) *Связка отвлеченная* (*быть*).

Онъ всѣми *любимъ*.

Я *убѣждена* въ невинности вашего жениха. (Пушк. «Капит. дочка»).

Тише!.. О жизни *покончен*ъ вопросъ... (Никит.).

Крѣпость *взята*.—Письмо *получено*.—Этотъ домъ *заложенъ* въ банкѣ.—Долги *погашены*.

И все *осмѣяно, оплакано, забыто*,

Погребено и не воскреснетъ вновь! (Надс.).

Замѣчанія. Въ этихъ формахъ опущенъ вспомогательный глаголъ *есмь, есть, суть*, образующій здѣсь такую же связку, какъ и въ оборотахъ съ именами. Какъ и въ оборотѣ съ прилагательнымъ, но въ отличіе отъ оборота съ существительнымъ, связка *есть, суть* не можетъ быть введена во фразу (не произносится: нельзя сказать «*есть* любимъ», «*есть* взята», «*суть* погашены»). Отсюда видно, между прочимъ, что эта форма ближе подходитъ къ обороту съ прилагательнымъ, чѣмъ къ обороту съ существительнымъ. Но важнымъ отличіемъ составного сказуемаго съ причастіемъ страдательнымъ отъ составныхъ сказуемыхъ съ именами является то, что эту форму (съ причастіемъ страдательнымъ) мы схватываемъ мыслью не только какъ составное сказуемое, *но и какъ особую, опредѣленную форму глагола;* такъ, «(*есть*) *любимъ*», это—форма настоящаго времени страдательнаго залога; «(*есть*) *взята*», это—форма другого настоящаго времени страдательнаго залога (такъ наз. perfectum praesens,—дѣйствіе было совершено въ прошедшемъ, но его результатъ данъ въ настоящемъ).

Онъ *былъ* всѣми *любимъ*.— Онъ *будетъ* всѣми *любимъ*.

Сакля *была прилѣплена* однимъ бокомъ къ скалѣ. (Лерм. «Гер. н. вр.»).

Дама, казалось, *была тронута*. (Пушк. «Кап. доч.»).

Всѣ мысли ихъ *были сосредоточены* въ это время на самихъ себѣ... (Гог. «Мертв. д.»).

... *Дана была* полтина мѣди на расходъ и лакомства... (Гог. «Мертв. д.»).

Честолюбіе *было возбуждено* въ немъ сильно. (Гог. «М. д.»).

Тростникъ *былъ оживленъ* божественнымъ дыханьемъ... (Майк. «Муза»).

Занавѣсъ *былъ* не совсѣмъ *задернутъ*... (Лерм. «Гер. наш. вр.»).

Но всему бываетъ конецъ, и желанная минута настала: все было готово, передъ у брички, какъ слѣдуетъ, *былъ налаженъ*, колесо *было обтянуто* новою шиною, кони *приведены* [1]) съ водопоя... (Гог. «М. д.»).

Все *будетъ улажено*.— Вы *будете награждены*. — Домъ *будетъ проданъ*.—Статья *будетъ напечатана*.— Крѣпость *будетъ взята*.

Замѣчанія. Здѣсь мы имѣемъ ссставныя сказуемыя съ причастіемъ страдательнымъ настоящаго и прошедшаго времени и отвлеченною связкою *былъ*, *будетъ*. Эти составныя сказуемыя являются въ то же время опредѣленными формами спряженія, а именно: *былъ любимъ*, это—прошедшее длительное, *будетъ любимъ*—будущее длительное, *было возбуждено*, *была взята* и пр.—прошедшее окончательное (прошедшее совершенное), *будетъ построенъ*, *будетъ взята*—будущее окончательное (совершенное).

---

[1]) Т.-е. *были* приведены, но можно понимать эту форму и какъ perfectum praesens (не подразумѣвая „были“).

Связка *быть* несетъ двѣ обязанности: 1) связки составного сказуемаго и 2) вспомогательнаго глагола, служащаго для образованія опредѣленной — сложной — глагольной формы. Если замѣнить эту отвлеченную связку другою, то этимъ разрушается данная глагольная форма, а новая не создается, и оборотъ съ причастіемъ страдательнымъ перестаетъ быть особою формою спряженія. Онъ тогда приравнивается къ обороту съ прилагательнымъ.

б) *Съ полуотвлеченною и знаменательною связкою.*

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аѳанасьевичъ *казался* очень *озабоченъ*. (Пушк. «Арапъ II. В.»).

... Тѣло *привезено обезображенное*... (Лер. «Гер. наш. врем.»).

Она закивала головою и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла, потомъ покатилась навзничь... и *осталась недвижима*. (Пушк. «Пиковая дама»). Онъ *бывалъ* по временамъ *озабоченъ*..

§ 4. *Съ причастіемъ дѣйствительнымъ*. Эти формы, весьма распространенныя въ старомъ русскомъ, теперь встрѣчаются очень рѣдко, и то исключительно со связками знаменательными. Напр.:... она стала замѣтно увядать и *съла* за столъ *поблѣднѣвшая*. (Гонч. «Обл.», ч. VI, VII).

Выше было указано (см. гл. II, § 2), что такія слова, какъ «знающій», «всемогущій» и др., уже потеряли характеръ причастій и стали простыми прилагательными. Таково и слово *блестящій*.

Примѣчаніе. Само собой разумѣется, что отъ прилагательныхъ *знающій, блестящій* и т. п. слѣдуетъ отличать *причастія: знающій, блестящій*, которыя являются, напр., въ предложеніи: «Не всякій, *знающій* хронологію, знаетъ исторію», «я вижу звѣзду, *блестящую* яркимъ свѣтомъ».

ГЛАВА IV.

Предицирующія опредѣленія и обстоятельства. Сложное предложеніе.

§ 1. Въ главѣ II мы ознакомились съ явленіемъ *предицированія* или *сказуемости*. Мы знаемъ, что есть слова *предицирующія* и слова *не предицирующія*. Первыя, въ свою очередь, раздѣляются на 1) *слова полной сказуемости*, — это именно **глаголы**, и на 2) *слова неполной сказуемости*, — это именно **причастія** и **дѣепричастія**.

Мы знаемъ также, что причастіе принадлежитъ къ категоріи *прилагательныхъ*. Слѣдовательно, въ предложеніи оно играетъ роль *опредѣленія*. Но такъ какъ, происходя отъ глагола, оно сохраняетъ долю предицирующей силы, то въ предложеніи оно является *опредѣленіемъ не простымъ, а предицирующимъ*. Мы ясно чувствуемъ разницу между «*бѣлый* снѣгъ» (гдѣ опредѣленіе простое) и «*бѣлѣющій* снѣгъ», гдѣ оно сопряжено съ нѣкоторою предицирующею силою, съ извѣстною долею сказуемости. Это понятіе «предицирующаго опредѣленія» нужно строго отличать отъ понятія «предикативнаго аттрибута». Послѣдній, какъ мы знаемъ, входитъ въ составъ сказуемаго. *Предицирующее опредѣленіе не входитъ въ составъ сказуемаго*, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: «*бѣлѣющій* снѣгъ», «я вижу снѣгъ, *бѣлѣющій* на горахъ», «онъ смотрѣлъ на меня *широко открытыми, удивленными* глазами», «онъ вспоминалъ *минувшее* время» и т. п.

Дѣепричастіе есть *нарѣчіе*. Слѣдовательно, въ предложеніи оно играетъ роль *обстоятельства*. Но такъ какъ оно, происходя отъ глагола, сохраняетъ долю

предицирующей силы, то въ предложеніи оно является *обстоятельствомъ не простымъ*, а *предицирующимъ*. Мы явственно ощущаемъ различіе между «онъ отвѣчаетъ *сбивчиво*» и «онъ отвѣчаетъ *сбиваясь*». Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ простое обстоятельство, во второмъ—*предицирующее, сопряженное съ нѣкоторою сказуемостью.*

Сила сказуемости въ этихъ предицирующихъ опредѣленіяхъ и обстоятельствахъ можетъ быть больше или меньше. Это зависитъ 1) отъ того, есть ли, или нѣтъ, при нихъ второстепенныя части (дополненія и обстоятельства, къ нимъ относящіяся) и 2) отъ ихъ положенія во фразѣ. — Если второстепенныхъ частей при нихъ нѣтъ, то эти причастія и дѣепричастія проявляютъ меньше предицирующей силы; если же при нихъ имѣются свои дополненія и обстоятельства, то ихъ предицирующая сила больше. Что касается вліянія ихъ положенія во фразѣ, то въ этомъ отношеніи замѣчается существенное различіе между причастіемъ и дѣепричастіемъ. Причастіе обнаруживаетъ больше предицирующей силы, когда оно слѣдуетъ за своимъ опредѣляемымъ (даже и при отсутствіи второстепенныхъ частей, относящихся къ причастію). Когда же оно предшествуетъ опредѣляемому, то его предицирующая сила замѣтно падаетъ, даже при наличности второстепенныхъ частей при немъ. Напротивъ того, дѣепричастіе проявляетъ больше предицирующей силы тогда, когда оно предшествуетъ подлежащему (къ которому, по общему правилу, оно тяготѣетъ); когда же дѣепричастіе слѣдуетъ за подлежащимъ, — его предицирующая сила становится меньше.

Нижеслѣдующіе примѣры пояснятъ все сказанное, если только, вникая въ нихъ, мы будемъ слѣдить за убылью или прибылью предицирующей силы данныхъ причастій и дѣепричастій.

Причастія.

1) *Причастіе предшествуетъ своему опредѣляемому, и его предицирующая сила оказывается меньше.*	2) *Причастіе предшествуетъ опредѣляемому, но имѣетъ при себѣ второстепенныя части. Его предицирующая сила становится больше.*
Бѣлѣющ'й снѣгъ.	*Ярко бѣлѣющій вдали* снѣгъ...
Протекшіе годы.	Онъ вспомнилъ *столь быстро протекшіе* годы.
Преобладающее направленіе.	*Преобладающее у насъ* направленіе.
Бывшіе крѣпостные.	*Бывшіе нѣкогда въ Россіи* крѣпостные...
Любимое занятіе.	*Мое любимое въ то время* занятіе...
Заколдованный замокъ.	*Заколдованный чарами волшебника* замокъ.
Забытая вещь.	*Забытая мною на столѣ* вещь.
Спрятанное кольцо.	*Спрятанное вами вчера въ шкатулку* кольцо.

Чѣмъ больше второстепенныхъ частей, относящихся къ причастію, какъ равно и тѣхъ, которыя относятся къ этимъ второстепеннымъ частямъ, тѣмъ больше сила предицированія увеличивается.

3) *Причастіе слѣдуетъ за опредѣляемымъ, и его предицирующая сила увеличивается. При наличности второстепенныхъ частей при немъ оно вмѣстѣ съ ними отражается въ мысли какъ родъ особаго синтактическаго цѣлаго, равносильнаго придаточному предложенію.*

Снѣгъ *бѣлѣющій*...
Года *протекшіе*...
Снѣгъ, *ярко бѣлѣющій вдали*...

Въ русской литературѣ реализмъ является направленіемъ, *со временъ Пушкина и Гоголя рѣшительно преобладающимъ надъ другими направленіями.*

Крестьяне, *бывшіе прежде крѣпостными.*

Писатель, *столь любимый мною...*

Замокъ, *нѣкогда заколдованный чарами волшебника...*

Я получилъ вещь, *вчера забытую мною у васъ.*

Кольцо, *спрятанное мною въ шкатулку...*

Обычай—отдѣлять запятою такое причастіе (съ его дополненіями и обстоятельствами), слѣдующее за его опредѣляемымъ, отъ этого послѣдняго—вполнѣ согласенъ съ характеромъ оборота: предицирующая сила причастія здѣсь настолько значительна, что оно, вмѣстѣ со своими дополненіями и обстоятельствами, выбивается изъ рамокъ того предложенія, гдѣ находится опредѣляемое имъ слово, и образуетъ *особый актъ предицированія,—на правахъ придаточнаго предложенія.* Тѣмъ не менѣе, назвать этотъ оборотъ *предложеніемъ* нельзя, потому что въ немъ нѣтъ глагола. Совершенно неправильно и должно быть устранено пониманіе этой формы, какъ сокращенія придаточнаго предложенія съ мѣстоименіемъ относительнымъ. Исторія русскаго языка показываетъ намъ, что обороты: 1) «люди, *которые были* крѣпостными»... и 2) «люди, *бывшіе* крѣпостными»... возникли, независимо другъ отъ друга, отъ извѣстныхъ оборотовъ стараго языка, и что второй вовсе не явился, какъ результатъ «сокращенія» перваго. Въ настоящее время они легко замѣняютъ другъ друга, но это еще не даетъ права назвать форму съ причастіемъ «придаточнымъ сокращеннымъ предложеніемъ».

Дѣепричастіе.

1) *Дѣепричастіе слѣдуетъ за подлежащимъ и не имѣетъ при себѣ второсте-*

2) *Дѣепричастіе предшествуетъ подлежащему. Съ тѣмъ вмѣстѣ его предици-*

пенныхъ частей. Его предицирующая сила невелика.

рующая сила увеличивается, даже при отсутствіи второстепенныхъ частей, къ нему относящихся.

Онъ спалъ *сидя.*
Онъ ѣлъ *стоя.*
Мы шли *молча.*
Онъ шелъ *прихрамывая.*
Она смотрѣла *улыбаясь.*
Онъ сказалъ *вставъ.*
Мы ушли *не попрощавшись.*

Сидя, онъ спалъ.
Вставъ, онъ сказалъ...
Не попрощавшись, мы ушли.
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли...

(Некрас.)

3) *Дѣепричастіе, помѣщенное между подлежащимъ и сказуемымъ, также обнаруживаетъ значительную предикативную силу.*

Онъ, *сидя,* спалъ.
Мы, *не попрощавшись,* ушли.

4) *Дѣепричастіе, слѣдующее за подлежащимъ, пріобрѣтаетъ значительную предицирующую силу, когда оно (дѣепричастіе) имѣетъ при себѣ свои дополненія и свои обстоятельства. Еще большую предицирующую силу развиваетъ при наличности дополненій и обстоятельствъ дѣепричастіе, предшествующее подлежащему или находящееся между подлежащимъ и сказуемымъ.*

Онъ спалъ, *сидя въ креслѣ.*
Онъ ѣлъ, *стоя возлѣ стола.*
Онъ шелъ, *слегка прихрамывая* и *опираясь о палку.*
Она сказала, *громко засмѣявшись...*
Мы ушли, *ни попрощавшись ни съ кѣмъ изъ гостей*

Странно улыбаясь, онъ смотрѣлъ...
Съ испугомъ озираясь по сторонамъ, шли они.
Принимая во вниманіе все, что случилось, я могу утверждать...

Быстро сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ...

Не давши себѣ труда подумать, онъ сдѣлалъ непростительную ошибку.

Мы, *не попрощавшись ни съ кѣмъ,* ушли.

Обычай отдѣлять запятою дѣепричастіе, предшествующее подлежащему («подумавъ, онъ сказалъ»), даже при отсутствіи второстепенныхъ частей, относящихся къ дѣепричастію, вполнѣ оправдывается тѣмъ, что такое дѣепричастіе составляетъ весьма замѣтный актъ предицированія и какъ бы сбивается на особое придаточное предложеніе. Когда при немъ есть второстепенныя части (*«немного подумавъ,* онъ сказалъ»), его предицирующая сила, увеличиваясь, образуетъ еще болѣе замѣтный актъ предицированія, и, слѣдовательно, запятая здѣсь тѣмъ болѣе необходима. Необходима она и тогда, когда дѣепричастіе, слѣдуя за подлежащимъ, имѣетъ при себѣ свое дополненіе или обстоятельство («онъ сказалъ, *немного подумавъ»*).

Всѣ эти формы, дѣйствительно, образуютъ *родъ цѣлаго — на правахъ придаточнаго предложенія.* Не образуютъ такого цѣлаго только дѣепричастія, слѣдующія за подлежащимъ и не имѣющія при себѣ своихъ второстепенныхъ частей. Они являются обстоятельственными словами, которыя отъ другихъ обстоятельствъ отличаются только прибавкою нѣкоторой предикативности; но эта прибавка слишкомъ мала, чтобы дѣепричастіе могло производить впечатлѣніе особаго акта предицированія. Такое дѣепричастіе поэтому и не отдѣляется запятою: «онъ ѣлъ *стоя»*, «мы шли *молча»*, «онъ сказалъ *усмѣхнувшись»*.

Примѣчаніе. Молча почти сбивается на простое (непредицирующее) обстоятельство, оно почти равно обыкновенному нарѣчію: разница между «шли *молча»* и «шли *молчаливо»* едва замѣтна. Но когда «молча» стоитъ передъ подлежащимъ и тѣмъ бо-

лѣе если, кромѣ «молча», есть и другое дѣепричастіе, или же когда оно, предшествуя подлежащему или же слѣдуя за нимъ, имѣетъ при себѣ свое обстоятельство, тогда его предицирующая сила замѣтно увеличивается, и мы не смѣшаемъ его съ обыкновеннымъ нарѣчіемъ, напримѣръ, «*молча*, я слушалъ», «торопясь, оглядываясь и *молча*, шли они лѣсомъ», «я слушалъ, упорно *молча*».

Несмотря на то, что при указанныхъ условіяхъ дѣепричастія образуютъ особый актъ предицированія, приравниваемый къ придаточному предложенію, все-таки этотъ актъ не долженъ быть понимаемъ, какъ предложеніе въ собственномъ смыслѣ: въ немъ есть своя сказуемость, но нѣтъ сказуемаго, потому что нѣтъ глагола. — Называть эту форму «сокращеннымъ придаточнымъ обстоятельственнымъ предложеніемъ» нѣтъ основаній. Это противорѣчило бы свидѣтельству исторіи русскаго языка, которая показываетъ, что дѣепричастія возникли изъ причастій, а разсматриваемый оборотъ явился, какъ результатъ распаденія составного сказуемаго изъ глагола и причастія. Такъ, напр., форма: «сказалъ подумавъ» восходитъ къ старинному обороту «сказалъ подумавшій», гдѣ не было дѣепричастія, а было причастіе (таковымъ и была форма «подумавъ», измѣнявшаяся по родамъ (ж. р. *подумавши*), падежамъ и числамъ), и это причастіе, согласуясь съ подлежащимъ, являлось частью сказуемаго, именно предикативнымъ аттрибутомъ. Что же касается придаточныхъ обстоятельственныхъ предложеній съ союзами *когда*, *если* и др., то они имѣли свою исторію, прошли свой особый путь развитія изъ соотвѣтственныхъ оборотовъ стараго языка. Наши формы съ дѣепричастіемъ возникли и распространились независимо отъ этихъ придаточныхъ предложеній. Мы можемъ нерѣдко (далеко не всегда)

замѣнять одинъ оборотъ другимъ (напр., вмѣсто «когда я пришелъ въ себя, я увидѣлъ»... можно сказать «прійдя въ себя, я увидѣлъ»), но это не даетъ намъ права называть оборотъ съ дѣепричастіемъ сокращеніемъ придаточнаго предложенія съ *когда, если* и др.

Въ нашихъ дѣепричастіяхъ, при всемъ ихъ характерѣ нарѣчія-обстоятельства, сохранился нѣкоторый слѣдъ ихъ происхожденія отъ причастій, именно отъ причастій, входившихъ въ составное сказуемое и поэтому согласовавшихся съ подлежащимъ. *Стоя, сидя, ходя, бывши, подумавъ, сказавъ, сказавши, будучи* были когда-то именительными падежами причастій и относились къ подлежащему. Слѣдъ, донынѣ оставшійся отъ этихъ формъ стараго языка, состоитъ въ томъ, что наши дѣепричастія, примыкая, какъ нарѣчія-обстоятельства, къ сказуемому, въ то же время *тянутъ къ подлежащему* и, по господствующему правилу, должны относиться только къ подлежащему даннаго предложенія, но отнюдь не къ другимъ его частямъ. Поэтому, напр., фраза: «когда я вошелъ въ комнату, онъ сидѣлъ на диванѣ», не можетъ быть замѣнена оборотомъ съ дѣепричастіемъ: выйдетъ безсмыслица: «войдя въ комнату, онъ сидѣлъ на диванѣ». Безсмыслица произошла отъ того, что 1) дѣепричастіе тянетъ къ подлежащему «онъ» и 2) при дѣепричастіи нельзя поставить другого подлежащаго («я»: «*войдя я* въ комнату»...), ибо дѣепричастіе — не глаголъ [1]). Только при отсутствіи подлежащаго (въ «безсубъектныхъ» предложеніяхъ) дѣепричастіе получаетъ большую самостоятельность, образуя особый актъ предицированія, не тяготѣющій къ подлежащему, котораго нѣтъ. Такъ, мы говоримъ: «*исполняя честно свой долгъ*, можно жить съ спокойной совѣстью», «*не зная урока*, нельзя получить хорошей отмѣтки».

[1]) Это было возможно въ старомъ русскомъ и нерѣдко встрѣчается въ современномъ народномъ языкѣ. Примѣръ см. ниже (изъ Гл. Успенскаго).

Но въ народной рѣчи дѣепричастія пошли гораздо дальше въ своемъ развитіи и употребляются съ большею свободою, чѣмъ въ общерусскомъ языкѣ. Имъ уже необязательно тянуть непремѣнно къ подлежащему, и они могутъ относиться къ другимъ частямъ предложенія, напр., къ дополненію. Вотъ примѣры:

И только видѣли молодца на конѣ *сядяючи*
И не видѣли его *поѣдучи*.

(„Русск. былины“, изд. Н. Тихонравова и Вс. Миллера, стр. 58).

Т.-е. видѣли молодца, какъ *онъ* садился на коня, а не видѣли, какъ онъ поѣхалъ.

Зимушка зима
. . . . . .
Я прошу тебя:
Не морозь меня
. . . . . .
При дороженькѣ,
Коня *ведучи*,
Сбрую *несучи*...

Т.-е. не морозь меня, когда *я* веду коня и несу сбрую: дѣепричастіе относится не къ подлежащему «*зима*», а къ дополненію «*меня*».

Любопытно отмѣтить, что этого рода формы, характеризующіяся независимостью дѣепричастія отъ подлежащаго, начинаютъ исподволь проникать и въ литературный языкъ. Напр.: «я испытывала новое для меня чувство гордости и самодовольства, когда, *входя* на балъ, *всѣ глаза* обращались на меня»... (Л. Н. Толстой, «Семейное счастье», ч. II, гл. II),—...«она пошла въ свою комнату. *Проходя* черезъ залу, *ей* встрѣтился *лакей*» (Лерм., «Кн. Лиговская», III).— «Писалъ эти дни вторую статью о дилетантизмѣ. *Мнѣ* самому уясняется *мысль писавши*» (Герценъ, «Дневникъ», подъ 19 мая 1842 г.).— «Замучился самъ писавши, а *тебя замучаю читавши*

это письмо». (Изъ письма В. И. Добролюбова къ Н. А. Добролюбову, «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова», стр. 420). «*Уѣхавъ* изъ Вятки, меня долго мучило воспоминаніе объ Р. (Герценъ, «Былое и Думы», сочин., II, 266).—«*Обучившись я грамотѣ*, послѣ того не знаютъ, по какой меня части пустить... (Гл. Успенскій, «Нравы Растеряевой улицы», I).

Прим. У Толстого и Герцена это скорѣе—*галлицизмы* (т.-е. формы въ духѣ французскаго языка, гдѣ дѣепричастія пользуются тою же свободою, какъ у насъ въ народной рѣчи). То же самое можно сказать и о вышеприведенномъ примѣрѣ изъ «Кн. Лиговской» Лермонтова. Но такой галлицизмъ едва ли былъ бы возможенъ, если бы онъ не согласовался съ соотвѣтственнымъ явленіемъ русскаго языка, уже установившимся въ народной рѣчи и только не успѣвшимъ проявиться въ языкѣ литературномъ, который всегда консервативнѣе народнаго (въ силу вліянія старой письменности). Во фразѣ изъ письма В. И. Добролюбова «тебя замучаю читавши» (т.-е. «когда ты будешь читать») это чисто народный оборотъ, вторгнувшійся въ обыденную рѣчь образованнаго класса. — Примѣръ изъ «Нравовъ Растер. ул.» Гл. Успенскаго, это—имитація (подраженіе, воспроизведеніе) народной рѣчи. Здѣсь дѣепричастіе имѣетъ свое подлежащее («обучившись я грамотѣ»), какъ будто бы оно (дѣеприч.)—глаголъ: это черта архаическая, наслѣдіе стараго языка, гдѣ причастія (и потомъ возникшія изъ нихъ дѣепричастія) обладали столь яркою предикативностью, что могли замѣнять глаголъ и имѣть свое подлежащее.

Предложенія, заключающія въ себѣ причастія и дѣепричастія съ ихъ дополненіями и обстоятельствами, приравниваются къ *сложнымъ предложеніямъ* (изъ главнаго и придаточнаго). Ихъ можно называть (хотя это и не точно) *сложными*, въ виду того, что въ нихъ

главный актъ предицированія, выраженный глаголомъ—сказуемымъ, осложняется другимъ или другими актами предицированія, выраженными причастіями и дѣепричастіями.

§ 2. Образцы.

Причастія дѣйствительныя настоящаго и прошедшаго времени и причастія страдательныя.

а) *Причастіе находится передъ опредѣляемымъ и не имѣетъ при себѣ дополненій и обстоятельствъ. Роль причастія, какъ опредѣленія, больше, его предицирующая сила меньше.* (Отмѣчены жирнымъ шрифтомъ, другія же причастія — курсивомъ).

Въ комнатѣ попались все старые пріятели, а именно: **заиндевѣвшій** самоваръ, **выскобленныя** гладко сосновыя стѣны, трехугольный шкапъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя **вызолоченныя** яички передъ образами, *висѣвшія* на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, **окотившаяся** недавно кошка, зеркало, *показывавшее* вмѣсто двухъ четыре глаза, а вмѣсто лица какую-то лепешку, наконецъ, **натасканныя** пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ, *высохшія* до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ, и больше ничего. (Гог. «М. Д.»).

Взобравшись узенькою деревянною лѣстницею наверхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ **отворявшуюся** со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, *проговорившую*: «Сюда пожалуйте!» (Гог. «М. Д.»).

Деревянный, **потемнѣвшій** трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ... (Гог. «М. Д.»).

...слышно было, какъ щелкнулъ **взведенный** курокъ, (Лерм. «Фаталистъ»).

...солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ Кисловодску, *измученный* на **измученной** лошади (Лермонт. «Г. н. вр.»).

«Что вамъ угодно?» произнесла она **дрожащимъ** голосомъ, бросая кругомъ **умоляющій** взглядъ. (Лермонт. «Г. н. вр.»).

...мы усѣлись — я у окна, онъ у **затопленной** печи... (Лерм. «Макс. Макс.»).

Я сталъ ловить **блуждающіе** звуки... (Лерм. «Сказка для дѣтей»).

Въ этомъ положеніи и не имѣя при себѣ дополненій или обстоятельствъ, причастія нерѣдко совсѣмъ теряютъ предицирущую силу и становятся обыкновенными опредѣленіями-прилагательными. Таковы:

«Итакъ, вы сами видите»... сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ **принужденной** усмѣшкою... (Лерм. «Гер. н. вр.»).

...глаза ея, неподвижные и полные **неизъяснимой** грусти... (Лерм. «Гер. н. вр.»).

Въ душѣ моей родилось **непреодолимое** отвращеніе къ женитьбѣ... (Лерм. «Гер. н. вр.»).

...Я точно прочелъ на его **измѣнившемся** лицѣ печать близкой кончины (Лерм. «Гер. н. вр.»).

б) *Предицирущая сила увеличивается, когда причастіе, помѣщенное предъ опредѣляемымъ, имѣетъ при себѣ свои дополненія и обстоятельства.*

Давно **забытый** трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. (Лерм. «Гер. н. вр.»).

Князь Андрей представилъ **покровительствуемаго** *имъ* офицера... (Л. Толстой «В. и М.»).

Пораженная *видомъ окровавленной головы Юлая,* **оглушенная** *залпомъ,* она казалась безъ памяти. (Пушк. «Кап. д.»).

...но хозяйка перебила **затвержденную** *мною* рѣчь. (Пушк. «Кап. д.»).

...Дуня подносила ему кружку *его* **заготовленнаго** лимонада. (Пушк. «Станц. смотр.»).

А *лѣсомъ* **кравшійся** стрѣлокъ

Поэзіи клянетъ и свищетъ... (Пушк. «Евген. Он.»), гл. IV, XXXVI).

...Яркій примѣръ того, до чего всякая **пропитывающая** *воздухъ* злость—результатъ полнаго душевнаго опустошенія... (Гл. Усп. «Изъ зап. мал. челов.»).

..его *внезапно* **побагровѣвшее** лицо со *злобно* **вращавшимися** бѣлыми глазами приняло зловѣщее выраженіе. (Тург. «Несчастн.»).

...*недавно еще* **трепетавшія** губы сжались въ одну прямую, неумолимо-строгую черту. (Тург. «Несч.»).

Одно совершенно незначительное обстоятельство неожиданно измѣнило **господствовавшее** въ бесѣдкѣ расположеніе духа... (Гл. Усп. «Умерла за направ.»).

...привыкъ къ **окружавшему** *его* теплу... (Гл. Усп. «Умерла за напр.»).

Съ такимъ трудомъ **устроенное** счастье
Я, можетъ-быть, навѣки погубилъ. (Пушк. «Бор. Год.»).

И **испытанный** *трудами*
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой...
И, **томимъ** *зловѣщей думой*,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый—
И не счелъ враговъ.... (Лерм. «Споръ»).
Трудами ночи **изнуренъ**,
Я легъ въ тѣни. (Лерм. «Мцыри»).
Сперва **смущенный**,
Но постепенно **ободренный**,
Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ. (Пушк. «Гр. Нул.»).

в) *Причастіе обладаетъ большею степенью предицирующей силы, когда оно слѣдуетъ за опредѣляемымъ.*

«По полямъ и по деревнѣ бродятъ только въ обилiи коровы **жующія**, овцы **блеющія** и куры **кудахтающія**». (Гон. «Обл.», I, IX).

г) *Причастіе, слѣдуя за опредѣляемымъ и имѣя при себѣ свои дополненія и обстоятельства, обладаетъ наибольшею предицирующею силою и приравнивается къ придаточному предложенію.*

Изрѣдка, вдалекѣ, вспыхиваетъ молнія и слышится слабый гулъ, *постепенно* **усиливающійся, приближающійся** и **переходящій** *въ прерывистые раскаты,* **обнимающіе** *весь небосклонъ.* (Л. Толстой «Отроч.»).

...онъ увидѣлъ бѣлое платье, **мелькающее** *между деревьями* сада. (Пушк. «Дубр.»).

...каковы бы ни были обвиненія, **тяготѣющія** *на мнѣ*... (Пушк. «Кап. дочка»).

Я вошелъ въ чистенькую комнату, **убранную** *по старинному.* (Пушк. «Кап. дочка»).

...дѣло шло о дѣлахъ Яицкаго войска, *въ то время только что* **усмиреннаго** *послѣ бунта 1772 года.* (Пушк. «Кап. дочка»).

Майоръ Заевъ, **начальствовавшій** *этимъ отрядомъ,* успѣлъ, однако, занять Ильинскую. (Пушк. «Ист. Пуг. бунта»).

Войска, **посланныя** *изо всѣхъ концовъ государства,* подвигались медленно. (Пушк. «Ист. Пуг. бунта»).

Тутъ былъ Сабуровъ, **заслужившій**
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ **притупившій,**
St.-Priest, *твои карандаши*... (Пушк. «Евг. Он.»).

Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкасскую лошадь, **покрытую** *этимъ ковромъ.* (Лерм. «Гер. н. вр.»).

...кавалеры въ костюмахъ, **составляющихъ** *смѣсь черкесскаго съ нижегородскимъ*... (Лерм. «Гер н. вр.»).

...иногда локонъ, **отдѣлившійся** *въ вихрѣ вальса отъ своихъ товарищей*, скользилъ по горящей щекѣ моей... (Лерм. «Гер. н. вр.»).

...когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, **независящую** *ни отъ какихъ условій*. (Лерм. «Гер. н. вр.»).

...Ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, **зажженный** *на краю лѣса безпечнымъ странникомъ*. (Лерм. «Гер. н. вр.»).

Ребяческій крикъ, **повторяемый** *эхомъ*,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ... (Некр. «Крест. дѣти»).

И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ, **пораженный** *стрѣлой*.
(Лерм. «Три пальмы»).

Тамъ нашли однажды собаку, **признанную** *бѣшеною потому только*, что она бросилась отъ людей прочь... (Гонч. «Облом.»).

...онъ хотѣлъ отыскать въ ней просто женщину, наблюсти и опредѣлить, что кроется подъ этой покойной, неподвижной оболочкой красоты, **сіяющей** *ровно, одинаково, никогда* **не бросавшей** *ни на что быстраго, жаждущаго, огненнаго или, наконецъ, скучнаго, утомленнаго взгляда, никогда* **не обмолвившейся** *нетерпѣливымъ, неосторожнымъ или порывистымъ словомъ*. (Гонч. «Обрывъ»).

...Чтобъ заградить на сѣверъ путь
Звѣздамъ, **кочующимъ** *съ востока*...
(Лерм. «Видъ горъ изъ степей Кавказа»—изъ Мицк.).

Лица, **созданныя** *Шекспиромъ*, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, **исполненныя** *многихъ страстей, многихъ пороковъ*... (Пушк. «Мелочи»).

Петръ I не успѣлъ довершить многое, **начатое** *имъ*. (Пушк. «Мелочи»).

Османъ-паша, **взятый** *въ плѣнъ подъ Эрзерумомъ и* **отправленный** *въ Тифлисъ, вмѣстѣ съ Сераскиромъ*, просилъ графа Паскевича за безопасность гарема, имъ **оставляемаго** въ Эрзерумѣ (Пушк. «Путеш. въ Эрзер.»).

д) *Дѣепричастіе настоящаго времени, слѣдуя за подлежащимъ и не имѣя при себѣ своихъ дополненій и обстоятельствъ, теряетъ значительнѣйшую часть своей предицирующей силы и сбивается на простое нарѣчіе-обстоятельство. Но его предицирующая сила замѣтно растетъ, когда оно помѣщено между подлежащимъ и сказуемымъ.*

Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучился дитя,
Училъ его всему **шутя**... (Пушк. «Евг. Он.»).

Графъ остановился у окна **прислушиваясь** (Л. Толст. «В. и М.»).

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной
Журча пробивался волною холодной...
(Лерм. «Три пальмы»).

Ключъ юности, ключъ быстрый и мятежный,
Бѣжитъ, кипитъ, **сверкая** и **журча**... (Пушк.).

Онъ **молча** и угрюмо ждалъ, что скажетъ Тарантьевъ. (Гонч. «Обл.», ч. III, I).

е) *Дѣепричастіе настоящаго времени, въ томъ же положеніи (послѣ подлежащаго), становится болѣе предицирующимъ, если имѣетъ при себѣ дополненія или обстоятельства.*

Кто штыкъ точилъ, **ворча** *сердито*,
Кусая *длинный усъ*... (Лерм. «Бород.»).

Обломовъ сіялъ, **идучи** *домой* (Гонч. «Облом.», ч. III, I).

Дворецкій стоялъ у подъѣзда, **разговаривая** *со старикомъ-денщикомъ*... (Л. Толстой «В. и М.»).

... Ахъ, народъ этотъ!..— говорилъ графъ, **покачивая** *головою* (Л. Толстой «В. и. М.»).

Старый кучеръ Ефимъ, съ которымъ однимъ только рѣшалась ѣздить графиня, **сидя** *высоко на своихъ козлахъ*, даже не оглядывался на то, что дѣлалось позади его. (Л. Толстой, «В. и. М.»).

Примѣчаніе. Замѣтимъ здѣсь неудобное положеніе дѣепричастія *сидя* послѣ двухъ именительныхъ (1) кучеръ Ефимъ и (2) графиня, и притомъ непосредственно послѣ второго, тогда какъ по смыслу оно относится только къ первому.

Мчатся пестрые уланы,
Подымая *пыль*... (Лерм. «Споръ»).

«Вотъ день-то и прошелъ. И слава Богу!»—говорили обломовцы, **ложась** *въ постель*, **кряхтя** и **осѣняя** *себя крестнымъ знаменіемъ*... (Гончар. «Облом.», ч. I, IX).

Прим. Дѣепр. «*кряхтя*» не имѣетъ при себѣ дополненія или обстоятельства, но, находясь въ положеніи между двумя другими дѣепричастіями, имѣющими свои второстепенныя части, оно невольно приравнивается къ нимъ и получаетъ ту же степень предицирующей силы, какую имѣютъ они (*ложась* и *осѣняя*).

ж) *Дѣепричастіе настоящаго времени является болѣе предицирующимъ, когда оно предшествуетъ подлежащему, при чемъ эта предицирующая сила его еще увеличивается въ томъ случаѣ, когда при немъ имѣются особыя дополненія или обстоятельства.*

Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли...
(Некрас.).

И, *станъ худощавый къ луку* **наклоня,**
Арабъ горячилъ вороного коня.
(Лерм. «Три пальмы»).

Прим. Дѣепричастіе «наклоня», какъ принадлежащее совершенному виду, не можетъ считаться дѣепричастіемъ *настоящаго времени* въ собственномъ смыслѣ. Но мы его относимъ къ этой рубрикѣ, во-первыхъ, потому, что формально оно есть дѣепричастіе *настоящаго*, а не прошедшаго времени, а во-вторыхъ, по смыслу— оно родъ perfectum presens, т.-е. имѣетъ извѣстное отношеніе къ категоріи настоящаго времени: арабъ наклонилъ станъ и такъ и остается въ этомъ положеніи.

И съ крикомъ и свистомъ **несясь** *по песку*,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.
(Лерм. «Три пальмы»).

Отъ урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки... (Лерм. «Споръ»).

И, **дымясь,** какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ (Лерм. «Споръ»).

Подъѣзжая *ко двору*, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина... (Гог. «Мерт. д.»).

И съ трудомъ, отъ слова къ слова
Пальчикомъ **водя,**
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя (Майк.).

з) *Дѣепричастіе прошедшаго времени обладаетъ нѣсколько большею предикативною силою, когда предшествуетъ подлежащему. Присутствіе второстепенныхъ частей замѣтно усиливаетъ его предикативность какъ тогда, когда оно предшествуетъ подлежащему, такъ и тогда, когда оно слѣдуетъ за нимъ.*

Отдѣлавшись, наконецъ, отъ тяжелаго унынія, которое овладѣло мною послѣ смерти моей жены, я вздумалъ было приняться... за дѣло (Тург. «Гамлетъ Щигров. уѣзда»).

Тамъ, **ставъ** на колѣни и **обнявъ** его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы (Гонч. «Облом.»).

Подъѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться... (Гог. «М. д.»).

Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу (Гог. «М. д.»).

Итакъ, **отдавши** нужныя приказанія еще съ вечера, **проснувшись** поутру очень рано, **вымывшись, вытершись** съ ногъ до головы мокрою губкой,... **выбрившись** такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящій атласъ, въ разсужденіи гладкости и лоска, **надѣвши** фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы... (Гог. «М. д.»).

...вошелъ чернявый его товарищъ, **сбросивъ** съ головы на столъ картузъ свой, молодцовато **взъерошивъ** рукой свои черные густые волосы (Гог. «М. д.»).

И графъ... вошелъ въ домъ, **повторивъ** свое приказаніе о томъ, чтобы не отказывать раненымъ, которые просятся ѣхать (Л. Толстой «В. и М.»).

И молвилъ онъ, **сверкнувъ** очами... (Лерм. «Бород.»).

Почему причастія, предшествуя опредѣляемому, теряютъ долю своей предикативности и приближаются къ типу простого опредѣленія? Почему дѣепричастія, наоборотъ, предшествуя подлежащему, развиваютъ бо̀льшую силу предицированія?

Положеніе передъ опредѣляемымъ—это обычное въ русскомъ языкѣ положеніе прилагательныхъ-опредѣленій. Мы говоримъ: «бѣлый домъ», а не «домъ бѣлый», «многочисленная публика наполняла театръ», а не «публика многочисленная»... И только когда нужно рѣзче оттѣнить опредѣленіе, произнести его съ нѣкоторымъ усиленіемъ мысли и голоса (напр., при противопоставленіи одного опредѣленія другому), мы ставимъ его послѣ опредѣляемаго, напримѣръ: «Я вижу все въ розовомъ цвѣтѣ, а ты видишь все въ цвѣтѣ

чернолъ». Иногда же это дѣлается по требованію стиха (или рнѳмы) или по соображеніямъ стилистическимъ. Напримѣръ:

И во всю ночь безумецъ *бѣдный*
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду всадникъ *мѣдный*
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.
(Пушк. «Мѣдн. Всадн.»).

Въ одномъ изъ городовъ Италіи *счастливой*
Когда-то властвовалъ предобрый старый Дукъ...
(Пушк. «Анджело»).

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства *добрыя* я лирой пробуждалъ...
(Пушк.).

Не презиралъ страны *родной*... (Пушк.).

Причастіе въ обычномъ для опредѣленій положеніи передъ опредѣляемымъ невольно приравнивается къ простому опредѣленію; здѣсь его роль, какъ опредѣленія, становится замѣтнѣе и заслоняетъ собою его предицирующую способность.

Дѣепричастіе, какъ мы знаемъ, тянетъ къ подлежащему. И поэтому, когда оно предшествуетъ послѣднему, то у насъ невольно возникаетъ какъ бы ожиданіе этого подлежащаго, и такое ожиданіе усиливаетъ долю вниманія, сосредоточеннаго на томъ, что говоритъ дѣепричастіе, а это, въ свою очередь, придаетъ ему большій вѣсъ во фразѣ и заставляетъ яснѣе ощущать его предицирующую силу.—Въ положеніи между подлежащимъ и сказуемымъ дѣепричастіе обнаруживаетъ большее тяготѣніе къ подлежащему, чѣмъ въ положеніи послѣ сказуемаго: «онъ, *сидя*, спалъ» и «онъ спалъ *сидя*». А это опять-таки содѣйствуетъ усиленію въ немъ его предицирующаго значенія. Въ положеніи послѣ сказуемаго оно волей-неволей приравни-

вается къ нарѣчію, всегда примыкающему къ сказуемому,— и только наличность второстепенныхъ частей при дѣепричастіи («онъ спалъ, *сидя въ креслѣ*») въ извѣстной мѣрѣ оживляетъ его предикативность.

ГЛАВА V.

Инфинитивъ. Составное и двойное сказуемое съ инфинитивомъ.

§ 1. *Инфинитивъ* (такъ называемое «неопредѣленное наклоненіе») есть особая глагольная форма, характеризующаяся съ внѣшней стороны окончаніями *ти* (*итти везти, нести*), *ть* (*везть, несть, говорить, читать*) и *чь* (*течь, печь*).

По своему происхожденію инфинитивъ возводится къ имени существительному, произведенному отъ глагольной темы. Нѣкогда (въ глубокой древности) отъ глагольныхъ темъ, напримѣръ, *вез-*, *сказа-*, *иска-* и др., производились, при помощи суффикса именъ женскаго рода —*ть* (того же, что въ словахъ *честь*, *месть* и др.), отглагольныя существительныя *вез-ть*, *сказать*, *искать;* родительный, дательный и мѣстный падежи такихъ существительныхъ звучали *вез-ти*, *сказа-ти*, *иска-ти*. Вотъ именно эта форма и стала инфинитивомъ [1]). Уже въ старину (задолго до начала славянской письменности) такія образованія потеряли склоненіе и вообще перестали восприниматься мыслью какъ существительныя,— и формы *везти*, *быти*, *ска-*

---

[1]) Современная русская на *ть* обыкновенно объясняется, какъ сокращеніе формы на *ти* (подобно сокращенію *мати* въ *мать*, *буди* въ *будь*). По другому объясненію, форма на *ть* есть форма винительнаго падежа единственнаго числа и имѣла въ старину значеніе такъ называемаго „достигательнаго“ (супинума), т.-е. инфинитива послѣ глаголовъ, обозначающихъ движеніе; инфинитивъ выражалъ цѣль движенія. Другая, болѣе распространенная, форма достигательнаго имѣла окончаніе *тъ*.

зати и т. д. перешли изъ категоріи имени въ категорію глагола. Мы не связываемъ съ этими формами того формальнаго значенія, которое присуще существительному, что ясно видно изъ сравненія инфинитивовъ съ соотвѣтственными отглагольными существительными, напримѣръ, *ходить* и *хожденіе, размышлять* и *размышленіе, ввести* и *введеніе* и т. д. Инфинитивы, напримѣръ, *ходить*, означаютъ признаки, производимые дѣятельностью предмета, какъ это дѣлаютъ формы *хожу, ходишь, ходятъ* и пр. Разницы въ этомъ отношеніи между *ходить* и *хожу* нѣтъ никакой. Отглагольныя существительныя, напримѣръ, *хожденіе,* выражаютъ данный признакъ въ видѣ особаго предмета, конечно, *фиктивнаго,* и вовсе не указываютъ на другой предметъ, который производилъ бы этотъ признакъ. Потеря склоненія и *отсутствіе падежнаго значенія* сохранившейся падежной *формы* (на *ти* и *ть; чь* возникло фонетически изъ *к-ть, г-ть,* гдѣ *к, г* принадлежатъ корню: *печь* изъ *пек-ть, лечь* изъ *лег-ть*) дѣлаютъ окончательно невозможнымъ пониманіе инфинитива, какъ отглагольнаго существительнаго. Онъ былъ нѣкогда таковымъ, но давнымъ-давно утратилъ этотъ характеръ имени и сталъ *глаголомъ*. Его можно назвать существительнымъ оглаголеннымъ.

Мы знаемъ уже, что *категорія лица* является необходимою принадлежностью глагола. Признакъ, обозначаемый лексическимъ значеніемъ глагола, поставленъ въ связь съ лицомъ; такъ, въ глаголѣ «хожу» признакъ ходьбы отнесенъ къ первому лицу, въ формѣ «ходишь» онъ отнесенъ ко второму и т. д. Это *отношеніе къ лицу* непремѣнно должно быть дано,—иначе форма не будетъ глаголомъ. Но въ глаголѣ есть два способа выражать отношеніе къ лицу: *прямой,* когда лицо обозначено соотвѣтственнымъ окончаніемъ, напримѣръ: *ид*-**у**, *иде*-**шь**, *иде*-**тъ**, *иде*-**мъ** и т. д., и *косвен-*

ный, когда лицо глагола выясняется либо помощью личныхъ мѣстоименій, либо во фразѣ. Этотъ второй способъ принадлежитъ тѣмъ формамъ глагола, которыя не имѣютъ личныхъ окончаній. Таковы *формы прошедшаго времени на лъ, ла, ло, ли* («сказалъ» и пр.) и *инфинитивъ*. Въ прошедшемъ времени замѣною отсутствующихъ личныхъ окончаній служатъ личныя мѣстоименія: *я сказалъ, ты пришелъ, онъ узналъ, мы читали* и т. д. Лицо инфинитива узнается во фразѣ.

Такъ, въ фразѣ «я хочу *пѣть*» инфинитивъ относится къ *первому лицу* («я хочу, чтобы *я* пѣлъ»), въ предложеніи «ты хочешь *читать*» лицомъ инфинитива *читать* является 2-ое л. («ты хочешь, чтобы *ты* читалъ») и т. д.; во фразѣ «я прошу васъ *прійти* ко мнѣ завтра» неопредѣленное *прійти* явно относится ко 2-му лицу множественнаго числа («я прошу, чтобы *вы* пришли»).—Внѣ фразы и безъ содѣйствія мѣстоименія, взятыя отдѣльно формы прошедшаго времени (*сказалъ...*) и инфинитивъ (*сказать*) не выражаютъ *опредѣленнаго* лица. Но они сохраняютъ *отношеніе къ лицу*, только это лицо остается невыясненнымъ. Иначе говоря, лицо инфинитива и формъ прошедшаго времени (взятыхъ внѣ фразы и безъ мѣстоименія личнаго) есть *лицо неопредѣленное*.

Опредѣленіе инфинитива таково: **Инфинитивъ есть глагольная форма, происшедшая отъ существительнаго отглагольнаго, выражающая возможность отношенія къ лицу, которое (лицо) выясняется только въ контекстѣ фразы, и служащая для обобщеннаго обозначенія глагольности представленія (или понятія), даннаго въ лексическомъ содержаніи слова.**

Примѣръ. Въ лексическомъ содержаніи слова дано представленіе (или понятіе) *«хожденія»*, *«ходьбы»*. Оно можетъ быть отлито въ различныя грамматическія формы: въ форму существительнаго (*ходьба, хожденіе*), прилагательнаго (*ходкій, ходячій*), причастія (*ходящій,*

ходившій), нарѣчія *(ходко, ходуномъ)*, наконецъ, *глагола*, отличающагося отъ остальныхъ тѣмъ, что онъ соединенъ съ категоріею лица. Въ глаголѣ данное представленіе или понятіе можетъ быть выражено разно: *хожу*, *ходишь*, *ходите*, *ходимъ*, *ходили*, *ходилъ бы* и т. д. Спрашивается: какая изъ глагольныхъ формъ наиболѣе пригодна для того, чтобы служить представителемъ всѣхъ прочихъ и быть ихъ обобщеніемъ? Въ именахъ такимъ обобщающимъ представителемъ является *именительный падежъ*. Вотъ именно въ области глагола въ соотвѣтственной роли и выступаетъ *инфинитивъ*, не только въ силу принятаго (въ грамматикахъ и словаряхъ) обычая, но и въ силу самой грамматической природы этой формы, которая, не обо, значая опредѣленнаго лица (также и числа), выражаетъ однако, общее отношеніе къ лицамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и всѣми прочими свойствами глагола. Инфинитивъ есть *глагольное* обозначеніе дѣйствія (или состоянія), напримѣръ, *ходить*, *просить*, *пѣть*, въ противоположность именному (существительному) обозначенію его, какъ, напримѣръ, *хожденіе*, *ходьба*, *просьба*, *пѣніе*.

Принадлежа къ категоріи глагола, инфинитивъ призванъ, на ряду съ другими глагольными формами, служить выраженіемъ сказуемаго. Онъ является нерѣдко одною изъ формъ простого сказуемаго, но чаще служитъ для образованія особыхъ *составныхъ и двойныхъ* сказуемыхъ, именно, когда онъ присоединяется къ другому глаголу, имѣющему опредѣленно-личную форму.

Если при инфинитивѣ подразумѣвается то самое грамматическое лицо, которое выражено личнымъ глаголомъ, то оба глагола (инфинитивъ и личный) имѣютъ одно и то же подлежащее, подобно тому, какъ въ составныхъ сказуемыхъ съ существительнымъ, при-

лагательнымъ и причастіемъ обѣ части сказуемаго относятся къ одному и тому же подлежащему. Поэтому такое сказуемое съ инфинитивомъ мы и называемъ *составнымъ*. Примѣры: *боюсь ошибиться, онъ любитъ поспать, ты привыкъ ничего не дѣлать, она начинаетъ скучать, мы хотѣли васъ видѣть, они спѣшатъ окончить работу, старайся быть внимательнымъ, идите обѣдать.*

Если лицо, подразумѣваемое при инфинитивѣ, не совпадаетъ съ лицомъ другого глагола, то сказуемость, выраженная этими двумя глаголами, раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна относится къ одному подлежащему, а другая—къ другому. Такое сказуемое мы назовемъ не составнымъ, а *двойнымъ*. Примѣры: *прошу* васъ *прійти* ко мнѣ завтра (подлежащее для «прошу»—*я*, для «прійти» —*вы*), онъ *поручилъ* адвокату *предъявить* искъ, *ты не даешь мнѣ спать.*

Первая форма — *составное сказуемое съ инфинитивомъ* — подраздѣляется на *двѣ разновидности* (въ которыхъ можно отмѣтить различные оттѣнки), разновидности, характеризующіяся степенью слитности двухъ частей сказуемаго. Къ первой разновидности относятся всѣ тѣ случаи, въ которыхъ двѣ части сказуемаго образуютъ два момента, довольно ясно различаемые: ихъ можно съ большимъ или меньшимъ удобствомъ раздѣлить, напримѣръ, вставкою союза *чтобы* или замѣною инфинитива личною формою глагола съ союзомъ *что*: *пришелъ сказать* = *пришелъ, чтобы сказать, боюсь ошибиться* = *боюсь, что ошибусь*. Изъ этого видно, что слитность частей сказуемаго здѣсь не велика. Ко второй разновидности относятся всѣ тѣ формы, гдѣ такой операціи раздѣленія частей либо совсѣмъ нельзя сдѣлать, либо она, нарушая характеръ оборота, искажаетъ смыслъ фразы. Напримѣръ, *готовъ всѣмъ пожертвовать, привыкъ спать послѣ обѣда, хочу жить, не хочу умирать*

(«хочу, чтобы я жилъ» — это было бы не по-русски) — Слитность частей сказуемаго здѣсь очень велика.

Нижеслѣдующіе образцы объяснятъ наглядно синтактическій характеръ обѣихъ разновидностей.

§ 2. Образцы.

Первая разновидность.

Я боялся показать видъ, что торжествую надъ уничиженіемъ и несчастьемъ друга (Пушк. «Кап. д.»).

Примѣч. Можно раздѣлить: «я боялся, что покажу видъ»..., хотя здѣсь оттѣнокъ будетъ нѣсколько иной; но, во всякомъ случаѣ, мы вольны мысленно прибѣгнуть къ этому способу раздѣленія, чтобы уяснить себѣ неполную слитность частей составного сказуемаго въ данной фразѣ. Другой способъ раздѣленія будетъ подходить ближе къ смыслу оборота, — это именно: «я боялся, *какъ бы не показать* вида»...; здѣсь вставка, «какъ бы» ясно обнаруживаетъ, что части составного сказуемаго *(боялся и показать)* не сливаются въ нашей грамматической мысли въ одно нераздѣльное цѣлое.

И *построить* церковь *божится*,
Если смерти избѣжитъ (Некрас. «Власъ»).

Примѣчаніе. Можно раздѣлить: «божится, что построитъ церковь».

Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье... (Лерм.).

Примѣчаніе. Раздѣльность частей обнаруживается возможностью вставки союза «чтобы»: «придетъ ли, *чтобы* открыть»...

Бывало, въ глубокій, полуночный часъ,
Малютки, *приду* **любоваться** на васъ... (Хомяк.).

Мы *условились* **драться** за скирдами, что находились подлѣ крѣпости, и **явиться** туда на другой день въ седьмомъ часу утра (Пушк. «Кап. д.»).

Примѣчаніе. Можно раздѣлить такъ: «Мы условились, что будемъ драться за скирдами и явимся туда...»

Мало ли людей, начиная жизнь, *думаютъ* **кончить** ее какъ Александръ Невскій или лордъ Байронъ... (Лерм. «Гер. н. вр.»).

Примѣчаніе. При разъединеніи «думаютъ, что кончатъ» получается нѣсколько иной оттѣнокъ; здѣсь больше увѣренности, что такъ и будетъ или должно быть, между тѣмъ какъ смыслъ формы («думаютъ кончить») колеблется между «хотятъ или хотѣли бы кончить» и «предполагаютъ, что могли бы кончить».

Старецъ *поднялъ руку благословить* (Дост. «Братья Карам.»)—*чтобы благословить.*

...ихъ общій знакомый, monsieur Калиновичъ, *обѣщался* у нихъ *читать* свой прекрасный романъ (Пис. «Тысяча душъ», II, III) — обѣщался, *что будетъ читать.*

По разнымъ семейнымъ отношеніямъ, онъ полюбилъ ее, какъ дочь, и *не боялся полюбить иначе* (Л. Толстой «Сем. счастье», IV).—Это значитъ: не боялся, что полюбитъ иначе, не подозрѣвалъ опасности полюбить иначе. Раздѣленіе здѣсь было бы предпочтительнѣе формы съ инфинитивомъ, которая допускаетъ другое пониманіе (не боялся полюбить иначе=не испугался бы, если бы полюбилъ иначе). Оборотъ неловкій, двусмысленный, съ характеромъ галлицизма.

Вторая разновидность.

Я бъ *хотѣлъ забыться и заснуть*... (Лерм.).
Но *не хочу*, о други, *умирать*,
Я *жить хочу*... (Пушк.).

Я и прежде *хотѣлъ* вамъ это *замѣтить*... (Гоголь «Ревиз.»).

Хотѣлъ бы очень я
Самъ *посудить*, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли твое умѣнье... (Крыл. «Ос. и Сол.»).
Бывало, *люблю* васъ крестомъ *знаменать*,
Молиться, да будетъ на васъ благодать. . (Хом.).
Стиховъ я не читаю, но *люблю*
Марать шутя бумаги листъ летучій (Лерм. «Сказка для дѣт.»).

Спѣшу, между прочимъ, и *увѣдомить* тебя... (Гог. «Ревиз.»).

Примѣчаніе. Здѣсь нельзя сказать: «спѣшу, *чтобы* увѣдомить тебя» (это былъ бы совсѣмъ другой оборотъ), т.-е. вставка союза *чтобы*, обнаруживающая въ другихъ случаяхъ раздѣльность частей составного сказуемаго, здѣсь невозможна: это испортило бы фразу.— Въ противоположность этому есть случаи, когда вставка союза *чтобы* послѣ глагола *спѣшить* (или его синонимовъ, какъ *торопиться*), въ личной формѣ, обязательна, напримѣръ: «*Спѣшу, чтобы не опоздать* на лекцію» (нельзя сказать: «спѣшу не опоздать»). Эти случаи относятся къ первой разновидности.

...князь *не замедлилъ сообщить*, что... (Писемскій «Тыс. душ.», II, III).

Въ маленькихъ мѣщанскихъ домишкахъ *начинали просыпаться* (Писемск. «Тыс. душъ.», I, IV).

...онъ набилъ трубку, затянулся и *началъ разсказывать* (Лерм. «Бэла»).

И гость *долженъ былъ* непремѣнно **остаться** (Гог. «Старосв. пом.»).

Ни шагу *не могли* **ступить** (Жук. «Шильон. узн.»).

Умѣютъ же себя **принарядить**.

Тафтицей, бархатцемъ и дымкой... (Гриб. «Горе отъ ума»).

Сосѣдка, *перестань* **срамиться** (Крыл. «Слонъ и Моська»).

Могу **попасть** въ большія забіяки... (Крыл. Тамъ же).

Но отъ косматаго лакея
Не можетъ **убѣжать** никакъ... (Пушк. «Евг. Он.»).

...разговоръ, который *могъ* **кончиться** для меня очень невыгоднымъ образомъ... (Пушк. «Кап. доч.»).

Ахъ! я было и *забылъ* **благодарить** тебя за лошадь и за тулупъ (Пушк. «Кап. доч.»).

Марья Ивановна... *не успѣла* еще **опомниться и прійти** въ себя (Пушк. «Кап. доч.»).

И *началъ* съ нимъ **бесѣдовать** Ѳеодоръ
И **называть** великимъ патріархомъ (Пуш. «Бор. Год.»).
...Въ чьей, по счастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ *осмѣлится* ихъ гласно **объявлять**... (Гриб. «Горе отъ ума»).

...мы *продолжали* молча **итти** другъ подлѣ друга. (Лерм. «Бэла»).

...застрѣльщиковъ, которые *начинали* **вытѣснять** изъ лѣса непріятеля... (Лерм. «Гер. наш. вр.»).

Въ случаѣ же пораженія *намѣревался* онъ **бѣжать** (Пушк. «Ист. Пугач. бунта»).

Лиза... *умѣла* тотчасъ **воспользоваться** обстоятельствами (Пушк. «Барыш.-крест.»).

Я... *пожелалъ* **узнать** его мнѣніе... (Лерм. «Фатал.»).

Въ смыслѣ *началъ* употребляется *пошелъ*: «*пошла писать* губернія!»—...и экипажъ *пошелъ* опять *подпрядывать* и *покачиваться*... (Гог. «Мерт. Души»).

За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю вѣрно бъ они позабыли, они *готовы* **рѣзаться** и **жертвовать** не только жизнью, но и совѣстью... (Пушк. «Кап. доч.»).

Маруся, казалось, *готова была* **примириться** съ нами... (Короленко «Марусина заимка»).

Санинъ *принялся* **описывать** свое имѣніе... (Тург. «Вешн. воды», XXXV).

Я *поѣхалъ* **гостить** къ брату... (Тург. «Стукъ... стукъ... стукъ...», V).

Во многихъ случаяхъ инфинитивъ можетъ быть замѣненъ существительнымъ въ косвенномъ падежѣ (иногда обстоятельственнымъ словомъ), безъ ущерба для смысла фразы, напримѣръ, вмѣсто «отказался обѣдать» можно сказать «отказался отъ обѣда», вмѣсто «любитъ развлекаться»—«любитъ развлеченія», вмѣсто «привыкъ работать головой» — «привыкъ къ работѣ головой», вмѣсто «пріѣхалъ погостить» — «пріѣхалъ вгости» и т. д. Всякій, обладающій чутьемъ русскаго языка, легко замѣтитъ разницу въ оттѣнкахъ между тѣми и другими формами. Но зачастую на эту разницу не обращаютъ вниманія и употребляютъ однѣ формы вмѣсто другихъ, не считаясь съ нею. А такъ какъ существительныя въ косвенномъ падежѣ—это дополненія, то и думаютъ, что инфинитивъ, будто бы ихъ замѣняющій, играетъ въ приведенныхъ формахъ также роль дополненія; а тамъ, гдѣ вмѣсто него можно поставить обстоятельственное слово (напримѣръ, «вгости» вмѣсто «погостить»), — онъ будто бы является обстоятельствомъ. *Это совершенно неправильно.* Дѣло въ томъ, что сравниваемыя формы (1, съ инфинитивомъ и 2, съ существительнымъ въ косвенномъ падежѣ или съ обстоятельственнымъ словомъ), сближаясь (но далеко не будучи тожественными) по смыслу, по матеріальному значенію фразъ, *очень далеко расходятся по своему формальному значенію и характеру.* Въ предложеніи «привыкъ работать» мы имѣемъ въ инфинитивѣ особый предицирующій актъ, такъ что здѣсь два предицирующихъ момента (*привыкъ* и *работать*), и притомъ оба—глагольные, слѣдовательно, здѣсь два сказуемыхъ· одно—*привыкъ*, другое—*работать*. Примыкая

тѣсно другъ къ другу и относясь къ одному и тому же подлежащему, они образуютъ *составное сказуемое*. Далѣе, инфинитивъ «работать», будучи глаголомъ, не можетъ означать предмета, слѣдовательно, не можетъ играть роль дополненія. Въ предложеніи же «привыкъ къ работѣ» инфинитива нѣтъ, и, слѣдовательно, нѣтъ второго сказуемаго: здѣсь только одинъ предицирующій глагольный актъ, а не два. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ второй (*работать*), стоитъ существительное въ дательномъ падежѣ съ предлогомъ (дополненіе). Различіе съ формальной стороны настолько значительно, что эти формы отнюдь не могутъ быть сближаемы, а тѣмъ болѣе не должны быть отожествляемы. То обстоятельство, что одну и ту же мысль можно выразить разными грамматическими оборотами, не даетъ права считать эти обороты равносильными или одинаковыми и приписывать, напримѣръ, инфинитиву «работать» роль дополненія, которую онъ по самой своей природѣ играть не можетъ.

Какъ извѣстно, инфинитивъ можетъ стоять при существительномъ, замѣняя дополненіе. Напримѣръ, вмѣсто «привычка *къ работѣ*» можно сказать «привычка *работать*», вмѣсто «отказъ *въ содѣйствіи*» — «отказъ *содѣйствовать*», вмѣсто «время *обѣда*» — «время *обѣдать*». Эти формы имѣютъ свои оттѣнки, и нерѣдко нельзя бываетъ произвольно взять любую. Если можно вмѣсто: «давно пришло время *обѣда*» сказать (и это будетъ гораздо лучше): «давно пришло время *обѣдать*», то въ предложеніи: «это случилось во время *обѣда*» нельзя замѣнить дополненіе «обѣда» инфинитивомъ *обѣдать*. Наоборотъ, во фразѣ: «онъ сгоралъ нетерпѣніемъ *увидѣть* ее» инфинитивъ «увидѣть» не можетъ быть замѣненъ соотвѣтственнымъ дополненіемъ. Но если даже взять случай, когда такая замѣна вполнѣ возможна и не нарушаетъ смысла фразы («обратился съ

просьбою *дать* денегъ взаймы»—«обратился съ просьбою *о займѣ*», «онъ обнаруживаетъ охоту *учиться*»—«онъ обнаруживаетъ охоту *къ ученію*»), все-таки эти формы не должны быть приравниваемы одна къ другой. Инфинитивъ при существительномъ *(время обѣдать, намѣреніе помочь, просьба уплатить)*, будучи глаголомъ и предицируя, образуетъ сжатое въ одномъ словѣ *предложеніе* (въ приведенныхъ примѣрахъ *обѣдать, помочь, уплатить* не могутъ быть не чѣмъ инымъ, какъ только *предложеніями)*. Въ формахъ же съ существительнымъ въ косвенномъ падежѣ *(время обѣда, просьба объ уплатѣ)* этихъ предложеній нѣтъ, а есть дополненіе, конечно, не заключающее въ себѣ ни глагольности, ни предикативности.

Вторая форма—двойное сказуемое изъ личнаго глагола, относящагося къ одному подлежащему, и инфинитива, при которомъ мыслится другое подлежащее, указанное дополненіемъ перваго глагола.

Образцы.

О чемъ же властитель *воспѣть повелитъ*
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ...
(Жуков. «Графъ Габсб.»).
(=повелитъ пѣвцу, чтобы онъ воспѣлъ...)

«*Дай* же (подразумѣвается: *мнѣ*), по крайней мѣрѣ, *отдохнуть*, чортъ, *дай оглядѣться!*» молилъ Лаврецкій. (Тург. «Двор. гн.»).

А я бы *повару* иному
Велѣлъ на стѣнкѣ *зарубить*...
(Крыл. «Котъ и Поваръ»).

Опъ знакомъ *пригласилъ насъ сѣсть* кругомъ (=чтобы мы сѣли). (Лерм. «Гер. наш. врем.»).

Прошу (подразумѣвается: васъ, читателей) *послушать* эту сказку. (Лерм. «Казнач.»).

Швабринъ и народъ, толпящійся около насъ, *помѣшали мнѣ высказать* все, чѣмъ исполнено было мое сердце (Пушк. «Капит. дочка»).

...между тѣмъ правительство *запретило* народу *толковать* о Пугачевѣ... (Пушк. «Ист. Пугачев. бунта»).

Я... *сталъ просить* Ивана Игнатьича ничего *не говорить* коменданту (Пушк. «Кап. доч.»).

Эта мысль меня не покидала и *не мѣшала мнѣ обходиться* съ нимъ попрежнему (Пушк. «Выстрѣлъ»).

Или твоя вѣра *запрещаетъ* (подразумѣвается: *тебѣ*) *полюбить* меня? (Лерм. «Бэла»).

...Марья Николаевна *попросила Санина поднять* ширмочки, отдѣлявшія ложу отъ театра. (Тург. «Вешн. воды»).

Вотъ и этотъ, какъ и Тарховъ, *запрещаетъ мнѣ говорить* о Музѣ... (Тург. «Пунинъ и Бабур.»).

Литвиновъ *далъ удалиться герцогинѣ* со всей ея свитой и тоже вышелъ на аллею (Тург. «Дымъ»).

...теперь у нея была одна женская прислуга, а *человѣка нанимали* только *ѣздить* съ ней по городу и *служить*, когда она давала вечера (Боборык. «На ущербѣ», ч. II, VI).

ГЛАВА VI.

Простое сказуемое и его выраженіе формами личнаго глагола.

§ 1. Теперь намъ продстоитъ ознакомиться съ тѣми формами, которыя являются выраженіемъ простого глагольнаго сказуемаго и глагольной части составного,

т.-е. разсмотрѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ составъ современнаго русскаго глагола.

Въ глаголѣ различаются: 1) *лица и числа* (и въ прошедшемъ времени единственнаго числа—*родъ*), 2) *времена*, 3) *наклоненія*, 4) *залоги*, 5) *виды*.

1) **Лица и числа.** Мы уже знаемъ, что отношеніе къ лицу — это отличительное свойство глагола. Отношеніе къ лицу въ глаголѣ можетъ быть *прямое* и *косвенное*. Обыкновенно принимаютъ *три лица:* **первое — говорящее** (*сижу, читаю, буду, я сказалъ, несемъ, будемъ, мы сказали*), **второе — то, къ которому обращена рѣчь** (*сидишь, читаешь, будешь, вы несете, ты сказалъ, вы прочитали*), **третье — то, о которомъ идетъ рѣчь** (*сидитъ, читаетъ, будетъ, онъ сказалъ, они (онѣ) сказали*). Къ этому нужно прибавить слѣдующее. Весьма часто форма третьяго лица множественнаго числа имѣетъ особый смыслъ и особое назначеніе; такъ, напримѣръ, выраженія: «часто *говорятъ*, что»..., «*распустили* слухъ, будто...» и т. п., не относятся къ третьему лицу въ собственномъ смыслѣ: лицо глаголовъ здѣсь — *неопредѣленное*, для котораго во французскомъ языкѣ есть особое мѣстоименіе *on (on dit)*, въ нѣмецкомъ — *man (man sagt)*. Эти обороты (*говорятъ, on dit, man sagt*) причисляются къ безсубъектнымъ, т.-е. не имѣющимъ подлежащаго. Еслибы лицо глагола было здѣсь третье, то было бы здѣсь и подлежащее—*они;* но вѣдь нельзя сказать: «они говорятъ» въ смыслѣ *говорятъ*, какъ нельзя сказать *ils disent, sie sagen* вмѣсто *on dit, man sagt*. Отсюда ясно, что лицо этихъ глаголовъ не третье въ собственномъ смыслѣ. Какое же оно? Оно — *неопредѣленное*. У насъ употребительна также форма 2-го лица единственнаго числа настоящаго и будущаго времени и 2-го лица единственнаго числа повелительнаго наклоненія не для обозначенія второго лица въ собственномъ смыслѣ, а именно для выраженія *лица не-*

опредѣленнаго (только здѣсь съ другимъ оттѣнкомъ). Сюда принадлежатъ выраженія поговорочнаго характера, въ родѣ «тише *ѣдешь* — дальше *будешь*», «*любишь кататься—люби* и саночки возить», «ничего *не подъѣлаешь*» и т. п. Лицо глагола въ этихъ двухъ оборотахъ («говорятъ», «тише ѣдешь»...) мы такъ и будемъ называть **неопредѣленнымъ**. Наконецъ въ безсубъектныхъ оборотахъ *свѣтаетъ*, *тошнитъ*, *хочется*, *кажется* и мн. др. форма 3-го лица единственнаго числа вовсе не относится къ третьему лицу, и можно сказать, что здѣсь вообще нѣтъ *лица* въ собственномъ смыслѣ. Поэтому мы и будемъ называть лицо глагола въ этихъ оборотахъ **мнимымъ**.

2) **Времена. Грамматическимъ временемъ называется глагольная форма, выражающая отношеніе (дѣйствительное или мнимое) дѣйствія къ моменту рѣчи.**

Если дѣйствіе, выражаемое глаголомъ, представлено *совпадающимъ съ моментомъ рѣчи*, то это — **настоящее время**, напримѣръ, *пишу*, т.-е. дѣлаю это въ тотъ самый моментъ, когда говорю объ этомъ. Если дѣйствіе глагола представлено *предшествующимъ моменту рѣчи*, то это—**прошедшее время**, напримѣръ, *я писалъ*, т.-е. дѣлалъ это раньше того, какъ говорю объ этомъ; *ты писалъ* — значитъ это происходило (ты дѣлалъ это) прежде, чѣмъ я повелъ объ этомъ рѣчь. Если дѣйствіе представлено совершающимся послѣ момента рѣчи, то это— **будущее время**: *я напишу, ты будешь читать* означаютъ, что эти дѣйствія наступятъ послѣ того, какъ это сказано.

Прошедшее съ окончаніями *лъ, ла, ло, ли* возникло изъ стараго русскаго *сложнаго прошедшаго*, состоявшаго изъ вспомогательнаго глагола настоящаго времени, *есмь, еси, есть, есмы, есте, суть* (а также и въ прошедшемъ времени, такъ называемый *аористъ*: *бѣхъ, бѣ, бѣхомъ*, и *преходящее*: *бяхъ, бяше, бяшеть*...) и при-

частія на *лъ*, напримѣръ: *далъ есмь, увидѣлъ есть, изодѣлися суть, бѣ заложилъ* (градъ), *бѣжалъ бяшеть* и т. д. Съ теченіемъ времени вспомогательный глаголъ, нерѣдко опускавшійся, совсѣмъ вышелъ изъ употребленія, а причастіе на *лъ* превратилось въ глаголъ. Какъ остатокъ его причастнаго характера осталось только измѣненіе по родамъ въ единственномъ числѣ.

§ 2. *Разновидности настоящаго.* Кромѣ настоящаго въ собственномъ смыслѣ, выражающаго совпаденіе дѣйствія съ моментомъ рѣчи (*сижу, видишь, поетъ...*), форма настоящаго времени употребляется для изображенія другихъ представленій времени. Различаются слѣдующія разновидности настоящаго:

1) *Настоящее постоянства (продолжительности, обычности, вѣчности).* Въ формѣ настоящаго воспроизведено то, что представляется постояннымъ или обычнымъ, что длится неопредѣленно долго, признается вѣчнымъ, наконецъ, то, что вообще «бываетъ», повторяется, составляетъ «правило».

Образцы.

Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой
Отъ береговъ холодной Леты
Слетаются на брегъ земной
И невидимо *навѣщаютъ*
Мѣста, гдѣ было все милѣй... (Пушк.).

Трусъ — тотъ, кто *боится* и *бѣжитъ*... (Достоевскій, «Идіотъ»).

И какъ хорошо дѣти *подмѣчаютъ*, что отцы *считаютъ* ихъ слишкомъ маленькими и ничего непонимающими, тогда какъ они все *понимаютъ*. (Достоевскій «Идіотъ»).

Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать... (Пушк.).

«Позвольте васъ спросить,— промолвилъ вдругъ Неждановъ,— вы вотъ сейчасъ сказали мнѣ, что уже въ театрѣ узнали, какъ меня *зовутъ?..*» (Тург. «Новь»).

«Индійцы *бросаются* подъ колесницу Джагернаута,— продолжалъ Паклинъ мрачно, — она ихъ *давитъ*, и они умираютъ въ блаженствѣ. У насъ *есть* тоже свой Джегернаутъ... Давить-то онъ насъ *давитъ*, но блаженства *не доставляетъ*. (Тург. «Новь», ч. I, IV).

Какъ это *бываетъ* въ первой молодости и особенно въ одинокомъ положеніи, онъ почувствовалъ безпричинную нѣжность къ этому молодому человѣку... (Л. Толстой «Война и миръ», т. I, ч. I, XVI).

2) *Изобразительное настоящее*, употребляющееся вмѣсто другихъ временъ ради большей живости и изобразительности. Говоря о прошломъ, мы можемъ мысленно представить себѣ, будто то, о чемъ мы говоримъ,— не прошлое, а происходитъ сейчасъ, совпадая съ моментомъ рѣчи.

Образцы.

Да и конь же былъ! Огонь, какъ есть огонь... Неутомимый, выносливый, куда хошь его поверни, безотвѣтный; а прокормить его ничего *не стоитъ*; коли нѣтъ ничего другого, землю подъ собой *глодаетъ*. Шагомъ *идетъ* — какъ въ рукахъ *несетъ;* рысью — что въ зыбкѣ *качаетъ*... На голосъ такъ и *бѣжитъ*, задравши голову... (Тург. «Конецъ Чертопханова»).

Примѣчаніе. Здѣсь, кромѣ изобразительности, настоящее время выражаетъ также *постоянные, характерные* признаки лошади Чертопханова.

«Вотъ, когда я попалъ на самое дно рѣки», сказалъ онъ [1]) самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подъ окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченію тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивой кто-то *напѣваетъ* тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно *вторитъ* ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все *пищитъ*; сквозь дружное, назойливо жалобное я ужжанье мухъ *раздается* гудѣнье толстаго шмеля, который то и дѣло *стучится* головой о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту; простучала телѣга; на деревнѣ *скрипятъ* ворота. (Тург. «Двор. гн.»).

И онъ снова *принимается* прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая и въ то же время какъ будто безпрестанно ожидая чего-то; тишина *обнимаетъ* его со всѣхъ сторонъ, солнце *катится* тихо по спокойному синему небу, и облака тихо *плывутъ* по немъ; *кажется*, они *знаютъ*, куда и зачѣмъ они *плывутъ*... (Тург. «Двор. гн.»).

Лукерья умолкла на минуту.—А то еще видѣла я сонъ, — начала она снова, — а быть-можетъ, это было мнѣ видѣніе,—я ужъ и не знаю. Почудилось мнѣ, будто я въ самой этой плетушкѣ *лежу*, и *приходятъ* ко мнѣ мои покойные родители — батюшка да матушка—и *кланяются* мнѣ низко, а сами ничего не *говорятъ*. *И спрашиваю* я ихъ: «Зачѣмъ вы, батюшка и матушка, мнѣ *кланяетесь?..*» (Тург. «Жив. мощи»).

Пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ сосѣдъ... *Слышу* я онъ — чёркъ, чёркъ спичкой, а та-то («собака»), та-то все *не унимается*, бокъ себѣ *чешетъ*»... (Тург. «Собака»).

---

[1]) Лаврецкій.

...Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ... (Пушк. «Полтава»).

А вашъ-то дѣдушка *стоитъ* на балконѣ да *посматриваетъ*; а бабушка подъ окномъ *сидитъ* и тоже *глядитъ*. Отецъ мой *кричитъ*: «Матушка, Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы!» А она только знай *приподымается* да *поглядываетъ* (Тург. «Однодвор. Овсян.»).

Темнота просторнаго кабинета совсѣмъ обволокла Павла Павловича.—Онъ *лежитъ* на спинѣ и *смотритъ* широко раскрытыми глазами въ мракъ, ничего въ немъ не различая; но ему *кажется*, что онъ *видитъ* очертанія предметовъ, шкапъ съ книгами... *Лежитъ* онъ безъ сна, не зажигая свѣчи цѣлый часъ, и *знаетъ* впередъ, что сна не будетъ до разсвѣта. (Бобор. «На ущербѣ», I, XV).

3) *Настоящее вмѣсто прошедшаго, рядомъ съ формою прошедшаго, выражаетъ дѣйствіе, которое во времени совпадало съ другимъ, выраженнымъ этимъ прошедшимъ*. При этомъ можетъ быть и внесенъ оттѣнокъ изобразительности, но онъ не обязателенъ.

Образцы.

Извѣстно, впрочемъ, было, что онъ спеціально *занимается* наживаніемъ денегъ... (Дост. «Идіотъ»).

«Глядите внимательнѣе. Видите вы ту скамейку, въ паркѣ, вонъ гдѣ эти три большія дерева... зеленая скамейка?» Князь отвѣтилъ, что *видитъ*. (Дост. «Идіотъ»).

Князь даже и не замѣчалъ того, что другіе *разговариваютъ* и *любезничаютъ* съ Аглаей, даже чуть не забывалъ минутами, что и самъ *сидитъ* подлѣ нея. Дост. «Идіотъ»).

Никто не зналъ, откуда онъ свалился къ намъ въ уѣздъ; поговаривали, что происходилъ онъ отъ одно-дворцевъ... но ничего положительнаго... не знали.. Такъ же никто не могъ положительно сказать, чѣмъ онъ *живетъ*; онъ никакимъ ремесломъ не занимался, ни къ кому не ѣздилъ... (Тургеневъ «Пѣвцы»).

Германъ сошелъ съ ума. Онъ *сидитъ* въ Обуховской больницѣ, въ семнадцатомъ нумерѣ, *не отвѣчаетъ* ни на какіе вопросы и *бормочетъ* необыкновенно скоро: «тройка, семерка, тузъ!..» (Пушкинъ «Пиковая дама»).

Примѣчаніе. Здѣсь есть оттѣнокъ изобразительности.

Мнѣ снилось, что я опять *иду* той же дорогой... (Корол. «Морозъ», IV).

Онъ изумлялся тому, что *топчется* около входной двери и *ждетъ*... (Боборыкинъ «На ущербѣ», II, XIX).

Примѣчаніе. Если сказать: «извѣстно было, что онъ спеціально *занимался* наживаніемъ денегъ», т.-е. вмѣсто настоящаго взять прошедшее, то получится смыслъ, что «онъ занимался наживаніемъ» не тогда, когда это было извѣстно, а раньше, и, пожалуй, даже пересталъ заниматься этимъ.—То же и въ другихъ примѣрахъ.

4) *Настоящее* (напримѣръ *прихожу*) и *будущее простое* (т.-е. форма настоящаго отъ глаголовъ соверш. вида, напримѣръ, *прійду*) выражаютъ, въ соединеніи съ прошедшимъ временемъ средняго рода *бывало, прошедшее* длительное или *многократное*, т.-е. дѣйствіе долго продолжавшееся, много разъ повторявшееся въ прошломъ (напримѣръ, *бывало прихожу*... — *бывало прійду*...).

Бывало въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, *прійду* любоваться на васъ...
. . . . . .
Бывало люблю васъ крестомъ знаменать... (Хомяк.).

Набѣгавшись досыта *сидишь бывало* за чайнымъ столомъ... (Л. Толстой «Дѣтство»).

Бывало носишься съ своей грустью, какъ съ кладомъ, и *совѣстишься* веселаго порыва... (Тургеневъ «Фаустъ»).

Они (мальчишки) меня часто выводили изъ терпѣнья *разстроятъ* (,) *бывало* (,) хуже большихъ... (Писемскій «Тыс. д.», I, VII).

Господи, Боже мой, какъ онъ (,) *бывало* (,) *стучитъ* дверью, когда прійдетъ, какъ снимаетъ галоши, какъ топаетъ («Изъ дальнихъ лѣтъ» *Т. П. Пасекъ*, I, гл. XII.)

... нынче, слава Богу, смирнѣе, а *бывало* на сто шаговъ *отойдешь* за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ... (Лерм. «Герой н. вр.», «Бэла»).

... *бывало* по цѣлымъ часамъ слова *не добьешься*... (Тамъ же).

Михаилъ Ивановичъ помнилъ, какъ *бывало* раннимъ утромъ маленькій, бѣлокурый... Ваня, боясь испугать родныхъ, осторожно *пиликаетъ* гдѣ-нибудь въ уголкѣ на желтенькой скрипкѣ... (Гл. Успен. «Наблюденія Мих. Ив.», III, 2).

Бывало часто *говорю* ему: «Ну, что̀, братъ Пушкинъ?» — «Да такъ, братъ,— *отвѣчаетъ бывало:*—такъ какъ-то все»... (Гоголь «Ревизоръ», III, VI).

§ 3. *Прошедшее время.* — Мы имѣемъ въ русскомъ языкѣ одну простую форму прошедшаго (на *лъ*, *ла*, *ло*, *ли*) и двѣ сложныя формы: 1) съ *было*, которое присоединяется къ прошедшему на *лъ* (совершеннаго и несовершеннаго вида) и съ *бывало*, присоединяемымъ къ прошедшему времени несовершеннаго вида и 2) съ вспомогательнымъ *сталъ* и инфинитивомъ спрягаемаго глагола.

а) *Простая форма прошедшаго отъ глаголовъ совершеннаго вида* означаетъ *прошедшее совершенное*, т.-е. дѣйствіе, представляемое оконченнымъ въ прошломъ

(соотвѣтствуетъ греческому аористу, латинскому перфекту, французскому passé défini или passé indéfini), напримѣръ, «сказалъ», «взялъ», «прослушалъ», «отошелъ», «уѣхалъ», «пропалъ», «заперъ» и т. д. *Простая форма прошедшаго отъ глаголовъ несовершеннаго вида* означаетъ *прошедшее несовершенное*, т.-е. дѣйствіе, представляемое въ прошломъ неоконченнымъ, длящимся (соотвѣтствуетъ греческому имперфекту, латинскому имперфекту, французскому imparfait), напримѣръ, «говорилъ», «ходилъ», «бралъ», «читалъ» и т. д.

б) *Сложная форма съ «было»*, которое присоединяется къ прошедшему на *лъ* глаголовъ совершеннаго и несовершеннаго вида, означаетъ, что дѣйствіе началось (совершенный видъ) или начиналось (несовершенный), да не окончилось, не удалось, прекратилось преждевременно, не имѣло ожидаемыхъ послѣдствій и т. д., напримѣръ, *хотѣлъ-было, взялъ-было.* Форма «было» есть родъ *энклитической частицы:* она уже не чувствуется какъ глагольная форма и потеряла ударѐніе (не *хотѣлъ-бы̀ло*, а *хотѣ́лъ-бы̆лŏ*) [1]). Происхожденіе этой сложной формы таково: въ старомъ русскомъ были прошедшія сложныя съ вспомогательнымъ глаголомъ въ сложной формѣ: *есмь былъ, была, было,— еси былъ* и т. д., напримѣръ, *есмь былъ взялъ, есьмы были дали, суть были ушли;* въ нихъ глаголъ *есмь, еси* и т. д. зачастую пропускался, и форма звучала: *былъ взялъ, была ушла, было прошло;* вотъ именно въ этой формѣ глаголъ вспомогательный, переставъ измѣняться по родамъ и числамъ, удержался лишь въ видѣ средняго рода *было*, а это случилось, оче-

---

1). Иногда въ этомъ „было“ развивается новое (дополнительное) ударѐніе на концѣ: „*я-бы̀ло́* хотѣлъ“, „хотѣлъ-*бы̀ло́*“. Это обязательно тогда, когда глаголъ многосложенъ, и ударѐніе стоитъ за два, за три и болѣе слога отъ конца, напримѣръ, *про́бовалъ-бы̀ло́, трѐбовали-бы̀ло́, запа́мятовали-бы̀ло́.*

видно, подъ *вліяніемъ безсубъектныхъ оборотовъ*, и не только такихъ, какъ «такъ *было* когда-то», «*было* холодно», «*было* смѣшно», «мнѣ *было* видно» и т. п., но и такихъ, какъ *морозило, свѣтало, тошнило* и др.

Образцы.

Сипягинъ выпустилъ руку Неждановa и *хотѣлъ-было* удалиться... (Тург. «Новь», I, III).

Съ Потугинымъ онъ *заговорилъ-было*, но тотъ неохотно отвѣчалъ ему (Тург. «Дымъ», XIII).

Высохшій сморчокъ *упомянулъ-было* о славянскихъ княжествахъ и о необходимости православной пропаганды за Дунаемъ, но, не найдя отголоска, зашипѣлъ и стушевался (Тург. «Дымъ», XV).

Она (*Наташа*) уже начинала приходить въ нетерпѣніе и, топнувъ ножкой, *сбиралась-было* заплакать... (Л. Толстой «Война и миръ», т. I, ч. I, глава XIII).

Я *было* и *запамятовалъ*... (Л. Толстой «Война и миръ», т. I, ч. I, гл. XVII).

Пьеръ... *хотѣлъ-было* возражать (Л. Толстой «Война и миръ», т. I, ч. III, гл. I).

Я *подошла-было* къ фортепіано, но онъ заперъ его и спряталъ ключъ въ карманъ (Л. Толстой «Семейное счастье», I, IV).

Правда, Катя *хотѣла-было* ѣхать въ Москву и покупать и заказывать приданое, и его мать *трéбовала-былó*, чтобъ онъ... (Л. Толстой «Семейное счастье», I, V).

Я *хотѣлъ-было* ее поцѣловать. (Пушкинъ «Метель»).

Слава Богу, ...насилу вы пріѣхали. Чуть-*былó* вы барышню *не уморили* (Пушкинъ «Метель»).

Я-*было вызвался* довести ее. (Тамъ же).

Она *попрóбовала-былó* пройти по двору босая... (Пушкинъ «Барышня-крестьянка»).

Вдругъ важное происшествіе чуть-*было не перемѣнило* ихъ взаимныхъ отношеній. (Тамъ же).

Увидя его, они *бро́сились-было* бѣжать (Пушкинъ «Дубровскій»).

Санинъ *хотѣлъ-было* заговорить... (Тургеневъ «Вешнія воды»).

Я *попытался-было* заговорить съ Давыдомъ... (Тургеневъ «Часы»).

И я *принялся-было* за работу... (Тургеневъ «Фаустъ»).

Я *хотѣлъ-было* остаться дома, но не вытерпѣлъ... (Тургеневъ «Фаустъ»).

Вчера ввечеру *пошла-было* въ садъ и вдругъ вернулась, внѣ себя, перепуганная (Тургеневъ Фаустъ»).

Ася *поднялась-было* со стула. «Останьтесь!» воскликнулъ я... (Тургеневъ «Ася»).

Лаврецкій *упомянулъ-было* о своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его... (Тургеневъ «Двор. гн.», XXV).

Старикъ *пошелъ-было* вслѣдъ за дѣвочкой, но Паншинъ его остановилъ (Тургеневъ «Двор. гн.»).

Она *начала-было* дремать, какъ вдругъ страшный, пронзительный крикъ разбудилъ ее (Тургеневъ «Клара Миличъ»).

Захаръ *взглянулъ-было* на Обломова, да увидалъ яростно-устремленные на него глаза и тотчасъ перенесъ взглядъ направо, въ уголъ (Гончаровъ «Обломовъ», III, IV).

Я *хотѣлъ-было* все разсказать ему, но удержался... (Тургеневъ «Первая любовь», II).

Я *хотѣлъ-было* заговорить съ нимъ, но вспомнилъ.,. (Тургеневъ «Странная исторія»).

Онъ попятился и *ползъ-было* по своему обыкновенію бокомъ въ дверь. «Постой, постой», продолжала матушка... (Тургеневъ «Степной король Лиръ», X).

Отецъ его, провинціальный подьячій стараго времени, *назначилъ-было* сыну въ наслѣдство искусство и опытность хожденія по чужимъ дѣламъ... (Гончаровъ «Обломовъ», I, III).

Петръ Михайловичъ потихоньку и очень проворно сунулъ ему въ руку 10 руб. серебромъ. Экзархатовъ вмѣсто отвѣта *хотѣлъ-было* поймать у него руку и поцѣловать, но Годневъ остерегся (Писемскій «Тысяча душъ», I, IV).

Лыжинъ всталъ и *протянулъ-было* ему руку въ ту самую минуту, какъ отворилась дверь и вошелъ дѣловой посѣтитель (Боборыкинъ «Перевалъ», I, III).

Господинъ Ратчъ *чуть-было не засмѣялся* по старой привычкѣ, но во-время спохватился... (Тургеневъ «Несчастная», XXIV).

Съ наступленіемъ зимы наступитъ для меня литературная работа, которую я *совсѣмъ-было бросилъ* въ это послѣднее время (Тургеневъ, письмо къ С. Т. Аксакову отъ 6 октября 1853 г.).

У *меня-было* много плановъ *зашевелилось* въ головѣ въ началѣ нынѣшняго года—теперь все это притихло. (Тургеневъ, письмо къ С. Т. Аксакову отъ 3 августа 1855 г.).

Примѣчаніе. Какъ видно изъ послѣднихъ примѣровъ «было» можетъ примыкать въ качествѣ энклитики не къ глаголу, а къ другому слову въ предложеніи, что, однако, не мѣшаетъ ему синтактически относиться именно къ глаголу и вмѣстѣ съ нимъ составлять особую форму прошедшаго времени.

в) *Сложная форма съ «бывало» и прошедшимъ несовершеннаго вида* означаетъ дѣйствіе, которое продолжалось болѣе или менѣе долго, повторялось, было обычнымъ и потомъ прекратилось, ставъ воспоминаніемъ. Это — родъ «давно-прошедшаго» (plusqueparfait). «Бывало» — не энклитика (сохраняетъ свое удареніе),

но не образуетъ въ предложеніи особаго синтактическаго момента, а примыкаетъ къ глаголу, составляя съ нимъ одну форму. Происхожденіе этой формы—такое же, какъ и формы съ «было». Отдѣлять «бывало» запятыми не слѣдуетъ.

Образцы.

Но Катя могла тоже думать о снѣ и даже, притворяясь сердитою, *прогоняла* меня *бывало* съ своей постели и засыпала... (Л. Толстой «Сем. счастье», I, II).

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я *бывало воспѣвалъ*
Мечту прекрасную свободы... (Пушк.).

Такъ *пекли* только *бывало* въ Обломовкѣ... (Гончар. «Обломовъ», IV, VI).

Онъ... испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія и тоску и стремленіе куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда *увлекалъ* его *бывало* Штольцъ... (Гончаровъ «Облом.», I, VI).

...легъ на диванъ и заснулъ тяжелымъ сномъ, какъ *бывало сыпалъ* въ Гороховой улицѣ, въ запыленной комнатѣ съ опущенными шторами (Гончар. «Облом.», II, VIII).

г) *Сложная форма прошедшаго съ инфинитивомъ несовершеннаго вида спрягаемаго глагола и прошедшимъ простымъ вспомогательнаго глагола* **стать** (*сталъ, ла, ло, ли*): «сталъ говорить», «стала пѣть» и т. д.

Эта форма не можетъ быть причислена къ составнымъ сказуемымъ, хотя довольно близко подходитъ къ одному изъ нихъ, именно — съ глаголомъ «начать»; *сталъ задумываться* выражаетъ оттѣнокъ, живо напоминающій тотъ, который данъ въ составномъ сказуемомъ

началъ задумываться, но мы все-таки ощущаемъ разницу въ синтактическомъ характерѣ этихъ двухъ формъ: *началъ задумываться* это — сказуемое составное изъ двухъ ясно различаемыхъ моментовъ сказуемости: 1) *началъ* и 2) *задумываться*—совершенно такъ, какъ въ формахъ: *пересталъ думать, хотѣлъ пѣть, желалъ знать* и т. п., между тѣмъ какъ *сталъ задумываться* образуетъ одинъ моментъ. Это—не составное сказуемое, а только сложная форма прошедшаго времени: въ ней слитность частей замѣтно больше, чѣмъ въ составныхъ сказуемыхъ съ «начать», «хотѣть», и такъ далѣе.

Эту форму можно назвать *прошедшимъ начинательнымъ.*

Образцы.

И вотъ я *сталъ замѣчать,* что конь мой тяжелѣе дышитъ (Лерм. «Гер. наш. вр.»).

Я *сталъ вглядываться...* (Лерм. «Бэла»).

Григорій Александровичъ улыбнулся и *сталъ насвистывать* маршъ (Лерм. «Бэла»).

Подумала—и *стала кушать* (Пушк. «Русл. и Людмила», II).

Американцы *стали* тревожно *разговаривать* между собой... (Кор. «Безъ языка», XIII).

Онъ *сталъ говорить* о музыкѣ... (Тург. «Дв. гн.», XXII).

Тогда Сильвіо... *сталъ* въ меня *прицѣливаться* (Пушк. «Выстрѣлъ»).

Я *сталъ хохотать* и *болтать* громче другихъ... (Тург. «Перв. люб.», VII).

Захаръ ушелъ, а Обломовъ *сталъ думать* (Гонч. «Облом.», I, I).

Оставшись одинъ въ деревнѣ, онъ *сталъ убѣждаться*, что... (Бобор. «Перевалъ», II, III).

...обѣ *стали слушать* актера напряженно, не мигая... (Бобор. «Перевалъ», II, V).

Нина *не стала удерживать* своей тетеньки... (Бобор. «Перев.», II, VI).

Анна вздохнула, однако покорно *стала собираться* (Корол. «Безъ языка», XIV).

§ 4. *Будущее время.* Мы имѣемъ три формы будущаго: 1) *будущее совершенное*—отъ глаголовъ совершеннаго вида, выражаемое внѣшнею формою настоящаго: *возьму, прочитаешь, скажетъ, уйдемъ, увидите, отдадутъ;* 2) *будущее несовершенное* — отъ глаголовъ несовершеннаго вида, образующее *сложную форму* изъ будущаго отъ глагола *быть (буду, будешь...)* и инфинитива спрягаемаго глагола: *буду знать, будешь говорить, будетъ пѣть...* 3) *будущее начинательное* — отъ глаголовъ несовершеннаго вида, образующее сложную форму изъ будущаго вспомогательнаго глагола *стать (стану)* и инфинитива спрягаемаго глагола: *стану говорить, станешь думать...* Эта форма параллельна выше разсмотрѣнной формѣ прошедшаго *(сталъ думать)*, и къ ней относится все то, что сказано объ этой послѣдней: это также не составное, а простое сказуемое, отражающееся въ мысли, какъ *одинъ* моментъ.

Образцы будущаго съ «стану»
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою... (Лерм.).

Полюбитъ онъ тебя, тогда *не станетъ спрашивать*, чему ты вѣришь и чему нѣтъ (Боборык. «Перев.», II, X).

Не *стану пѣсть*, не буду слушать... (Пушк. «Русл. и Людм.», II).

Ты форсъ свой выказываешь... такъ и я же тебя *щадить не стану!* (Тург. «Пун. и Баб.», II).

§ 5. Въ страдательномъ залогѣ формы временъ являются составными сказуемыми. Онѣ образуются при помощи вспомогательнаго глагола *быть*, который играетъ здѣсь роль связки *(есть, суть*, всегда опускающіеся, *былъ, будетъ)*. Вторую часть сказуемаго составляютъ причастія страдательныя настоящаго и прошедшаго времени. Если взято причастіе страдательное *настоящаго времени*, то всѣ три времени (настоящее, прошедшее, будущее) выражаютъ оттѣнки длительности, неоконченности, повторяемости и т. д. Если взято причастіе страдательное *прошедшаго времени*, то всѣ три времени (настоящее, прошедшее, будущее) выражаютъ оконченность. Такимъ образомъ мы имѣемъ:

а) *Настоящее страдательнаго залога — неоконченное или длительное:* онъ—всѣми *любимъ*.

б) *Настоящее страдательнаго залога — оконченное* (perfectum praesens): крѣпость—*взята*, книга—*прочитана*.

в) *Прошедшее страдательнаго залога — неоконченное или длительное:* онъ *былъ* всѣми *уважаемъ*.

г) *Прошедшее страдательнаго залога — оконченное:* крѣпость *была взята*, книга *была прочитана*.

д) *Будущее страдательнаго залога — неоконченное или длительное:* онъ *будетъ любимъ*.

е) *Будущее страдательнаго залога — оконченное:* крѣпость *будетъ взята*, книга *будетъ прочитана*.

Кромѣ этой формы страдательнаго залога, есть и другая, не сложная, съ окончаніемъ *ся*. Въ ней формы временъ совпадаютъ съ формами дѣйствительнаго залога, напримѣръ, «обѣдъ *варится*», «обѣдъ *варился*», «обѣдъ *будетъ вариться*, обѣдъ *сварится*».

§ 6. **Наклоненія.** — *Наклоненіями называются такія формы глагола, которыя выражаютъ:* 1) *отношеніе воли (желаніе, стремленіе, намѣреніе, требованіе и*

т. п.) лица говорящаго къ дѣйствію, обозначенному глаголомъ, 2) *субъективное отношеніе лица говорящаго или дѣйствующаго къ дѣйствію, выраженному глаголомъ*, 3) *предположительность дѣйствія или его обусловленность какою-либо внѣшнею причиною*, 4) *зависимость дѣйствія отъ другого дѣйствія, какъ слѣдствія отъ причины*, 5) *отношеніе дѣйствія къ другому, какъ причины къ слѣдствію*, 6) *дѣйствіе, какъ цѣль.*

Первое изъ перечисленныхъ значеній принадлежитъ *повелительному наклоненію*, всѣ остальныя — *сослагательному*. Къ нимъ обыкновенно присоединяютъ еще третье—*изъявительное*, которое мы назовемъ *мнимымъ*, потому что оно означаетъ лишь отсутствіе тѣхъ значеній, какія выражаются наклоненіями.

Примѣры:

Повелительное наклоненіе.

1) *Говори! Садись* и *пиши! Не мѣшайте!*

(Здѣсь выражено отношеніе воли лица говорящаго къ дѣйствіямъ *говорить, садиться* и т. д.)

Сослагательное наклоненіе.

2) О, *еслибъ онъ могъ* предвидѣть это! — О, *еслибы знать*, о, *еслибы знать!* (Чеховъ «Три сестры».) *Еслибы вы знали*, какъ я радъ...

(Здѣсь выражены чувства, настроеніе, желаніе лица говорящаго или дѣйствующаго.)

3) Ему *было бы скучно* безъ дѣла (предположительность).

4) Я это предвидѣлъ: иначе я *не поступилъ бы* такъ. (Зависимость дѣйствія отъ другого, какъ слѣдствія отъ причины.)

5) *Еслибы онъ это зналъ,* онъ поспѣшилъ бы явиться. (Отношеніе дѣйствія «знать» къ дѣйствію «явиться», какъ причины къ слѣдствію.)

6) Я сказалъ это для того, *чтобы ты понялъ...* (цѣль).

Повелительное наклоненіе заключаетъ въ себѣ указаніе на два лица: на *первое (говорящее) въ единственномъ числѣ и на другое лицо, къ которому обращено требованіе, выраженное первымъ лицомъ.* «*Читай*» значитъ: «*я* требую (желаю, прошу, приказываю), чтобы *ты* читалъ». «*Пусть онъ уйдетъ*» значитъ: *я* требую (хочу и т. д.), чтобы *онъ* ушелъ». «*Пишите*» значитъ: «*я* требую, чтобы *вы* писали». «*Пойдемъ*»—«*я* требую (хочу, прошу), чтобы *мы* (т.-е. *я* и *вы*) пошли»,—«*Пойдемте*»—«*я* требую (хочу), чтобы *мы* (т.-е. я и вы или мы и вы) пошли».

Повелительное наклоненіе можетъ выражать весьма различные оттѣнки, какъ-то: приказаніе, желаніе, просьбу, мольбу и мн. др.

Образцы.

Ну, что? Ну, *разсказывайте*: что и какъ тамъ? (Гог. «Ревиз.», дѣйств. III, явл. II).

Подойди сюда, любезный (Гог. «Рев.», III, X). Да *перестаньте*, пожалуйста! (Тамъ же).

Только *смотри,* отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, *не обидь* меня (Гог. «Мерт. души», I, III).

Вотъ *посмотрите*, батюшка, какая рожа! (Гог. «Мерт. души», I, VI).

Спасите! Ведутъ въ острогъ, на смерть... (Гоголь «Мерт. д.», II).

Пусть Богъ *милуетъ* отъ разбойниковъ! говорила Пульхерія Ивановна (Гог. «Старосв. пом.»).

Спасите меня! *Возьмите* меня! *Дайте* мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихрь, коней! *Садись* мой ямщикъ, *звени*, мой колокольчикъ, *взвейтеся*, кони, и *несите* меня съ этого свѣта... Матушка, *спаси* твоего бѣднаго сына! *Урони* слезу на его больную головушку! *Посмотри*, какъ мучать они его! *Прижми* ко груди своей бѣднаго сиротку!.. (Гог. «Записки сумасшедш.»).

«Ну, что жъ, *ступайте*», сказалъ онъ... (Корол. «Парадоксъ»).

«Теперь *стойте* крѣпко,—сказалъ комендантъ:—будетъ приступъ»... «Ну, ребята,—сказалъ комендантъ:—теперь *отворяй* ворота, *бей* въ барабанъ...» (Пушк. «Кап. доч.», VII).

Не пугайтесь, ради Бога, *не пугайтесь!* (Пушк. «Пиков. дама»).

...умоляю васъ... *не откажите* мнѣ въ моей просьбѣ, *откройте* мнѣ вашу тайну... (Пушк. «Пик. дама», III).

Не губите меня! повторяла бѣдная Маша... Папенька, *не принуждайте* меня: я не хочу итти замужъ (Пушк. «Дубров.», XVI).

О — муза пламенной сатиры,
Прійди на мой призывный кличъ!
. . . . . .
Вручи мнѣ ювеналовъ бичъ! (Пушк.).

Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ...
. . . . . .
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца *оживи*
Иль сонъ тяжелый *перерви*—
Увы! — заслуженнымъ укоромъ!
(Пушк. «Евг. Он.», «Письмо Татьяны»).

«Ахъ! пяня, *сдѣлай* одолженье»...
— *Изволь* родная, *прикажи*.
«*Не думай*... право... подозрѣнье...
Но видишь... Ахъ! *не откажи*».
. . . . . .
И такъ *пошли* тихонько внука...
. . . . . .
. . . . . .
Не гнѣвайся, душа моя... (Пушк. «Ев. Он.», III),
Не плачь, дитя, *не плачь* напрасно...
(Лерм. «Демонъ»).

Къ числу рѣдкихъ случаевъ принадлежитъ такой: «ты послушай, что онъ тутъ наговорилъ: *живи я* гдѣ-то на горѣ, *поѣзжай* въ Египетъ...» (Гончар. «Обл.», II, III). Здѣсь поставлено «я» вмѣсто «ты». Обломовъ эти выраженія влагаетъ въ уста Штольцу, резюмируя смыслъ его рѣчей повелительными *живи* и *поѣзжай*; а такъ какъ эти повелительныя были обращены къ нему, Обломову, то онъ и замѣнилъ 2-е лицо «ты» первымъ «я».

Въ смыслѣ повелительнаго употребляется *инфинитивъ*, выражая приказаніе въ рѣзкой или грубой формѣ, окрикъ, напримѣръ, *молчать! не сметь! встать!*

Форма повелительнаго часто употребляется взамѣнъ сослагательнаго, а также и для выраженія различныхъ оттѣнковъ, не подводимыхъ подъ категорію сослагательнаго наклоненія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первое лицо, выражаемое повелительнымъ, исчезаетъ, а второе можетъ быть отнесено ко всѣмъ тремъ лицамъ обоихъ чиселъ. Таковы выраженія въ родѣ: «*скажи* онъ прямо — я бы понялъ», гдѣ при «скажи» не подразумѣвается первое лицо, обязательное для повелительнаго наклоненія, — здѣсь «скажи» не значитъ: «*я* хочу или

гребую, чтобы онъ сказалъ», а равносильно сослагательному: «*еслибы онъ сказалъ* прямо». Это повелительное можно назвать «мнимымъ».

Образцы различныхъ значеній мнимаго повелительнаго.

Сообразите мое положеніе, Петръ Николаичъ, *будь я* въ кавалеріи, я бы получалъ не болѣе двухъ сотъ рублей... (Л. Толстой «Война и миръ», т. I, ч. I, XVIII). Вмѣсто сослагательнаго условности: будь я = еслибы я былъ...

Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, *не шевельни* на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, *не обнаружь* сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а *покажи* его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ,—и всѣ были бы радешеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка (Гог. «Мерт. души»).

Вмѣсто сослагательнаго условности: *еслибы* авторъ *не заглянулъ... не шевельнулъ... не обнаружилъ...*, а *еслибы показалъ...*

«Экая расторопная голова!» — кричитъ толпа.—«Какой неколебимый характеръ!» А *нанесись* на эту расторопную голову какая-нибудь бѣда, и *доведись* ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни,—куды дѣлся характеръ (Гог. «Мерт. д.»).

Вмѣсто *будущаго* съ «если» или «ежели»: *нанесись бѣда = если нанесется бѣда, доведись = ежели доведется...* Сослагательное въ этой фразѣ скрывалось бы подъ оболочкою мнимаго повелительнаго только въ томъ случаѣ, еслибы вмѣсто «куды дѣлся характеръ» Гоголь написалъ: «куды *дѣлся бы* характеръ».

Нашъ братъ *думай* объ одномъ: какъ бы дѣти не пищали да жена не бранилась (Тург. «Уѣздный лѣкарь»). Мнимое повелительное для выраженія *долженствованія, необходимости, обязательности*: «нашъ братъ *думай* = «нашъ братъ *долженъ думать*».

Онъ и *служи* барину, и *мети*, и *чисть*... (Гонч. «Облом.», I, VII). То же самое: онъ и *служи*... = онъ долженъ (обязанъ) и *служить*, и *мести*, и *чистить*.

Съ союзомъ «*хоть*»:

Хоть до зимы на печи *лежи*, никака собака не чукнетъ... (Тург. «Поѣздка въ Полѣсье»).

Онъ (Захаръ)... чистилъ сапоги и то платье, которое баринъ спрашивалъ, но отнюдь не то, которое не спрашивалъ, *хоть вися* оно десять лѣтъ (Гонч. «Обл.» I, VII).

Надо долгъ исполнить, *хоть умри* потомъ! (Тург. «Дымъ», XVI).

...что капитанъ-исправникъ, *хоть самъ и не ѣзди*, а *пошли* только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства (Гоголь «Мертвыя души», I, VIII).

«Тамъ потомъ *хоть умри*», повторялъ онъ... (Тург. «Дымъ», XVII).

...а потомъ ты свободенъ, *хоть* завтра *брось* (Л. Толстой «Война и миръ», т. I, ч. III, I).

Смыслъ оборота опредѣляется контекстомъ.

И вотъ вдругъ тогда, въ ту же секунду, кто-то и *шепни* мнѣ на ухо... (Достоевскій «Братья Карамазовы», ч. I, кн. III, гл. IV).

Форма мнимаго повелительнаго выражаетъ здѣсь *неожиданность* дѣйствія: кто-то и *шепни*=кто-то *вдругъ (неожиданно) шепнулъ*.

Хорошо, углядѣли во-время — догнали [вора], а *не угляди* мы? (Гл. Успенскій «Тише воды»..., 4)

Да купецъ по глупости своей и *проговорись* въ городѣ, что... (Гог. «Игроки», XVIII).

Сослагательное наклоненіе образуется присоединеніемъ частицы *бы* (*бъ*) къ прошедшему времени на *лъ*. Эта частица *бы* представляетъ собою остатокъ старинаго прошедшего (такъ назыв. *аориста*) *быхъ* (1-е л.), *бы* (2-е и 3-е), *быхомъ* (1-е множ.), *бысте* (2-е множ.), *быша* (3-е множ.). Старинное сослагательное образовывалось изъ этого аориста и причастія на *лъ* отъ спрягаемаго глагола, напримѣръ, *взялъ быхъ*—я бы взялъ, *сказали быхомъ*—мы сказали бы. Это была сложная форма. Нынѣшнее сослагательное уже — простая глагольная форма, потому что частица *бы* потеряла значеніе самостоятельной глагольной формы, а форма на *лъ* перестала быть причастіемъ и превратилась въ простое прошедшее.

Примѣчаніе. Частица *бы* (*бъ*) сливается съ союзомъ *что*, образуя союзъ *чтобы*. Ради послѣдовательности слѣдовало бы сливать эту частицу также съ *если* и *когда* и писать: *еслибы, когдабы*.

Образцы.

Славянофилы охотно *повѣсили бы* меня за подобную ересь, *еслибы* они *не были* такими сердобольными существами (Тург. «Дымъ»).

... да *еслибъ* онъ и *взглянулъ* на Ирину, онъ *бы* все-таки не *могъ* увидѣть, что́ происходило у ней на лицѣ, такъ какъ она попрежнему не отнимала рукъ. А между тѣмъ, то, что происходило на этомъ лицѣ, вѣроятно *бы* его *изумило*... (Тург. «Дымъ»).

Если лѣнь колокольчикъ поправить, такъ, по крайней мѣрѣ, въ прихожей *бы сидѣлъ*, когда стучатся (Достоев. «Идіотъ»).

Я только объ одномъ *хотѣлъ бы* знать... (Достоев. «Идіотъ»).

Намъ трудно *было бы* передать теченіе ея мыслей... (Тамъ же).

О, *еслибы* вы *могли* все знать! (Тамъ же).

Онъ *бы* легко *могъ* на деньги, вырученныя имъ за проданную дичь, купить себѣ патронташъ и суму... (Тург. «Ермолай и мельничиха»).

Отчаянный былъ человѣкъ, и что́-*бы* вашъ дѣдъ *ни приказалъ*, мигомъ исполнить... (Тург. «Однодвор. Овсян.»).

Пообѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что онъ *выпилъ бы* чаю, если... (Тург. «Двор. гн.»).

Лучше *бы* онъ ни по-каковски *не говорилъ: не лгалъ бы* (Тамъ же).

Нѣтъ!... я не могу сегодня играть; хорошо, что Леммъ насъ не слышалъ: онъ *бы* въ обморокъ *упалъ* (Тамъ же).

А онъ не такъ воображалъ себѣ разговоръ съ Захаромъ. Онъ вспомнилъ, какъ торжественно хотѣлъ онъ объявить объ этомъ [1]) Захару, какъ Захаръ *завопилъ бы* отъ радости и *повалился* [*бы*] ему въ ноги; онъ *бы далъ* ему 25 рублей, а Анисьѣ—10... (Гончар. «Облом.», ч. III, IV).

Мы рады *были бы* провалиться сквозь землю, но уйти было некуда... (Корол. «Парадоксъ»).

Примѣчаніе. Замѣтимъ случаи, когда частица *бы* (*бъ*) отдаляется отъ глагола и примыкаетъ къ другому слову, именно къ тому, на которое падаетъ такъ называемое «логическое» удареніе (т.-е., правильнѣе, удареніе по смыслу, по намѣреніямъ говорящаго), напримѣръ, «*я бы*, на твоемъ мѣстѣ, *поступилъ* иначе», «*какой бы* смыслъ *ни имѣли* твои слова, онъ все равно

---

[1]) О своей женитьбѣ.

истолкуетъ ихъ по-своему», «*сколько бы* ты *ни старался*, все равно ничего не выйдетъ».

Частица *ни* при сослагательномъ не имѣетъ отрицательнаго значенія, какое принадлежитъ ей въ другихъ случаяхъ (напримѣръ, «ни я, ни ты»...); такъ, во фразахъ: «чего бы это *ни* стоило», «откуда бы *ни* пришло это извѣстіе» и т. п. частица *ни* не отрицаетъ, а скорѣе, напротивъ, усиливаетъ, рѣзче оттѣняетъ то утвержденіе, которое выражено глаголомъ въ сослагательномъ наклоненіи.

Кромѣ разсмотрѣнной формы сослагательнаго наклоненія (съ прошедшимъ на *лъ*) и вышеуказанныхъ случаевъ употребленія формы повелительнаго въ значеніи сослагательнаго, есть еще два оборота, выражающіе сослагательность разныхъ оттѣнковъ. Это, во-первыхъ, *сослагательное* (часто *безсубъектное*), въ которомъ прошедшее на —*лъ* замѣнено *инфинитивомъ*: «О, *еслибы знать!*» «*какъ бы не опоздать*» и т. п., и всѣ случаи съ инфинитивомъ послѣ *чтобы*: «я пришелъ, *чтобы предупредить* васъ...» — Другой оборотъ — это форма будущаго (рѣже настоящаго) съ вопросительною частицею *ли* (*ль*), которая здѣсь вопросительнаго значенія не имѣетъ, но указываетъ на происхожденіе этой разновидности сослагательнаго изъ оборота вопросительнаго:

Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей;
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой,
Не выходи тогда на шумный пиръ людей... (Лерм.).

§ 7. **Залоги.** *Залогами называются тѣ глагольныя формы, которыя воспроизводятъ отношеніе подлежащаго къ сказуемому, представляя подлежащее либо какъ дѣятеля (все равно, подлиннаго или фиктивнаго), производящаго признакъ, данный въ сказуемомъ, либо какъ не-дѣятеля или какъ дѣятеля мнимаго, который*

не производитъ признака, даннаго въ сказуемомъ, и только отвѣчаетъ на вопросъ: кто? что?

Напримѣръ, въ предложеніяхъ: «я *пишу* письмо», «онъ хорошо *поетъ*», «мы уже *окончили* свою работу», глаголы-сказуемыя рисуютъ намъ подлежащія (*я, онъ, мы*), какъ дѣятелей (въ данномъ случаѣ подлинныхъ), дѣлающихъ то, о чемъ говорятъ лексическія значенія сказуемыхъ; подлежащія являются здѣсь производителями признаковъ (*писать, пѣть, окончить*), выраженныхъ сказуемыми. Въ предложеніяхъ: «онъ *умеръ*», «снѣгъ *растаялъ*», «свѣча *потухла*», «комодъ *стоитъ* у стѣны» и т. п. подлежащія также представлены дѣятелями, хотя и фиктивными. Какъ въ томъ, такъ и въ этомъ случаѣ (т.-е. когда дѣятельность подлежащаго подлинна и когда она фиктивна) мы легко можемъ спросить: что̀ дѣлаетъ (дѣлало, будетъ дѣлать) подлежащее?—Напр.: что я дѣлаю?—Пишу письмо. Что̀ сдѣлалъ снѣгъ? — Онъ растаялъ. Въ послѣднемъ примѣрѣ, а, пожалуй, еще больше въ такихъ, какъ: «свѣча потухла», «онъ умеръ», вопросъ: что̀ сдѣлало подлежащее? *логически* представляется не подходящимъ, не умѣстнымъ и иногда невозможнымъ. Но грамматически онъ не только возможенъ, но другого вопроса нельзя и поставить. Сказуемыя въ предложеніяхъ «снѣгъ бѣлѣетъ», «у меня болитъ нога», «онъ заболѣлъ», «онъ умеръ» и т. п. *формально* (*грамматически*) отвѣчаютъ все на тотъ же вопросъ: «что́ дѣлаетъ снѣгъ, нога?» «что̀ сдѣлалъ онъ?», на какой отвѣчаютъ и сказуемыя предложеній: «онъ поетъ», «я читаю» «плотникъ работаетъ» и т. д.

Такъ вотъ, во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда формально — грамматически возможенъ вопросъ: что̀ дѣлаетъ подлежащее?, мы имѣемъ залогъ, который называется *дѣйствительнымъ*.

Теперь возьмемъ другого рода примѣры: «крѣпость *взята*», «письмо *было написано*», «мы *были* очень *удивлены*», «онъ всѣми *любимъ*». Здѣсь нельзя поставить вопроса: что̀ дѣлаетъ подлежащее? Онъ невозможенъ не только логически, но и формально—грамматически, т.-е. сама глагольная форма («взята», «было написано» и т. д.) здѣсь такова, что не допускаетъ вопроса: «что̀ дѣлаетъ (или сдѣлало) подлежащее?» не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; она отвѣчаетъ только на вопросъ: «кто? что?», изображая подлежащее не какъ дѣятеля, а только какъ предметъ (лицо или вещь), которому присвоено извѣстное состояніе, какъ результатъ дѣятельности другого предмета.

Такъ вотъ, во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда нельзя поставить вопроса: «что̀ дѣлаетъ подлежащее?», когда оно является дѣятелемъ мнимымъ и только отвѣчаетъ на вопросъ: «кто? что?»,— мы имѣемъ *залогъ*, который называется *страдательнымъ*.

Къ страдательному залогу нужно отнести и тѣ формы, которыя хотя и допускаютъ вопросъ: «что̀ дѣлаетъ подлежащее?», но вмѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ подлежащее въ видѣ «дѣятеля» столь же мнимаго, какъ это дѣлаютъ формы настоящаго страдательнаго залога. Таковы, напримѣръ, «книга *печатается*», «обѣдъ *варится*», «письмо уже *пишется*», «комната *подметается*» и т. п. Здѣсь *формально* вполнѣ возможны вопросы: «что̀ дѣлаетъ книга?», «что̀ дѣлаетъ обѣдъ» и т. д. Но мы чувствуемъ и сознаемъ, что эти формы «печатается» и проч. замѣняютъ здѣсь неупотребительныя, устарѣвшія формы причастій страдательныхъ настоящаго времени съ вспомогательнымъ глаголомъ «быть». Вмѣсто «книга была печатаема» мы говоримъ: «книга печаталась», и уже смотримъ на эту послѣднюю форму, въ сущности или формально—дѣйствительную, какъ на страдательную: она унаслѣдовала страдательное

значеніе отъ своей предшественницы, отъ формы (съ причастіемъ страдательнымъ настоящаго времени), которую она замѣстила.

Итакъ, въ русскомъ языкѣ есть два залога: *дѣйствительный*, изображающій подлежащее въ видѣ дѣятеля (подлиннаго или фиктивнаго), и *страдательный*, представляющій подлежащее въ видѣ не-дѣятеля или мнимаго дѣятеля.

Теперь устранимъ одно недоразумѣніе. Есть предложенія безсубъектныя, въ которыхъ подлежащаго совсѣмъ нѣтъ, напримѣръ, «морозитъ», «тошнитъ». Если залоги выражаютъ отношеніе подлежащаго къ сказуемому, какъ дѣятеля или не-дѣятеля къ дѣйствію, то можно подумать, что глаголы безсубъектныхъ предложеній не должны имѣть залоговъ. Но мы хорошо знаемъ, что они ихъ имѣютъ. «*Морозитъ*»—дѣйствительный залогъ, «хитро *придумано*»—страдательный залогъ. Спрашивается: какъ примирить это противорѣчіе?

Очень просто: залогъ есть принадлежность не подлежащаго, не существительнаго, а *глагола*, *сказуемаго*, и притомъ такая, которая, подобно времени и виду, всегда налицо, т.-е. нѣтъ глагола безъ того или другого залога (какъ нѣтъ глагола безъ признака времени и вида) [1]). Слѣдовательно, ¡азъ данъ глаголъ, то данъ и залогъ, чему нисколько не мѣшаетъ отсутствіе подлежащаго. При его наличности залогъ указываетъ, какъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ смотрѣть на него: какъ на дѣятеля или же какъ на не-дѣятеля? При отсутствіи подлежащаго (въ безсубъектныхъ предложеніяхъ) залогъ указываетъ, какъ *слѣдовало бы* смотрѣть на подлежащее, *если бы оно было:* какъ на дѣятеля или не-дѣятеля? Залогъ глагола «морозитъ» го-

---

1) Только наклоненіе можетъ отсутствовать,—это отсутствіе обыкновенно и обозначается названіемъ *изъявительнаго*.

воритъ, что, еслибы подлежащее здѣсь было, то оно являлось бы дѣятелемъ, производящимъ признакъ данный въ сказуемомъ («морозитъ»). Залогъ глагола въ безсубъектномъ предложеніи «много *было выпито* и *сказано* лишняго» показываетъ, что, еслибы здѣсь было подлежащее, то оно было бы представлено, какъ не-дѣятель. Еще одно замѣчаніе: исторія языковъ говоритъ намъ, что древнѣйшія безсубъектныя предложенія возникли изъ субъектныхъ (изъ предложеній съ подлежащимъ), и что залоги древнѣе безсубъектности.

§ 8. Разновидности дѣйствительнаго залога.

Есть двѣ главныя разновидности, различаемыя по отношеніямъ дѣйствія (состоянія), выраженнаго глаголомъ, съ одной стороны, къ предметамъ (объектамъ), которыя грамматически выражаются *дополненіями*, а съ другой—къ подлежащему. Если при глаголѣ имѣется дополненіе, необходимое для полнаго выясненія значенія даннаго глагола, т.-е. дополненіе, обозначающее предметъ, на который простирается это дѣйствіе или которымъ такъ или иначе это дѣйствіе ближе опредѣляется, то такой глаголъ принадлежитъ къ разряду *переходныхъ*. Если дополненія нѣтъ или если оно не имѣетъ вышеуказаннаго значенія, то глаголъ относится къ разряду *непереходныхъ*. Вотъ примѣры: *читать книгу*—глаголъ переходный, но тотъ же глаголъ во фразѣ: «я всю ночь не спалъ, а *читалъ*»— непереходный; въ предложеніи «онъ *поетъ* романсъ» глаголъ *поетъ* — переходный, въ предложеніи: «онъ отлично *поетъ*» тотъ же глаголъ—непереходный; глаголъ *проспать* — переходный во фразахъ: «онъ *проспалъ* свое счастье» и «онъ *проспалъ* до утра»; тотъ же глаголъ

становится непереходнымъ во фразѣ: «поѣздъ отходитъ въ 6 часовъ утра,—постарайся не *проспать*»; глаголъ *ѣхать* является переходнымъ въ предложеніи: «я *ѣду* въ Москву» и непереходнымъ въ выраженіи: «улита *ѣдетъ*, когда-то будетъ».

Итакъ, глаголы дѣйствительнаго залога дѣлятся на: 1) *переходные, выражающіе дѣйствіе, ближайше поясняемое дополненіемъ, какъ бы распространяющееся, переходящее на посторонніе предметы*, и 2) *на непереходные, которые выражаютъ дѣйствіе или состояніе, не требующее ближайшаго поясненія дополненіемъ, не распространяющееся на посторонніе предметы.*

Глаголы переходные, въ свою очередь, подраздѣляются на двѣ разновидности: а) *переходные въ тѣсномъ смыслѣ*, которые отличаются тѣмъ, что имѣютъ при себѣ такъ называемое *прямое дополненіе*, т.-е. *дополненіе въ винительномъ падежѣ безъ предлога: читаю книгу, пишу письмо* и т. д., и б) *переходные въ обширномъ смыслѣ*, имѣющіе при себѣ дополненія въ другихъ падежахъ какъ безъ предлога, такъ и съ нимъ; напримѣръ: «вѣрю тебѣ», «желаю счастья», «ѣду въ Москву», «думаю о васъ», «пишу перомъ»; когда переходные въ тѣсномъ смыслѣ *при отрицаніи* получаютъ дополненіе въ родительномъ падежѣ вмѣсто винительнаго («знаю *урокъ*»—«не знаю *урока*»), тогда они превращаются въ глаголы переходные въ обширномъ смыслѣ.

Глаголы непереходные распадаются на слѣдующія разновидности: а) *глаголы, которые при прямомъ дополненіи становятся переходными. Ихъ непереходность обусловлена отсутствіемъ прямого дополненія.*

Примѣры. Потугинъ, точно, и любилъ и умѣлъ *говорить*... (Тург. «Дымъ», V).

...онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, *читалъ*. Впрочемъ, онъ *читалъ* мало (Тург. «Дв. гн.», XXI).

б) *Непереходные, характеризующіеся частицею —ся, которую нельзя отдѣлить.* Таковы, напримѣръ, *смѣяться, улыбаться, надѣяться, сниться* и др., если при нихъ нѣтъ дополненія.

Примѣры и поясненія. Конскій топотъ раздался за нимъ... Онъ *посторонился*... (Тург. «Дымъ», XXIV).— Здѣсь дополн. «за нимъ» мѣшаетъ глаголу «раздался» быть непереходнымъ.

По крайней мѣрѣ, она не *притворяется*... (Тургеневъ «Дымъ», XXV).

...но что же теперь *оставалось* дѣлать? (Тамъ же).

...гдѣ два года тому назадъ *скончалась* Глафира Петровна.... (Тург. «Двор. гн.», XIX).

...сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжанье мухъ *раздается* [1]) гудѣнье толстаго шмеля (Тург. «Двор. гн.», XX).—«Сквозь»— нарѣчье (а не предлогъ), а потому все выраженіе: «сквозь дружное... жужжаніе мухъ» имѣетъ характеръ не дополненія, а обстоятельства, въ силу чего гл. *раздается* сохраняетъ непереходность.

«А теперь,—*жалозался* старикъ,—...такъ все вырубили да распахали...» (Тург. «Двор. гн.», XX). (Глаголъ *жаловать* (безъ *ся*) имѣетъ другое лексическое значеніе).

И снова онъ *принимается* прислушиваться къ тишинѣ... (Тамъ же). (Глаголъ *принимать* имѣетъ другое значеніе, напримѣръ, *принимать гостей, принимать лѣкарство* и т. д.). Дополненіе «къ тишинѣ» превращаетъ гл. *прислушиваться* въ переходный.

Казалось, небывалая, сладкая мелодія *собиралась* посѣтить его: онъ уже горѣлъ и волновался, онъ чувствовалъ уже истому и сладость ея приближенія... но

---

1) Частица „ся“ неотдѣлима, потому что гл. *раздать* безъ *ся* имѣетъ совсѣмъ другое значеніе (раздать деньги).

онъ не дождался ея (Тургеневъ «Дв. гн.», XXII).—(«Собирать» имѣетъ другое лексическое значеніе).—Не будь дополненія «ея», гл. *не дождался* былъ бы непереходнымъ.

в) *Глаголы съ частицею ся, которую можно отдѣлить, послѣ чего получастся глаголъ, способный быть переходнымъ въ тѣсномъ или обширномъ смыслѣ.* Таковы: *молиться* («онъ молится Богу» и «онъ молитъ Бога о...»), *томиться* (безъ *ся: томить кого*), *капаться* (безъ *ся: копать землю*) и т. д.

Примѣры: Молится утромъ, *молится* вечеромъ... (Тург. «Дв. гн.», XXIII).—Безъ дополненія, что уже само по себѣ дѣлаетъ глаголъ непереходнымъ; частица *ся* еще усиливаетъ его непереходность.

Марья Дмитріевна... *умилилась* душою и *согласилась*. (Тург. «Дв. гн.», XXIV). «Душою»—скорѣе обстоятельство, чѣмъ дополненіе, и притомъ, при глаголѣ *умилиться*, съ характеромъ плеоназма: «умилиться душою» все равно, что просто «умилиться».

Посыпались восклицанія, разспросы... (Тург. «Дв. гн.», XXV).

..вы еще не *рѣшились?* (Тург. «Дв. гн.», XXXII).

Духъ вѣка *пробивается*, генералъ!—сказалъ профессоръ. — Кипитъ работа, *совершается* великая борьба идей, понятій, интересовъ... (Гонч. «Литер. веч.»).

Комедія «Горе отъ ума» *держится* какимъ-то особнякомъ въ литературѣ... (Гонч. «Милліонъ терзаній»). «Какимъ-то особнякомъ» — обстоятельство.

Служить бы радъ, *прислуживаться* тошно. (Гриб. «Горе отъ ума»).

Тутъ *сердиться* нечего... (Корол. «Безъ языка», XIII).

Потугинъ *потупился*. (Тург. «Дымъ», XIV).

Опричники *смутились*... (Ал. Толстой «Кн. Серебр.»).

Сюда же мы относимъ и такъ называемые *возвратные*, также имѣющіе частицу *ся*, которая означаетъ, что дѣйствіе подлежащаго направлено на него самого,

какъ, напримѣръ, въ глаголѣ *умываться;* обыкновенно къ возвратнымъ причисляютъ и такіе, въ которыхъ только указано, что дѣйствіе направлено на подлежащее, но при этомъ вовсе не подразумѣвается, что предметъ (подлежащее) самъ на себя дѣйствуетъ, напримѣръ, во фразѣ: «я иду въ цырюльню *стричься*» вовсе не значитъ, что *я самъ* буду стричь себя. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ форму возвратнаго нельзя или, по крайней мѣрѣ, неудобно замѣнить сочетаніемъ изъ переходнаго глагола и мѣстоименія (въ винительномъ падежѣ) *себя*. Такъ, нельзя сказать: «я иду *купать* себя» вмѣсто *купаться*.

Примѣры. Старый слуга... *перекрестился* (нельзя сказать: *перекрестилъ себя*), поклонился и вышелъ. (Тург. «Дв. гн.», XXXII).

Онъ (священникъ) началъ *облачаться* (Тург. «Дв. гн.», XXXII).—*Облачать себя* — не годится.

Къ этой же общей рубрикѣ глаголовъ на *ся*, которое можетъ быть отдѣлено, мы относимъ и такъ называемые *взаимные*, т.-е. обозначающіе дѣйствіе, производимое одновременно двумя или болѣе дѣятелями, служащими другъ для друга объектами дѣйствія. Таковы: *драться, бороться, цѣловаться* и др. Но тѣ же глаголы могутъ и не имѣть взаимнаго значенія, напримѣръ, «онъ часто *деретъся*», «онъ *сражался* храбро».

При «взаимныхъ» большею частью ставится дополненіе (твор. п. съ предлогомъ «съ»), нарушающее ихъ непереходность, какъ въ слѣд. примѣрахъ: Ей казалось, что она начала *дружиться* съ Анной... (Корол. «Безъ языка», XIV). Онъ долго *шепталсл* съ Апраксіей... (Тург. «Дв. гн.», XIX). Уходя отъ Калитиныхъ, Лаврецкій *встрѣтился* съ Паншинымъ... (Тамъ же, XXX).

г) *Глаголы (безъ ся), непереходность которыхъ зависитъ отъ ихъ лексическаго значенія, не нуждающагося въ объектахъ для своего выясненія или ближайшаго*

опредѣленія, — это глаголы, при которыхъ или совсѣмъ нѣтъ дополненій, или же эти послѣднія по своему характеру или смыслу приближаются (оставаясь дополненіями) къ словамъ обстоятельственнымъ. Чаще всего такіе глаголы имѣютъ при себѣ различнаго рода обстоятельства. Таковы: *спать*, *сидѣть*, *лежать*, *жить*, *бѣлѣть*, *краснѣть*, *молодѣть*, *старѣть*, *дряхлѣть*, *расти*, *цвѣсти* и т. д., выражающія не дѣйствія, а состоянія. Вопросы дополненій (кого, чего — кому, чему и т. д.), напримѣръ, при глаголѣ *спать*, невозможны. Но вполнѣ возможно дополненіе съ предлогомъ: *спать въ комнатѣ*, *на диванѣ* и т. д.; это не обстоятельство, а дополненіе, но такое, которое по своему характеру приближается къ словамъ обстоятельственнымъ и не придаетъ глаголу оттѣнка переходности.

Примѣры. Онъ *обезумѣлъ* (Тургеневъ «Дв. гн.», XIV). Онъ едва держался на ногахъ, тѣло его *изнемогало* (тамъ же).

Послѣднія его сомнѣнія *исчезли* (тамъ же).

Однако время *шло* не даромъ (тамъ же).

Словно изъ ума *выжила* (тамъ же, XIX). — Здѣсь дополненіе «изъ ума» не способно придать глаголу «выжила» оттѣнка переходности.

Къ вечеру *прибыла* прислуга... (тамъ же). — Дополненіе «къ вечеру» носитъ обстоятельственный характеръ.

Наташа *умолкла*. (Пушкинъ «Арапъ Петра Великаго»).

Солнце освѣщало ея высокую фигуру, и ярко *голубѣлъ* васильковый вѣнокъ на ея головѣ (Тургеневъ «Степн. кор. Лиръ», VIII). — Здѣсь дополненіе «на ея головѣ» отдѣлено отъ глагола «голубѣлъ» подлежащимъ («вѣнокъ») и можетъ быть отнесено къ этому послѣднему; этимъ ослабляется его значеніе относительно глагола.

Рѣка какъ будто *отяжелѣла*, почувствовавъ первый ударъ мороза (Корол. «Морозъ»). ...зима все *крѣпчала* (тамъ жѐ).

Слобода *кишѣла*, точно муравейникъ. (Кор. «Марус. заимка», V).

Подводя итогъ, мы скажемъ такъ:

1) Глаголъ становится *непереходнымъ, когда при немъ нѣтъ (и не подразумѣвается) дополненія:* «собака *лаетъ*», «лошади *понесли*», «мы *живемъ* счастливо», «трижды *пропѣлъ* пѣтухъ», «онъ уже *умылся* и *одѣлся*», «онъ *учится* хорошо», «дѣти *плачутъ*» и т. д.

2) Глаголъ становится *непереходнымъ тѣмже и тогда, когда находящееся при немъ дополненіе имѣетъ значеніе обстоятельственнаго выраженія, или переходитъ въ обстоятельство, или, наконецъ, является плеоназмомъ.* Всѣ этого рода дополненія можно объединить подъ названіемъ «дополненій фиктивныхъ и мнимыхъ».

Сюда принадлежатъ: а) *творительный превращенія: обернулся соколомъ*; б) *творительный сравненія: кони понеслись вихремъ;* в) *творительный предикативный* (о немъ см. въ слѣд. главѣ): онъ *былъ купцомъ*, онъ *живетъ бариномъ;* г) *родительный предикативный:* онъ *былъ дворянскаго происхожденія*, онъ *былъ знатнаго рода*; д) *дополненія съ нарѣчіемъ:* «мы *живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ»;* е) *дополненія-плеоназмы*, не обозначающія объекта, отличнаго отъ подлежащаго: *умилился душою*, «*изъ ума выжилъ*».

3) Частица *ся* значительно содѣйствуетъ (въ особенности, когда она неотдѣлима отъ глагола) развитію непереходности, ибо она заставляетъ насъ сосредоточиваться мыслью на подлежащемъ и отвлекаетъ вниманіе отъ дополненія. При наличности послѣдняго (если только оно не фиктивно), глаголъ на *ся* становится переходнымъ, но его переходность ощущается слабѣе, чѣмъ въ другихъ глаголахъ.

Примѣчаніе. Эта частица *ся* образовалась изъ стариннаго русскаго мѣстоименія возвратнаго *ся* (вин. п.), замѣненнаго въ современномъ языкѣ формою *себя* (собственно родит. п.). Въ нѣкоторыхъ народныхъ нарѣчіяхъ эта частица звучитъ *си* (старинная энклитическая форма дательн. пад. того же возвратнаго мѣстоименія): *взялси, открылси* и т. д. Первоначально это *си* (когда оно еще было мѣстоименіемъ, а не частицей) придавало глаголу оттѣнокъ, близкій къ тому, какой въ современномъ языкѣ вноситъ въ глаголъ присоединяемое къ нему мѣстоименіе *себѣ* въ выраженіяхъ: *сижу себѣ, иду себѣ, думаю себѣ* и т. п.

§ 9. *Страдательный залогъ.* О двухъ формахъ страдательнаго залога (1, *страдат. въ собствен. смыслѣ*: «книга *прочитана*», «была *прочитана*» и т. д. и 2, *страдательный, выражаемый формою дѣйствителанаго зал. на ся:* обѣдъ *варится*) была рѣчь выше.

Приведемъ *образцы.*

1) *Первая форма.*—Онъ обучался въ Парижскомъ военномъ училищѣ, *выпущенъ былъ* капитаномъ артиллеріи... (Пушк. «Арапъ П. В.»).

Разумѣется, мы сначала *были* очень *поражены*... (Достоев. «Преступ. и наказ.»).

Ибрагимъ по своему обыкновенію хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ *было развлечено.* (Пушк. «Арапъ П. В.»).

Самъ онъ на первыхъ порахъ *былъ* твердо *убѣжденъ* въ томъ, что... (Тург. «Ист. лейт. Ергун.», XXVI)

Очки у нея *были вздернуты* на лобъ... (Корол. «Безъ яз.», XV).

Театральная фамилія Липы *обозначена* прописной буквой Д; Гольцъ прямо *названъ* «Барономъ».. (Бобор. «Перевалъ», II, XXII).

Все лицо, блѣдное и точно прозрачное, *обвѣяно было* чѣмъ-то страдающимъ и яснымъ (Бобор. «Перев.», I, X).

И я глубоко *убѣжденъ* въ томъ, что... (Тамъ же, I, XIII).

На выставкахъ *не принято* ни шикать, ни аплодировать... (Тамъ же, II, XXXVII).

Онъ *былъ одаренъ* всею живостью и способностью къ долгому изученію. Его характеръ *исполненъ былъ* благородства. Онъ *былъ влюбленъ* въ науку... Милости калифа *были открыты* всякому... (Гог. «Ал.-Мамунъ»).

Коротенькая косынка *была* слегка *накинута* на стройной ея шейкѣ... (Гог. «Нев. просп.»). Наконецъ прошла недѣля, и комната все такъ же *была заперта*... (Тамъ же).

Призрачно, мой милый, то, что *не одухотворено* высшей идеей... (Бобор. «Перев.», II, XIV).

2) *Вторая форма.*—Если подгоритъ жаркое, *переварится* рыба въ ухѣ, *не положится* зелени въ супъ, она... сдѣлаетъ замѣчаніе Акулинѣ... (Гонч. «Облом.», IV, I).

Платье ему *шилось* по вывезенному имъ изъ деревни образцу (Гонч. «Обл.», I, I).

...когда *напечатался* твой романъ, ты ни умнѣе сталъ, ни лучше... (Писем. «Тыс. душъ», II, II).

И такое поколѣніе уже снова *нарождается*... (Бобор. «Перев.», II, IX).

Народится поколѣніе, которое... (Тамъ же).

Въ его тонѣ всегда *чувствовался* баринъ... (Тамъ же, II, XIV).

Обѣ стороны (московскіе западники и славянофилы 40-хъ годовъ) высказались еще разъ, и всѣ вопросы *переставились* громадными событіями 1848 года (Герц. «Был. и Думы», гл. XXX, II).

Дѣвка Пуфка, изъ карлицъ, *держалась* для развлеченія... (Тург. «Новь», I, XIX).

§ 10. **Виды.** *Видами называются глагольныя формы, въ которыхъ дѣйствіе (состояніе), выражаемое лексическимъ значеніемъ глагола, представлено оконченнымъ*

или неоконченнымъ, мгновеннымъ или длительнымъ, повторяющимся или неповторяющимся. Въ видахъ изображены различные способы совершенія дѣйствій, напр., *ходить* — это одинъ способъ хожденія, а *хаживать* — другой.

Различаются два основныхъ вида: 1) *несовершенный (длительный)* и 2) *совершенный (оконченный)*. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои разновидности.

1) *Несовершенный видъ изображаетъ дѣйствіе (состояніе) неоконченнымъ, длящимся, протекающимъ* (въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ).

Его разновидности:

а) *Длительный первой степени: нести, вести, итти-везти, писать* и т. д.

Примѣры. Время *идетъ*.—Куда *ведетъ* эта дорога?—Ему не *везетъ*. — Что это ты *несешь?* — *Ведутъ* ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ, махая гривою, онъ всадника *несетъ*... (Пушк. «Осень»).

Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта... (Пушк. «Рѣв став.»).

Есть роза дивная... она... *цвѣтетъ* румяна и пышна... (Пушк.).

Мои стихи, сливаясь и журча, *текутъ*... (Пушк.).

б) *Длительный второй степени: носить, водить, ходить, возить* и т. д.

Примѣры. Время *проходитъ*...—Тучи *носятъ* воду.—Земля плодъ *приноситъ*. (Кольцовъ).

Оно (насѣкомое) *походило* на муху или на осу (Тург. «Стихотвор. въ прозѣ», «Насѣком.»).

Кому угодно — пусть *переводитъ* (Тург. «Стих. въ прозѣ», «Necessitas-Vis-Libertas»).

Стройно и тихо *проходишь* ты по жизненному пути... (Тург. «Стих. въ пр.», «Н. Н.»).

Онъ не помнитъ, чтобы когда-нибудь у нихъ *доходило* до крупнаго спора (Бобор. «Поумнѣлъ», IV).

Заря *переходила* въ сумерки, когда... (Бобор. «Изъ новыхъ», I, VI).

Что-то *гремѣло* и *стучало* надъ головой, что-то *билось* у самой головы... что-то *шумѣло* и надо мной, и близъ меня, и гдѣ-то далеко... Я вдругъ открылъ глаза и понялъ, что это пароходъ останавливался у пристани, что около моей головы *бились* волны..., что на палубѣ вверху *бѣгали* рабочіе, *смурыгали* канаты и *гремѣла* рулевая цѣпь (Гл. Усп. «Скучающ. публика», I).

Слегка за шалости *бранилъ* и въ Лѣтній садъ гулять *водилъ* (Пушк. «Евг. Он.».

Примѣчаніе. Различіе между длительнымъ 1-ой степ. и длительнымъ 2-ой всего яснѣе выступаетъ при сравненіи этихъ формъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ произведены отъ тѣхъ же глагольныхъ корней, напр., *несъ* и *носилъ*, *веду* и *вожу*, *буду везти* и *буду возить*.

в) *длительный третьей степени*, выражающій различные оттѣнки, какъ-то: *повторяемость (многократность), силу (энергичность) дѣйствія*, а также, наоборотъ, его *слабость* или *небрежность* и нѣкоторые другіе оттѣнки: *хаживать*, *нашивать* и т. д.

Примѣры. Лошади звучно шлепаютъ по лужамъ; кучеръ *посвистываетъ*... (Тург. «Лѣсъ и степь»).

А того и не знаетъ, что, можетъ-быть, я, пьяница и потаскунъ, грабитель и лиходѣй, за одно только и стою, что вотъ этого зубоскала, еще младенца, въ свивальники *обертывалъ*, да въ корытѣ мылъ, да у нищей, овдовѣвшей сестры Анисьи я, такой же нищій, по ночамъ *просиживалъ*, напролетъ не спалъ, за обоими ими бѣдными ходилъ, у дворника внизу дрова воровалъ, ему пѣсни пѣлъ, въ пальцы *прищелкивалъ*... (Достоев. «Идіотъ»).

Пока онъ подводилъ князя къ кресламъ и *усаживалъ* его къ столу, тотъ случайно обернулся... (Тамъ же).

Конечно, почтмейстеръ и предсѣдатель и даже самъ полицмейстеръ, какъ водится, *подшучивали* надъ нашимъ героемъ (Гоголь «Мертв. души»).

Экипажъ пошелъ опять *подплясывать* и *покачиваться*... (Тамъ же).

...побѣжитъ за нимъ вдогонку, *поддразнивая* и *приговаривая:* «Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!» (Тамъ же).

...Пламя, *вспыхивая*, изрѣдка *забрасывало* за черту того круга быстрые отблески... (Тург. «Бѣж. лугъ»).

Селифанъ только *помахивалъ* да *покрикивалъ:* «эхъ! эхъ! эхъ!» плавно *подскакивая* на козлахъ... Чичиковъ только улыбался, слегка *подлетывая* на своей кожаной подушкѣ (Гоголь «Мерт. Души»).

... и косясь *посторанваются* и даютъ ей (Руси) дорогу другіе народы и государства (Тамъ же).

...да и виномъ отъ него *попахивало* (Тург. «Бурм.»).

Разставшись съ хозяиномъ, я началъ *расхаживать* по комнатамъ (Тург. «Гамл. Щигр. уѣзда»).

[Санинъ походилъ на] выхоленнаго, гладкаго, толстоногаго, нѣжнаго трехлѣтка бывшихъ «господскихъ» конскихъ заводовъ, котораго только что начали *подгонивать* на кордѣ... (Тург. «Вешн. воды», XIV).

Да то ли мы еще *продѣлывали* въ теченіе этого вечера (Тург. «Перв. любовь», VII).

Я *побаивался* ея... (Тург. «Степн. кор. Лиръ», VIII).

«А вы охотникъ?» спросилъ Литвиновъ. «*Пострѣливаю* помаленьку» (Тург. «Дымъ», XIV).

Я еще не *слыхивалъ*, чтобы человѣкъ поставилъ себѣ вопросъ: имѣетъ ли онъ право, или нѣтъ, протянуть руку утопающему (Тург. «Дымъ», XIX).

Но послѣ полудня тучи стали собираться по краямъ, солнце выплыло на чистое небо и только на одномъ краю *погромыхивало* (Л. Толстой «Сем. счаст.»).

А Катя такъ сладко *похрапывала* подъ бѣлымъ батистовымъ платочкомъ... (Тамъ же).

«Вотъ какъ въ наше время *танцовывали*, ma chère», сказалъ графъ (Л. Толстой «Война и миръ», т. I, ч. I, XX).

Мы любили его (отца) безъ памяти и боялись чрезвычайно, хоть онъ самъ иногда *игрывалъ, бѣгивалъ* съ нами, какъ дитя (Н. Полевой, автобіографія въ предисловіи къ «Очеркамъ русск. литерат.» 1839, I, XXIX).

Губернаторъ *пріѣзживалъ* къ нему запросто... (Тамъ же).

Въ 32-мъ и 33-мъ году я часто *видывалъ* Загоскина въ домѣ отца моего... (Тург. «Письмо къ С. Т. Аксакову отъ 22 янв. 1853 г.»).

...Дроздовъ прилетало множество—и такіе они жирные, какихъ я отроду не *видывалъ*... (Тург. «Письмо къ Аксаковымъ 23 апр. 1853 г.»).

Снѣжокъ *покручивалъ* по перекрестку... (Бобор. «Поумнѣлъ», I).

...Штольцъ, уѣзжая, завѣщалъ Обломова ей (Ольгѣ), просилъ *приглядывать* за нимъ... (Гонч. «Облом.», II, VI).

2) *Совершенный (оконченный)* изображаетъ дѣйствіе оконченнымъ, протекшимъ, совершившимся (въ прошедшемъ и будущемъ; настоящаго онъ не имѣетъ).

Его разновидности:

а) *окончательный*, въ которомъ представленіе совершенности (оконченности) относится ко всему дѣйствію: *взять, сказать, прійти, прочитать, пропѣть*.

Примѣры. Бурмистръ, должно-быть, въ Перовѣ *подгулялъ:* и лицо-то у него *отекло*... (Тург. «Бурм.»).

...а *привсталъ* да *замахнулся*... кони вихремъ, спицы въ колесахъ *смѣшались* въ одинъ гладкій кругъ... и вотъ она (тройка) *понеслась, понеслась, понеслась!*.. (Гоголь «Мерт. души»).

Казалось, кто-то долго, долго *прокричалъ* подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ будто *отозвался* ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и сла-

бый шипящій свистъ *промчался* по рѣкѣ (Тург. «Бѣж. лугъ»).

Послѣ обѣда все общество *поднялось* и *двинулось* въ гостиную... (Тург. (Гамл. Щигр. у.»).

Признаться, у меня на сердцѣ *захолонуло*... (Тург. «Стучитъ»).

Однако кое-что онъ ловко *подмѣтилъ!* (Гоголь «Мерт. души»).

Лѣкарь деликатно *обнажилъ* его грудь, деликатно *постучалъ*, *послушалъ*, *похмыкалъ* — *прописалъ* капли да микстуру... (Тург. «Клара Мил.»).

Лѣкарь *ушелъ*, а Платонида Ивановна *пригорюнилась*... (Тамъ же).

Вдругъ въ комнату... *влетѣло* большое насѣкомое... *влетѣло*, *покружилось* и *сѣло* на стѣну (Тург. «Стих. въ прозѣ», «Насѣк.»).

Промелькнулъ опять флейтистъ; *прогремѣлъ* опять піанистъ; двѣнадцатилѣтній мальчикъ... *пропликалъ* какія-то варіаціи на скрипкѣ... (Тург. «Клара Мил.»).

б) *Начинательный*, въ которомъ представленіе совершенности (оконченности) относится не ко всему дѣйствію, а только къ его началу: *закричать*, *запѣть*, *застучать*...

Примѣры. ...а привсталъ да замахнулся (оконч.) да *затянулъ* пѣсню... (Гоголь «Мерт. души»).

Мой сосѣдъ *заворочался* на своей постели (Тург. «Гамл. Щигр. у.»).

Вдругъ голова коренника *замоталась*, уши навострились, онъ *зафыркалъ*, *заворошился*.—Но-но-но-но!—внезапно *заоралъ* во все горло Филоѳей и приподнялся (оконч.) и *замахалъ* кнутомъ (Тург. «Стучитъ»).

Прим. Замѣтимъ разницу: *замахнулся*—окончательный (дѣйствіе «замахиваться» представлено цѣликомъ оконченнымъ), *замахалъ* — начинательный (дѣйствіе

«махать» представлено оконченнымъ только въ своемъ началѣ: «замахалъ» значитъ «началъ махать»).

Его ли душѣ, стремящейся *закружиться, загуляться*, сказать иногда «чортъ побери все!» — его ли душѣ не любить ея (быстрой ѣзды)? (Гоголь «Мерт. души»).

Пѣтухъ вдругъ *закричалъ* и хлопотливо *захлопалъ* крыльями... (Тург. «Стих. въ прозѣ», «Деревня»)

Онъ вдругъ почувствовалъ смутное желаніе любви, тихаго счастья, вдругъ *зажаждалъ* полей и холмовъ своей родины, своего дома, жены и дѣтей... (Гонч. «Обл.», I, VIII).

2-го сентября, ночью часа въ два, *задулъ* жесточайшій вѣтеръ... (Гонч. «Фрег. Палл.»).

...деревья, особенно ракиты, сильно *зазеленѣли*... (Тург. «Письмо къ Акс. 23 апр. 1853 г.»).

Прим. Замѣтимъ разницу: *задулъ* вѣтеръ (=началъ дуть) начинательный, но *задуть* (потушить) свѣчу — окончательный; *заговорить* (=начать говорить: «не успѣлъ онъ *заговорить*, какъ вдругъ»...) — начинательн., но *заговорить* болѣзнь (*заговоромъ*) — окончательный.

в) *Мгновенный*, въ которомъ представленіе совершенности соединено съ представленіемъ быстроты, моментальности дѣйствія: *мигнуть, чихнуть, шепнуть, вздохнуть, стукнуть, крикнуть* и т. д.

Примѣры. ...только *дрогнула* дорога, да *вскликнулъ* въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ... (Гоголь «Мерт. души»).

Мальчики *переглянулись, вздрогнули*... «Съ нами крестная сила!» *шепнулъ* Илья. «Эхъ, вы, вороны! — *крикнулъ* Павелъ.—Чего вы *всполохнулись?*..» (Тург. «Бѣж. лугъ»).

У Обломова *стукнуло* сердце (Гонч. «Обл.», III, VII).

Замѣтимъ оттѣнки, какіе предлоги-частицы *по*, *при*, *раз* придаютъ глаголамъ соверш. вида, напр., въ слѣдующихъ фразахъ:

Лебедевъ, толкуя таблицу извлеченія корней, не то чтобъ спутался, а *позамялся* немного... (Писем. «Тыс. душъ», I, IV).

«Я и самъ, когда былъ смотрителемъ, это у меня кто *поръзвится*, *пошалитъ* — ничего; а буяну и грубіяну не спускалъ», *прихвастнулъ* Петръ Михайловичъ (Писем. «Тыс. душъ», I, VIII).

У него не было того дилетантизма, который любитъ *порыскать* въ области чудеснаго или *подонкихотствовать* въ полѣ догадокъ и открытій за тысячу лѣтъ впередъ (Гонч. «Облом.», II, II).

...словомъ сказать, *расшвырялъ* я нечистую силу... (Гл. Усп. «Маленькіе недостатки механизма»).

ГЛАВА VII.

Переходъ отъ составного сказуемаго къ простому.

Замѣна существительнаго, прилагательнаго и причастія въ сказуемомъ несогласуемыми частями предложенія.

§ 1. Въ главѣ II, § 2 мы объяснили, что такое составное сказуемое (съ существительнымъ, прилагательнымъ, причастіемъ—въ роли предикативнаго аттрибута). Иначе эти составныя сказуемыя называются «формами *со вторымъ именительнымъ*», ибо предикативный аттрибутъ, согласуясь съ подлежащимъ (первый именительный), по необходимости принимаетъ форму именительнаго падежа: «онъ былъ *купецъ*», «она была

тогда *молода* и *красива*», «письмо будетъ *послано*», «онъ живетъ *одинокій, угрюмый*», «онъ шелъ *пѣшій*» и т. д.

Но рядомъ съ этими формами, идущими изстари, существуютъ и нерѣдко вытѣсняютъ ихъ другія формы, въ которыхъ второй именительный замѣненъ какою-либо несогласуемою частью предложенія, напримѣръ, творительнымъ падежомъ или нарѣчіемъ. Таковы: «онъ былъ *купцомъ*», «она была тогда *молодою, красивою*», «онъ живетъ *одиноко, угрюмо*», «онъ шелъ *пѣшкомъ*». Такъ какъ эти творительные и нарѣчія не согласуются съ подлежащимъ, то они не могутъ быть его (предикативнымъ) аттрибутомъ: грамматически они къ подлежащему не относятся. Если это такъ, то на нихъ уже нельзя смотрѣть, какъ на часть сказуемаго, ибо сказуемое относится къ подлежащему и согласуется съ нимъ. Слѣдовательно, въ вышеприведенныхъ примѣрахъ творительные *купцомъ, молодою, красивою* и нарѣчія *одиноко, угрюмо, пѣшкомъ* не образуютъ предикативныхъ аттрибутовъ и частей сказуемыхъ; они только состоятъ при сказуемыхъ *(былъ, была, живетъ, шелъ) въ качествѣ дополненій и обстоятельствъ*. Сказуемое изъ составного перешло въ простое, — связка *(былъ, была, живетъ, шелъ* въ предложеніяхъ: «онъ былъ *купецъ*» и т. д.) теперь (въ предложеніяхъ: «онъ былъ *купцомъ*» и т. д.) перестала быть связкою и превратилась въ настоящее — простое — сказуемое. Такъ, въ предложеніяхъ: «онъ *былъ купцомъ*», «она *была красивою*» глаголъ *былъ, была* уже не связка, а глаголъ, означающій «существованіе», т.-е. съ тѣмъ же значеніемъ, съ какимъ является онъ въ предложеніяхъ: «онъ *былъ дома*», «она *была во цвѣтѣ лѣтъ*».

Творительный падежъ въ этихъ оборотахъ («онъ былъ *купцомъ*») принято называть *творительнымъ предикативнымъ* въ отличіе отъ другихъ творительныхъ, напримѣръ—орудія («пишу *перомъ*»), сравненія

(«летитъ *птицей*») и т. д. Названіе *предикативный* оправдывается тѣмъ, что этотъ творительный, какъ показываетъ исторія языка, сталъ на мѣсто второго именительнаго, который, составляя часть сказуемаго, былъ *предикативенъ*; творительный, такъ сказать, унаслѣдовалъ отъ него нѣкоторый отпечатокъ предикативности. Иначе говоря, ощущеніе предикативности, сопутствующее второму именительному («онъ былъ *купецъ*»), отчасти вызывается въ насъ и творительнымъ («онъ былъ *купцомъ*»), ставшимъ на мѣсто этого именительнаго. Кромѣ творительнаго, есть еще *родительный предикативный* — въ такихъ выраженіяхъ, какъ: «онъ былъ *знатнаго рода*», гдѣ ощущеніе предикативности объясняется тѣмъ, что прежде это было составное сказуемое (со вторымъ именительнымъ)—«онъ былъ *человѣкъ (потомокъ, отпрыскъ)* знатнаго рода», гдѣ предикативенъ былъ именительный *(человѣкъ)*, а родительный *(знатнаго рода)* никакой предикативности не имѣлъ, являясь обыкновеннымъ дополненіемъ къ сущ. «человѣкъ». Опущеніе этого послѣдняго придало родительному нѣкоторый оттѣнокъ предикативности, а прежнюю связку «былъ» превратило въ самостоятельное глагольное сказуемое.

Обращаясь къ обороту съ «творительнымъ предикативнымъ», играющему въ современномъ языкѣ очень видную роль, мы разсмотримъ его разновидности въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) съ отвлеченнымъ глаголомъ «быть», 2) съ полуотвлеченными *бывать, являться, стать* и т. д., 3) съ глаголами знаменательными, но не выражающими полной сказуемости, каковы: *казаться, называться, слыть, быть избраннымъ* и др.—Рядомъ съ формами съ творительнымъ предикативнымъ мы будемъ приводить сохраняющіяся доселѣ формы со вторымъ именительнымъ, а также намъ придется вспоминать и нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя уже исчезли.

1) *Съ отвлеченнымъ глаголомъ* **быть.**

Творительный предикативный.

Съ формами *настоящаго* отъ гл. «быть» творительный предикативный въ современномъ русскомъ не употребляется. Здѣсь сохраняется второй именительный, какъ показываютъ приводимые рядомъ примѣры.

Онъ *былъ купцомъ*.—Онъ *не былъ знатокомъ* музыки.—Она *будетъ пѣвицей*.—Она *была* очень *красивой*.—«Милая, добрая Марья Ивановна,—сказалъ я ей:—*будь* моей *женою*»... (Пушк. «Кап. д.»).

Я никогда *не буду* его *женою*... (тамъ же).

Не откажи, *будь* мнѣ *благодѣтелемъ*... (Тамъ же).

Причиною тому *были* строгія мѣры, предпринятыя майоромъ... (Тамъ же).

Что за комиссія, Создатель, *быть* взрослой дочери *отцомъ*! (Грибоѣд. «Горе отъ ума»).

...не могу быть *взыскательнымъ* и *строгимъ* (Гог. «Мерт. д.»).

...я вполнѣ повѣрила то-

Второй именительный.

Онъ—*знатокъ музыки*.—Она—*пѣвица*.—Ты—*мастеръ* на выдумки.—Онъ—*молодъ* и *полонъ* силъ.—Лингвистика *есть наука* о языкѣ.—Книга *прочитана*.—Пусть говорятъ: поэзія—*мечта*... что міръ ея *есть міръ пустой* и *ложный*... (Майк.).

Онъ былъ *купецъ*.—Онъ не былъ *знатокъ* музыки.—Она будетъ *пѣвица*.—Мужъ и жена были *люди самые почтенные*... (Пушк. «Кап. доч.»).

Иванъ Кузьмичъ... былъ *человѣкъ необразованный и простой*, но *самый честный и добрый*... (Тамъ же).

Очевидно, было, что Савельичъ передо мною былъ *правъ*... (Тамъ же).

Я просилъ у него прощенія, но старикъ былъ *неутѣшенъ*... (Тамъ же).

Все лицо его было *невелико*, *худо*, въ веснушкахъ... (Тург. «Бѣж. лугъ»).

Онъ не только не былъ въ обществѣ *забавенъ*, но даже, напротивъ, надоѣдалъ всѣмъ своей безсмы-

му, что нынче *буду* его *эсеномо* (Л. Толстой «Сем. сч.», I, V).

Лежаніе у Ильи Ильича *не было* ни *необходимостью*, какъ у больного или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни *случайностью*, какъ у того, кто усталъ, ни *наслажденіемъ*, какъ у лѣнтяя: это *было нормальнымъ состояніемъ* (Гонч. «Обл.», I, I).

...каждое его слово, каждый взглядъ *былъ закономъ* (Писем. «Тыс. душъ», II, III).

Не даромъ Гербертъ Спенсеръ *былъ* когда-то его *любимымъ мыслителемъ* (Бобор. «Поумнѣлъ», IV).

...*первой* его *мыслью было*, что, можетъ-быть, несчастный еще живъ (Корол. «Безъ языка», XXII).

Вы *были бы* отличнымъ *адвокатомъ* (тамъ же, XXVIII).

слепной болтовней... (Тург. «Пѣвцы»).

Первое чувство, которое производилъ на васъ видъ этого человѣка, было *чувство* какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы (Тург. «Пѣвцы»).

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ *историческій человѣкъ* (Гог. «Мерт. д.»).

И *славенъ* буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ *живъ* будетъ хоть одинъ піитъ (Пушк. «Памятн.»).

Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему *свидѣтель* въ жизни будешь... («Пушк. «Бор. Год.»).

...во всякомъ случаѣ, покупка была *выгодна* (Гог. «Мерт. души»).

Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! Зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ. Будетъ *готовъ*, почтеннѣйшій... (Гог. «М. д.», ч. II).

Носъ у нея былъ нѣсколько *великъ*... (Тург. «Вешн. воды», III).

...Обломовъ, выздоравливая, всю зиму былъ *мраченъ*... (Гонч. «Обл.», IV, I).

Помнится, она (Зинаида) нѣсколько дней сряду была

очень *холодна* со мною... (Тург. «Перв. люб.», IX).

Ну, присядьте... вонъ тамъ, на стульчикѣ, будьте *гости*... (Тург. «Степн. кор. Лиръ», VI).

Письмо было *отправлено*.

Дѣло будетъ *сдѣлано*.

Замѣчанія. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что при различныхъ формахъ глагола *быть*, кромѣ формъ настоящаго времени, творительный предикативный употребляется весьма часто, на ряду со вторымъ именительнымъ. Но есть разница между оборотомъ съ существительнымъ и оборотомъ съ прилагательнымъ: творительный существительныхъ замѣтно употребительнѣе творительнаго прилагательныхъ. Такъ, мы весьма часто говоримъ: «онъ былъ *купцомъ*», «былъ *знатокомъ*», «она была *красавицей*», «я былъ тогда уже *старикомъ*» и т. д. и гораздо рѣже говоримъ: «онъ былъ *молодымъ*», «она была *красивою*», «я былъ тогда уже *старымъ*», предпочитая формы съ именительнымъ: «онъ былъ *молодъ*», «она была *красива*», «я былъ тогда уже *старъ*».—Творительный прилагательныхъ столь же употребителенъ, какъ и творительный существительныхъ, только при *инфинитивѣ* глагола «быть»: «я не могу быть *строгимъ*» звучитъ гораздо лучше, чѣмъ «не могу быть *строгъ*» (послѣднее даже выходитъ уже изъ употребленія). Творительный причастія (страд.) при формахъ *былъ*, *буду*, *будь* и т. д. невозможенъ: здѣсь остается именительный (*нельзя сказать:* «письмо было *посланнымъ*», «крѣпость *будетъ взятою*»). Мы знаемъ, что формы съ страд. причастіемъ, будучи составными сказуемыми, въ то же время являются особыми глагольными формами: *былъ посланъ* — форма прош. вр., *будетъ взята* — форма будущ. врем. Если

устранить согласованіе причастія съ подлежащимъ, то глагольная форма разрушится (глаголу обязательно согласоваться съ подлежащимъ). Введенію сюда творительнаго предикативнаго, очевидно, препятствуетъ сопротивляемость глагольной формы.

Форма съ творительнымъ имѣетъ свои оттѣнки значенія (о которыхъ скажемъ ниже), но эти оттѣнки часто едва замѣтны, и обѣ формы (съ творительнымъ и со вторымъ именительнымъ) нерѣдко употребляются рядомъ, въ одной фразѣ, при одинаковыхъ условіяхъ контекста. Напр.: «хозяйственная часть въ домѣ Пшеницыной процвѣтала, но не потому только, что Агафья Матвѣевна была *образцовая хозяйка*, что это было ея *призваніемъ*, но и потому еще, что Иванъ Матвѣевичъ Мухояровъ былъ, въ гастрономическомъ отношеніи, *великій эпикуреецъ*» (Гонч. «Обл.», IV, I). Фраза не понесетъ ущерба въ смыслѣ, если замѣнимъ въ ней именительные творительными и наоборотъ: «...Агафья Матвѣевна была *образцовою хозяйкою*..., это было ея *призваніе*..., Мухояровъ былъ... *великимъ эпикурейцемъ*»... Конечно, оттѣнки будутъ другіе, но трудно сказать, какіе въ данномъ случаѣ предпочтительнѣе, тѣ ли, которые выражаются вторымъ именительнымъ, или тѣ, которые вносятся творительнымъ.—Но есть не мало случаевъ, когда оттѣнокъ той или другой формы выступаетъ такъ ярко, что замѣна, напр., именительнаго творительнымъ или наоборотъ уже испортитъ фразу. Такъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ (изъ «Кап. доч.») «мужъ и жена были *люди самые почтенные*»... нельзя поставить вмѣсто второго именительнаго творительный: выраженіе: «были *людьми самыми почтенными*» намекало бы на то, что будто бы они потомъ перестали быть людьми самыми почтенными.

2) Съ полуотвлеченными (полузнаменательными) глаголами, каковы: *бывать, стать, сдѣлаться, являться,*

оказаться, очутиться и т. п., а также *стоять, сидѣть, лежать* и др., когда они употреблены взамѣнъ полуотвлеченныхъ и не сохраняютъ своего подлиннаго лексическаго значенія (напр., «стоять» въ выраженіи «погода *стояла* теплая» (вмѣсто «была»).

Съ творительнымъ предикативнымъ.

Домъ коменданта *сталъ* для меня *постылымъ* (Пуш. «Кап. доч.»).

Онъ чувствовалъ..., что любовь въ самомъ дѣлѣ *становилась долгомъ*..... (Гонч. «Облом.», III, II).

Услышавъ ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и *осталась неподвижною* (Пушк. «Кап. доч.»).

...въ цѣломъ Франкфуртѣ ни въ одномъ магазинѣ не существовало такого вѣжливаго, приличнаго, важнаго, любезнаго главнаго комми, *каковымъ является* г-нъ Клюберъ (Тург. «Вешн. воды», VIII).

Романы, драмы, поэмы,— все снова сдѣлалось *пропагандой, борьбой* (Герц. «Был. и Думы», I, IV).

Мельхиседекъ [1]) былъ нѣкогда простой плотникъ...,

Съ именительнымъ.

...и мужикъ уже измѣнился, и загулялъ, и *сталъ пьяница* (Гог. «Мерт. д.»).

Чичиковъ *сдѣлался блѣденъ*, какъ полотно (тамъ же).

...какъ только (русскій человѣкъ) заберется въ нѣмецкій сюртукъ, *станетъ* и *неуклюжъ*, и *некрасивъ*, и *нерасторопенъ*, и *лѣнтяй* (тамъ же).

Луна *стала* совсѣмъ *маленькая*... (Корол. «Безъ яз.»).

Ей Богу совсѣмъ *дуракъ* отъ радости *сталъ*... (Тург. «Бурм.»).

...Когда Обломовъ *сдѣлался боленъ*... (Гончар. «Обл.», IV, I).

Флигелекъ направо *сталъ пустой* и отдавался внаймы (Тург. «Перв. люб.», I).

И скажу вамъ, засуха *стояла* тогда *такая*, что

---

1) Архимандритъ Симоновскаго монастыря.

...потомъ... пошелъ въ монахи, *сдѣлался игуменомъ* и, наконецъ, *архимандритомъ* (Герц., тамъ же).

Шалость, разгулъ не *становились цѣлью*... (Герц. «Был. и Д.», I, VII).

Антонина Сергѣевна *осталась*... все *того же экзальтированного барышней*... (Бобр. «Поумнѣлъ», IV).

Аксаковъ *остался* до конца жизни *вѣчнымъ восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей*... (Герц. «Был. и Д.», гл. XXX).

Придется *выступить* уже официально *помощникомъ* Саламатова...(Бобор.«Дѣльцы», V, II).

Останемтесь добрыми пріятелями... (тамъ же, VI, IX).

Лицо ея *оставалось такимъ же беззаботнымъ* и *веселымъ* (тамъ же).

Черезъ два-три дня они должны были *сдѣлаться мужемъ* и *женой* (тамъ же, X).

Онъ былъ изъ очень молодыхъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и никто и не запомнитъ (Тург. «Собака»).

Погода *стояла дождливая* и *холодная* (Тург. «Стран. ист.»).

Помнится, одинъ день *выдался* особенно *неудачный* (тамъ же).

Встрѣча *выходила какая-то унылая* (Корол. «Въ облачн. день»).

Черта между землей и небомъ потемнѣла, поля *лежали синія, затянутыя* мглой... (Тамъ же).

Темна стояла теперь жизнь передъ нею... (Натальей). (Тург. «Рудинъ», XI).

... Ласточки еще не прилетѣли, хотя время *стоитъ теплое* («Письмо Тург. къ Аксак. 1853 г.»).

Повѣсть *вышла плоха* (Герценъ «Был. и Думы», сочин. II, 266).

Да чего ты *грустенъ сидишь?*.. (Достоев. «Братья Карам.», ч. III, кн. VII, III).

И голосъ у него *оказался такой*, какого слѣдовало ожидать... (Тург. «Вешн. воды», VIII).

... Прядильниковъ *сдѣлался* вдругъ гораздо ме-

очутился тайнымъ... (Боб. «Дѣльцы»).

Ты знаешь, никогда я *безчувственной не бывала*... (Бобор. «Дѣльцы», VI, V).

нѣе *сообщителенъ* (Бобор. «Дѣльцы», IV, XIV).

И какъ только мы *очутились одни*... (Герц. «Был. и Думы», гл. XXVIII).

Онъ *бывалъ* иногда *смѣлъ* (тамъ же, гл. XXX, II).

Молодой человѣкъ *оказался не гордый* (Корол. «Безъ яз.», VI).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что при глаголахъ этого рода второй именительный *существительныхъ* почти вышелъ изъ употребленія, между тѣмъ какъ второй именительный *прилагательныхъ* встрѣчается весьма часто. Такъ, нельзя уже сказать, какъ говорили въ старину, «она сидитъ *вдова*»,—мы скажемъ: она «сидитъ *вдовою*»; но съ прилагательнымъ мы и теперь говоримъ: «она сидитъ *грустная*», предпочитая эту форму выраженію: «сидитъ *грустною*». Неудобно сказать: «онъ сталъ (сдѣлался) *богачъ*»; гораздо лучше звучитъ: «сталъ (сдѣлался) *богачомъ*». Но если взять прилагательное, то форма съ именительнымъ окажется столь же возможною, какъ и форма съ творительнымъ: «сталъ (сдѣлался) *богатъ*» и «сталъ (сдѣлался) *богатымъ*». При глаголѣ «*явиться*» («*являться*») именительный совсѣмъ вышелъ изъ употребленія какъ въ формахъ съ существительнымъ, такъ и съ прилагательнымъ: это «явилось *неожиданностью*», «это явилось *неожиданнымъ*» (если сказать *неожиданно*, то эта форма будетъ понята не какъ прилагательное, а какъ *нарѣчіе*). Числит. *одинъ* и мѣстоименіе *весь* всегда сохраняютъ форму второго именительнаго: «онъ остался *одинъ*», «сижу *одинъ*», «по провѣркѣ сумма оказалась *вся* въ наличности».

3) Съ знаменательными глаголами неполной сказуемости, каковы: *слыть*, *казаться*, *представляться*, *назы-*

ваться, а также съ различными глаголами съ вполнѣ конкретнымъ значеніемъ, напр., *сидѣть*, *лежать*, *ходить*, *жить*, *умереть* и др.

Съ творительнымъ предикативнымъ.

На видъ онъ *казался дворовымъ*... (Тург. «Пѣвцы»).

Она въ семьѣ своей родной *казалась дѣвочкой чужой*... (Пушк. «Евг. Он.»).

... все, что я вижу, мнѣ *кажется необыкновеннымъ* и *новымъ*... (Тург. «Довольно», VIII).

А вѣдь *какимъ казался почтительнымъ* и *тихимъ*... (Корол. «Безъ яз.», XXV).

Все лицо потемнѣло и *казалось старымъ, мертвеннымъ* (Бобор. «Дѣльцы», VI, VI).

Онъ *слыветъ умницей*. Онъ *представляется* (*притворяется*) *непонимающимъ*.—Уланъ *приходился дальнимъ родственникомъ* ея мужу (Бобор. «Китай-Городъ», I, XVIII).

Родители его *прозывались Сыромятниковыми* (Бобор. «Китай-Гор.», I, XVIII).

Итакъ она *звалась Татьяной*... (Пуш. «Евг. Он.»).

Со вторымъ именительнымъ.

Вопросъ мошенника и его дерзость *показались* мнѣ такъ *забавны*, что я не могъ не усмѣхнуться (Пушк. «Кап. доч.»).

Я со слезами цѣловалъ его руку и глядѣлъ на Марью Ивановну, которая была такъ обрадована моимъ присутствіемъ, что *казалась* совершенно *счастлива* и *спокойна* (тамъ же).

Онъ такъ вѣрилъ въ меня, *казался* такъ *спокоенъ* и *равнодушенъ*, и всѣ эти молодые люди *казались* мнѣ такъ *ничтожны* въ сравненіи съ нимъ, что единственная, по моимъ понятіямъ, опасность свѣта *не казалась страшна* мнѣ (Л. Толст. «Сем. сч.», II, II).

Ея сестра *звалась Татьяна*... (Пушк. «Евг. Он.»).

Хорошъ возвращаюсь я на родину... (Тург. «Двор. гн.», XVIII).

Ну, что же, ежели онъ *ломитъ пьяный* въ сѣнцы?

Вы изволили *отрекомендоваться кандидатомъ* правъ?.. (Бобор. «Дѣльцы», VI, X).

Его похудѣвшее лицо *смотрѣло* болѣе *возмужалымъ* (Бобор. «Дѣльцы», VI, X).

«Я *родился перекати-полемъ*», продолжалъ Рудинъ (Тург. «Руд.»).

Въ полдень онъ *появлялся одѣтымъ* съ иголочки... (Корол. «Парадоксъ», III).

Онъ зналъ впередъ, что Антонина Сергѣевна *выйдетъ* къ гостямъ *одѣтой не* такъ, какъ бы онъ хотѣлъ (Бобор. «Поумн.», IV).

Онъ умеръ *бѣднякомъ*.— Я *былъ рожденъ вывихнутымъ*... (Тург. «Новь», II, XXXVI).

(Гл. Успен. «Набл. Мих. Ив.», VI, III).

И въ это время на кораблѣ умеръ человѣкъ. Говорили, что онъ уже *съѣлъ больной*... (Кор. «Безъ яз.», IV).

Дѣвушка *сидѣла задумчивая* и *поблѣднѣвшая* (Корол. «Въ облачн. день», VI).

Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный... (Пуш. «Бор. Год.»).

Иларіонъ Семеновичъ *сидѣлъ* въ саняхъ точно *угорѣлый* (Бобор. «Дѣльцы», V, III).

Они *возвращались* домой *улыбающіеся* и *беззаботные* (Бобор. «Дѣльцы», II, X).

... но какъ же ты *останешься одинъ?* (Тамъ же, VI, XIV).

Строгановъ *вышелъ* изъ комнаты *желтый*, какъ церковная свѣчка (Герц. «Был. и Д.», IV, XXXI).

«Это ужасно! ужасно!» сказалъ молодой человѣкъ и *ушелъ взволнованный* и *разстроенный* (Герц. «Был. и Д.», IV, XXXII).

Изъ городовъ *бѣжалъ* я *нищій*... (Лерм. «Прор.»).

Ѣду одна на чужую сторону (Кор. «Безъ яз.», IV).

Матвѣй... *увидѣлъ первый*, что... (Тамъ же, XI).

Казусъ, очевидно, *предстоялъ необыкновенный*... (Тург. «Степн. кор. Лиръ», XXV).

Сны *снились такіе смутные*... (Гонч. «Обл.», II, VIII).

А она вдругъ *встанетъ утомленная*...(Гонч. «Обл.», IV, IV).

... разговоръ *велся прилично-разсудительный* и *нѣсколько торжественный* (Л. Толст. «Сем. сч.», II, I).

Если деньги и пришлютъ, такъ къ Рождеству, а можетъ-быть, и позже, когда продадутъ хлѣбъ, а когда продадутъ, сколько его тамъ и *какъ велика* сумма *выручена будетъ*,—все это должно объяснить письмо, а письма нѣтъ (Гонч. «Обл.», III, VII).

Словомъ, свѣдѣнія и деньги *получены удовлетворительныя*... (Тамъ же, IV, I).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что второй именительный *существительныхъ* при глаголахъ этой рубрики представляетъ большую рѣдкость. Мы находимъ его лишь при глаголахъ «*называться*», «*именоваться*». При остальныхъ вторые именительные пред-

ставлены прилагательными, а не существительными, которые здѣсь или совсѣмъ невозможны, или же звучатъ какъ архаизмъ, напр., у Достоевскаго: «я боюсь, что ты *сонъ*, что ты *призракъ* предо мной *сидишь*» («Братья Карамз.», ч. IV, кн. XI, гл. VIII), и въ народной поэзіи: Не *огонь иду*—не обожгу, не *змѣя плыву*—не оклюю... (Барсовъ «Причитанія Сѣв. Края», I, стр. 53).

Только существительныя-мѣстоименія *одинъ*, *самъ*, *весь* употребляются въ этомъ оборотѣ всегда въ именительномъ падежѣ: «я *сдѣлаю* это *самъ*», «онъ *живетъ одинъ*», «онъ родился *весь* въ отца», «нѣтъ, *весь я не умру:* душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ... (Пушк. «Памятн.»).

Прилагательныя употребляются почти столь же часто въ творительномъ, какъ и въ именительномъ: «онъ умеръ *нищій*» и «онъ умеръ *нищимъ*»; «онъ казался *уменъ*» и «онъ казался *умнымъ*»; «мы ушли *первые*» и «мы ушли *первыми*». Но бываютъ случаи, когда творительный невозможенъ, напр., въ слѣдующей фразѣ въ одномъ письмѣ Добролюбова: «строгость на тебѣ очень *не велика лежитъ*...» («Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова», стр. 365) или въ приведенномъ выше примѣрѣ изъ повѣсти «Степной король Лиръ» Тургенева: «Казусъ, очевидно, *предстоялъ необыкновенный*» и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Исторія русскаго языка показываетъ, что оборотъ съ творительнымъ предикативнымъ распространялся постепенно, вытѣсняя болѣе древній оборотъ со вторымъ именительнымъ, и что сперва онъ ограничивался предѣлами существительныхъ, откуда позже онъ перешелъ и къ прилагательнымъ. Еще одно важное указаніе исторіи языка состоитъ въ томъ, что раньше другихъ случаевъ творительный предикативный сталъ появляться при глаголахъ, означающихъ превращеніе, возникновеніе, появленіе, наименованіе и т. п., каковы:

стать, сдѣлаться, казаться, называться, слыть, быть, избраннымъ и пр. «*...прозвашася Русью*» (Лавр. лѣтоп. подъ 898 г.), «*поставленъ бысть митрополитомъ*... Кириллъ» (Лавр. лѣтоп. подъ 1224 г.), «и самъ *царемъ ста...*» (1-я Новгородская лѣтоп. подъ 1204 г.), «и *бысть* (т.-е. *сталъ, сдѣлался*) *черницемъ*» (Лавр. лѣтоп. подъ 1059 г.), «*учинился царемъ*»... (Котоших.).

Отсюда, т.-е. отъ сочетанія творительнаго существительныхъ съ глаголами *стать, сдѣлаться, казаться, называться* и т. д., привычка замѣнять второй именительный творительнымъ предикативнымъ мало-по-малу распространилась на формы съ прилагательными при тѣхъ же глаголахъ, а потомъ на сочетанія существительныхъ и прилагательныхъ съ другими глаголами.

Первоначально же въ сочетаніяхъ съ глаголами «превращенія» (*стать, сдѣлаться* и т. д.) творительный предикативный появился, вытѣсняя второй именительный, очевидно, подъ вліяніемъ оборотовъ съ *творительными превращенія, сходства, сравненія и образа дѣйствія.*

Вотъ образчики этихъ творительныхъ, иногда очень близко подходящихъ по смыслу къ творительному предикативному:

Улица и площадь смотрѣли *веселой ярмаркой* [1]) (Бобор. «Кит.-Гор.» I, I).

Онъ смотрѣлъ *удалымъ фабричнымъ малымъ*... [2]) (Тург. «Пѣвцы»).

А заведите-ка рѣчь съ тѣмъ же политико-экономомъ... о самыхъ трудныхъ задачахъ общественной науки, но только вообще, безъ фактовъ... фррр! Такъ *птицей* [3]) и взовьется, *орломъ*... [3]) (Тургеневъ «Дымъ», XIV).

---

[1]) Творит. *сходства.*

[2]) Твор. сходства.

[3]) Творит. *сравненія.*

Кубаремъ [1]) прокатился онъ по двору и исчезъ за воротами (Тург. «Степн. Кор. Лиръ», XXIV).

Мысль гуляла *вольной птицей* [1]) по лицу... (Гонч. «Облом.», I, I).

Оба брата Кирѣевскихъ стоятъ *печальными тѣнями* [1]) на рубежѣ народнаго воскресенія... (Герц. «Былое и Думы», IV, XXX).

...Она стала держаться *взрослой дѣвушкой* [2]) (Бобор. «Дѣльцы», VI, II).

Какъ разновидность или, скорѣе, отпрыскъ творительнаго образа дѣйствія (или состоянія), можно разсматривать такіе случаи, какъ: «онъ *мальчикомъ* четырнадцати лѣтъ находился съ своимъ братомъ подъ Бородинымъ возлѣ отца»... (Герц. «Былое и Думы», II, VIII).

Иванъ Алексѣичъ *студентомъ*... частенько захаживалъ сюда съ компаніей... (Бобор. «Китай-Гор.», I, XIII).

(Этотъ творительный можно назвать творительнымъ возраста, періода, занятія и т. п.).

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ бы *солнцемъ* [3]) въ небѣ течь...
. . . . . .
Хотѣлъ бы *зыбію стеклянной* [3])
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или *лучомъ* [3]) зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.
Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ [3]) виться вкругъ холмовъ,
Иль *буйнымъ вѣтромъ* [3]) разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
Жить ласточкой [3]) подъ небесами,

---

[1]) Творит. *сравненія.*
[2]) Творит. *образа дѣйствія.*
[3]) Творит. превращенія.

Къ цвѣтамъ ласкаться *мотыльком*ъ [1]),
Или надъ дикими скалами
Носиться *дерзостным*ъ *орлом*ъ [1])... (Хомяк.).

Къ этимъ творительнымъ ближе всего стоитъ нашъ третій разрядъ творительныхъ предикативныхъ (при знаменательномъ глаголѣ неполной сказуемости). Сравнимъ: «*жить ласточкой* подъ небесами» (творит. превращенія) и *жить барином*ъ (творит. предик.), «ничто мнѣ не мѣшало *сидѣть сиднем*ъ (творит. сходства или сравненія [2]) да *оставаться зрителем*ъ» (творительный предикативный) (Тург. «Рудинъ»), — «онъ выглядитъ *бѣднякомъ*» (творительный сравненія или образа дѣйствія) и «умеръ *бѣднякомъ*» (творительный предикативный). По мѣрѣ того, какъ глаголъ становится отвлеченнѣе, творительный предикативный выступаетъ въ сознаніи (точнѣе, въ нашемъ грамматическомъ ощущеніи) все яснѣе и энергичнѣе. Творительный во фразѣ: «жилъ *барином*ъ», можно иногда понять и какъ творительный сравненія или образа дѣйствія, но творительные въ предложеніяхъ «казался *барином*ъ», «оказался *барином*ъ», «сталъ *барином*ъ» уже не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только *творительными предикативными*. Наконецъ при совсѣмъ отвлеченномъ глаголѣ «быть» творительный предикативный («былъ *барином*ъ») выступаетъ во всей своей яркости.

Указаннымъ происхожденіемъ творительнаго предикативнаго объясняются и тѣ оттѣнки значенія, которые обычно связываются съ нимъ. Это именно представленіе о признакѣ, выраженномъ творительнымъ, какъ о чемъ-то непостоянномъ, временномъ, случайномъ, измѣнчивомъ, не составляющемъ стойкой, типичной, необходимой принадлежности подлежащаго. Разъ такіе оттѣнки значенія упрочились за творительнымъ, то

---

[1]) Творит. *превращенія*.

[2]) Уже почти перешедшій въ обстоятельств. слово.

обороту со вторымъ именительнымъ поневолѣ пришлось выражать противоположныя представленія—постоянства, стойкости, неизмѣнности, типичности, необходимости признака. Весьма часто, впрочемъ, это различіе затушевывается, но во многихъ другихъ случаяхъ оно сохраняется и даже выступаетъ съ большой отчетливостью. Напримѣръ, уже неудобно сказать: «астрологія въ старину была *наука*», слѣдуетъ сказать: «была *наукою*», чтобы оттѣнить представленіе о томъ, что теперь этого нѣтъ и не можетъ быть. Во фразѣ: «онъ былъ когда-то *баринъ*», именительный неудобенъ, потому что обстоятельство «когда-то» вноситъ сюда представленіе о томъ, что «онъ давно уже пересталъ быть бариномъ», что, стало-быть, этотъ признакъ оказался не постояннымъ, а временнымъ, преходящимъ, а это не мирится съ оттѣнкомъ именительнаго и прекрасно выражается творительнымъ. Равнымъ образомъ, не хорошо звучитъ творительный въ предложеніи: «онъ всегда неизмѣнно былъ *внимательнымъ* ко мнѣ»: творительный, намекая на измѣнчивость, непостоянство признака, противорѣчитъ нарѣчіямъ «всегда» и «неизмѣнно»; слѣдуетъ сказать: «онъ всегда неизмѣнно былъ *внимателенъ* ко мнѣ». Замѣтимъ еще, что вставка нарѣчій сравненія, каковы: *словно*, *точно*, *какъ*, *какъ бы*, *будто*, *какъ будто*, благопріятствуетъ удержанію именительнаго. Напримѣръ, мы говоримъ: «его слово было для меня *закономъ*», можемъ сказать также: «*словно (какъ бы) закономъ*», но форма съ именительнымъ звучитъ лучше: «его слово было для меня *словно (точно, какъ бы...) законъ*». Но это не простирается на обороты съ глаголами превращенія (*стать*, *сдѣлаться* и др). и такими, какъ *казаться*, *представляться* и пр., гдѣ необходимъ творительный: «его слово *стало какъ бы закономъ*», — «*казалось какъ бы закономъ...*»

Примѣчаніе. Не слѣдуетъ думать, будто формы въ родѣ «его слово было для меня *какъ законъ*», «прокатился *какъ кубарь*» и т. п. возникли изъ «сокращенія» двухъ предложеній: «его слово было для меня такъ, какъ бываетъ законъ», «прокатился такъ, какъ катится кубарь». Исторія языка показываетъ, что эти послѣднія формы вовсе не предшествовали первымъ. Имъ предшествовали обыкновенныя формы со вторымъ именительнымъ, которыя теперь вышли изъ употребленія или, если и встрѣчаются, то звучатъ какъ архаизмъ. Такъ звучитъ приведенная выше фраза Достоевскаго: «...ты *сонъ*, ты *призракъ* предо мной сидишь» — въ смыслѣ «*какъ* сонъ», «*словно* призракъ». Въ старину такіе обороты были въ большомъ ходу, и, конечно, о какомъ-либо глаголѣ, якобы опущенномъ при второмъ именительномъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Дальнѣйшее развитіе этихъ формъ пошло по двумъ путямъ: 1) по пути столь распространенной во многихъ случаяхъ замѣны второго именительнаго творительнымъ предикативнымъ («сидишь *сномъ*, *призракомъ*») и 2) по пути болѣе отчетливаго выясненія смысла, какой *въ данномъ случаѣ* имѣетъ *этотъ* второй именительный, т.-е. его смысла — *какъ сравненія*, что и достигается вставкою нарѣчія «словно», «какъ», «будто» и т. п., а это, въ свою очередь, благопріятствуетъ сохраненію второго именительнаго («какъ сонъ», «будто призракъ»). Второй именительный прилагательныхъ и безъ того, какъ мы видѣли, туго поддающійся (а часто вовсе не поддающійся) замѣнѣ творительнымъ, при вставкѣ нарѣчій сравненія, еще больше упрочивается и сопротивляется переходу въ творительный предикативный. Напримѣръ: «у могилы Евлампія *стояла словно потерянная*... (Тург. «Степн. кор. Лиръ»), «я стоялъ тутъ же... и *глядѣлъ* на полъ *словно къ смерти приговоренный*» (Тург. «Перв. люб.», VI), «я только взгля-

нулъ на него и продолжалъ *стоять какъ отуманенный*»... (тамъ же, VII). Творительный здѣсь невозможенъ [1]).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ здѣсь оборотовъ съ творительнымъ предикативнымъ, есть и другіе, гдѣ этотъ падежъ явился замѣною не второго именительнаго, а *второго винительнаго*, напр.: «его назначили *директоромъ* гимназіи», «ее опредѣлили *учительницей*», «его нашли *мертвымъ*», «его унесли еле *живымъ*» и т. д.

Въ старину въ такихъ оборотахъ стоялъ второй винительный, согласовавшійся съ винительнымъ дополненія («его», «ее»).

Замѣч. Архаизмъ у Гоголя: «Вошедшіе... нашли его едва *жива*»...

---

§ 2. *Замѣна прилагательнаго и причастія въ сказуемомъ нарѣчіемъ или другимъ обстоятельственнымъ выраженіемъ.*

Мы видѣли случаи, гдѣ рядомъ съ творительнымъ предик. сохраняется второй именительный прилагательнаго и причастія, а также и такіе, гдѣ онъ не подлежитъ замѣнѣ творительнымъ предикативнымъ (или послѣдній, если и возможенъ, то нехорошо звучитъ). Вотъ именно въ такихъ случаяхъ (не всегда, но очень часто) можно замѣнить прилагательное или причастіе *нарѣчіемъ* или же *инымъ обстоятельственнымъ выраженіемъ*. Напримѣръ, вмѣсто «онъ *сидѣлъ задумчивый*» можно сказать: «онъ *сидѣлъ задумчиво*»; вмѣсто «разговоръ *велся прилично-разсудительный* и *нѣсколько торжественный*» (Л. Толстой «Сем. сч.», II, I), можно

---

[1]) При сохраненіи нар. *какъ*. Безъ него онъ возможенъ, но неудобенъ.

сказать: «разговоръ *велся прилично-разсудительно* и *нѣсколько торжественно*». Приведемъ еще:

Съ нарѣчіемъ или другимъ обстоят. выраженіемъ.	*Со вторымъ именит.*
Онъ *шелъ пѣшкомъ.*	Онъ *шелъ пѣшій.*
Онъ *упалъ замертво.*	Онъ *упалъ мертвый.*
Онъ лежалъ въ летаргіи *и былъ похороненъ заживо* (можно сказать также «живымъ»).	... онъ былъ похороненъ *живой*...
Задумчиво, тихо сидѣлъ межъ нами Грозный...	*Задумчивъ, тихъ сидѣлъ* межъ нами Грозный... (Пуш. «Бор. Год.»).
Тамъ табуны его коней пасутся *вольно, безъ охраны*...	Тамъ табуны его коней *Пасутся вольны, нехранимы*... (Пушк. «Полт.»).
Такіе маневры устраивала она пока только дома, ибо случаи къ этому дома *представлялись часто.*	Такіе маневры устраивала она пока только дома, ибо случаи къ этому дома *представлялись частые.* (Гл. Успен. «Нравы Растер. улицы», «Балканиха»).

Сюда же относятся и обороты съ *формою сравнительной степени.* Эта форма, потерявъ измѣняемость по падежамъ, числамъ и родамъ, давно уже перестала быть прилагательнымъ и превратилась въ *нарѣчіе.*

Примѣры:

Лицо ея *стало длиннѣе и суше*... (Тург. «Степн. кор. Лирь», XXXI).

Картина *становилась все безотраднѣе* (Короленко «Морозъ», I).

Примѣч. «*Все*» здѣсь также *нарѣчье.*

Пульхерія Ивановна для меня *была занимательнѣе* всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ (Гог. «Старосв. пом.»).

Оборотъ съ творительнымъ предикативнымъ и оборотъ съ нарѣчіемъ представляютъ собою явленіе одного порядка, и оба противопоставляются формѣ со вторымъ именительнымъ. Они характеризуются тѣмъ, что сказуемое въ нихъ простое и при немъ находится второстепенная часть (творит. предик., нарѣчіе-обстоятельство). Разница между ними въ томъ только, что въ данныхъ оборотахъ творительный сопряженъ съ болѣе явственнымъ отзвукомъ предицирующаго движенія мысли, чѣмъ тотъ, какой чувствуется въ нарѣчіи. обстоятельствѣ.

ГЛАВА VIII.

Подлежащее, его выраженіе, его устраненіе.

§ 1. Въ гл. II, § 3, мы опредѣлили подлежащее какъ дѣятеля (подлиннаго, фиктивнаго, мнимаго), производящаго признакъ, данный въ лексическомъ значеніи сказуемаго. Тамъ же было указано на то, что выраженіемъ подлежащаго могутъ служить только *существительныя*, ибо *дѣятелемъ*, *производителемъ* признака, даннаго въ лексическомъ значеніи сказуемаго, можетъ быть только *предметъ* (а не признакъ и пр.),—и вопросъ, на который отвѣчаетъ подлежащее, «кто? что?» есть вопросъ, на который можно отвѣтить только существительнымъ въ именит. падежѣ (а не прилагательнымъ и т. д.).

Примѣч. Что косвенные падежи существительныхъ (по вопросамъ: кого, чего? кому, чему? и т. д.) не могутъ быть выраженіемъ подлежащаго,—это разумѣется само собою. Но извѣстны случаи (въ народной рѣчи и поэзіи) употребленія *звательнаго* падежа въ подлежащемъ, напр., «чтобы *Господи* (вмѣсто: Господь) далъ

намъ добраго здоровьица» (Барсовъ «Причитанія Сѣвернаго края», I, 13), въ малорусскомъ: «ой, плаче, плаче молодый *казаче*» (вмѣсто: «казакъ»). Это должно быть признано лишь кажущимся, даже мнимымъ исключеніемъ изъ правила: во-первыхъ, звательный падежъ не принадлежитъ къ числу *косвенныхъ* и стоитъ очень близко къ именительному; это падежъ обращенія и восклицанія; во-вторыхъ, въ указанныхъ случаяхъ *онъ замѣняетъ именительный* и отвѣчаетъ на вопросъ: *кто?*—Это именительный, имѣющій только форму звательнаго.—Повидимому, въ старину очень часто употреблялась такъ форма звательнаго — *владыко* (именительный — *владыка*) и кончила тѣмъ, что за нею и закрѣпилось значеніе именительнаго («преосвященный *владыко* произнесъ проповѣдь»).

Мы знаемъ, что существительныя дѣлятся на: а) *знаменательныя (именныя)*, б) *мѣстоименныя* и в) *числительныя*. Разсмотримъ всѣ три вида въ роли подлежащаго.

а) Когда подлежащимъ является *существительное знаменательное* («*лѣсъ* шумитъ», «*человѣкъ* смертенъ», «*солнце* взошло», «*истина* всегда посереднѣ», «*безполезность* этой мѣры очевидна»), — это значитъ, что *лицу* глагола-сказуемаго или глагола-связки отвѣчаетъ опредѣленное представленіе, отлитое въ форму существительнаго. По существу дѣла, лицо глагола (сказ. или связки) въ этихъ случаяхъ не можетъ быть никакимъ другимъ, какъ только *третьимъ*. Поэтому такое подлежащее можно опредѣлить такъ: это именное (знаменательное) обозначеніе третьяго лица глагола-сказуемаго или глагола-связки. «*Кто* мыслитъ?»—«*Человѣкъ*».—«*Что* шумитъ?» — «*Лѣсъ*».—«*Что* очевидно?»—«Очевидна *безполезность* мѣры» и т. д. Лицо глагола (въ этихъ случаяхъ всегда *третье*) есть какъ бы форма безъ содержанія. Подлежащее, выраженное

существительнымъ знаменательнымъ, наполняетъ эту форму опредѣленнымъ содержаніемъ.

б) Существительныя мѣстоименія формальны, но въ различной степени. *Указательныя (этотъ, тотъ), опредѣлительныя (всякъ, всякій, каждый* [1]*), самъ, весь), неопредѣленныя (кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь), вопросительныя (кто? что?), относительныя* заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю знаменательности,— они имѣютъ свое лексическое значеніе. Гораздо менѣе знаменательно, но все еще сохраняетъ частицу своего особаго лексическаго значенія *мѣстоименіе личное 3-го лица (онъ, она, оно, они, онъ)*, возникшее изъ указательнаго. Самыми формальными и почти лишенными знаменательности являются *личныя мѣстоименія 1-го и 2-го лица (я, мы; ты, вы)*.

Принимая во вниманіе эту формальность мѣстоименій, мы скажемъ, что подлежащее, выраженное мѣстоименнымъ существительнымъ, не наполняетъ форму лица глагола (сказ. или связки) содержаніемъ такъ, какъ это дѣлаетъ существительное знаменательное. Подлежащее является здѣсь какъ бы только повтореніемъ лица глагола, съ прибавленіемъ къ этому той доли знаменательности, какая свойственна данному мѣстоименію. И можно расположить эти подлежащія въ порядкѣ убывающей знаменательности слѣдующимъ образомъ:

1) *Всѣ* говорятъ, что...—*Всякій* знаетъ, что...—*Кто-то* идетъ.—*Что-то* упало.—*Никто* не знаетъ этого.—*Кто* идетъ?—*Нѣкто* сказалъ...—*Этотъ* далеко пойдетъ.—*Кто* самъ не видѣлъ этого, *тотъ* не повѣритъ... *Каждый* изъ насъ скажетъ вамъ это.

---

1) *Всякій, каждый,* несмотря на форму прилагательнаго, являются существительными, когда не относятся къ другому существительному: *всякій* знаетъ,— *каждый* изъ насъ... Они прилагательныя, когда относятся къ существительному: *всякій* человѣкъ, *каждый* день.

Доля знаменательности сводится здѣсь къ тѣмъ оттѣнкамъ, которые связаны съ представленіями «всѣ», «всякій», «кто-то», «что-то», «каждый» и т. д.

2) Я знаю этого господина: *онъ* — хорошій человѣкъ. — «Машурина?» переспросилъ новоприбывшій. «*Она* самая и есть»... (Тург. «Новь», I, I).

Машурина дала ему огня,—*онъ* закурилъ (тамъ же).

Сюда же нужно отнести и мѣстоименія 1-го и 2-го лица, когда на нихъ падаетъ «логическое» удареніе или когда они тѣмъ или другимъ способомъ (напр., присоединеніемъ частицъ *то*, *же* или мѣстоименій *самъ*, *одинъ* и др.) оттѣнены во фразѣ, какъ особый и необходимый моментъ, который не можетъ быть устраненъ. Напримѣръ, «*я-то* знаю это»...—Это сдѣлаю *я*.—«*Ты же* понимаешь, что»...—«...скажите, о Θекла! и *вы*, о Имень! — скажите мнѣ, отчего *вы оба* такъ недружелюбно... относитесь ко мнѣ»... (Тург. «Новь», I, I).

«*Ты ли* это?»

«*Вы сами* знаете, что»... [1]).

Эти мѣстоименія, какъ и всякія другія слова, могутъ оттѣняться съ извѣстной отчетливостью также путемъ противопоставленія одного другому, напримѣръ: «*я* работаю, а *вы* ничего не дѣлаете».

3) Мѣстоименія 1-го и 2-го лица, не выдѣляющіяся въ особый моментъ, а только яснѣе (и какъ бы въ видѣ плеоназма) повторяющія въ подлежащемъ лицо глагола-сказуемаго или глагола-связки: «я читаю»

---

1) Замѣтимъ разницу въ синтактическомъ характерѣ мѣстоименія *самъ*, съ одной стороны, въ выраженіяхъ: „*вы сами* знаете“..., „*я самъ* перепишу“, и съ другой—въ оборотахъ: „вы должны сдѣлать это *сами*“, „я перепишу *самъ*“. Въ послѣднихъ „самъ“, „сами“—второй именительный и сказуемое составное; въ первыхъ мѣстоименіе „самъ“, „сами“ перестало быть вторымъ именительнымъ и присоединилось къ подлежащему, образовавъ родъ „приложенія“ къ нему. Это одинъ изъ многихъ случаевъ превращенія второго именительнаго въ приложеніе, о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

вмѣсто «читаю», «ты поешь» вмѣсто «поешь», «мы гуляемъ» вмѣсто «гуляемъ». Эти мѣстоименія-подлежащія могутъ часто опускаться безъ нарушенія смысла или ясности фразы. Нерѣдко это опущеніе даже обязательно.

Примѣры. Да развѣ *ты* забылъ, въ какое время и въ какой странѣ *мы* живемъ? (Тург. «Новь», I, II).

Замѣчаніе. Здѣсь *ты* (какъ и всѣ личныя мѣстоименія при формахъ прошедшаго времени на лъ) не можетъ быть опущено собственно потому, что оно играетъ роль отсутствующаго личнаго окончанія глагола. Лишь изрѣдка возможно бываетъ не произносить его, именно, когда оно по контексту само собой разумѣется («ты хочешь знать мое мнѣніе. Вотъ оно... *Понялъ?*»).— Во второй части фразы можно опустить мѣстоименіе подлежащее *мы* («...въ какое время и въ какой странѣ *живемъ*»), отчего смыслъ не нарушится, но это неудобно. Такіе пропуски удобны и умѣстны лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда въ первой части фразы подлежащее выражено мѣстоименіемъ того же лица и числа: «развѣ *вы* не знаете, въ какой странѣ *живете?*» Другіе случаи опущенія и сохраненія: «кто только могъ выдать Басанова? — продолжалъ Неждановъ.—*Не понимаю!*» (Тург. «Новь», I, II). «*Вы* будете чумичкой горшки мыть, щипать куръ... а тамъ, кто знаетъ, можетъ-быть, *спасете* отечество. «*Вы* смѣетесь надо мною, Василій Ѳедотычъ». «О моя милая Маріанна, повѣрьте: не смѣюсь *я* надъ вами»... (Тамъ же, II, XXIX).

Замѣчаніе. Вы въ началѣ всей тирады («*вы* будете чумичкой»...) можно бы опустить, какъ опущено оно ниже при «спасете». «Вы» въ слѣдующемъ предложеніи («*вы* смѣетесь»...) не можетъ быть опущено (это нехорошо звучало бы), какъ не можетъ быть опущено «я» въ послѣднемъ предложеніи («не смѣюсь *я*»...). Но,

тѣмъ не менѣе, эти мѣстоименія-подлежащія не образуютъ особыхъ, необходимыхъ моментовъ во фразѣ: мысленно можно ихъ представить себѣ отсутствующими безъ нарушенія смысла и ясности фразы.

в) *Числительныя - существительныя* также формальны, и подлежащее, ими выраженное, не обладаетъ тою опредѣленностью или знаменательностью представленія, какими отличаются подлежащія, выраженныя существительнымъ именнымъ (знаменательнымъ). Но сплошь и рядомъ числительное пріобрѣтаетъ знаменательность отъ дополненія (въ родительномъ падежѣ), при немъ находящагося.

Примѣры. Безъ дополненія: пять и *три* составляютъ восемь. *Семеро* одного не ждутъ. *Съ дополненіемъ: 20.000 рублей* и *пять домовъ* да еще *два имѣнія* составляли ея приданое.

Другія части рѣчи могутъ быть подлежащимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они либо превращаются въ существительныя, либо замѣняютъ ихъ, либо, наконецъ, условно принимаются въ смыслѣ существительнаго.

Чаще всего выступаютъ въ роли существительныхъ прилагательныя и причастія. Такъ, мы говоримъ *бѣдный* въ смыслѣ *бѣднякъ, богатый* въ смыслѣ *богачъ, управляющій*, въ смыслѣ *управитель, предсѣдательствующій* вмѣсто *предсѣдатель*. Таковы же *сытый, голодный, старшій, младшій, первый, второй* и т. д. въ тѣхъ случаяхъ, когда при нихъ существительное *не подразумѣвается*.

Примѣры. Сытый голоднаго не разумѣетъ. *Бѣдный* всегда виноватъ, а *богатый* всегда правъ. *Живой* о живомъ и думаетъ.

Примѣчаніе. Нельзя сказать: «*сытый человѣкъ* не разумѣетъ *голоднаго человѣка*»: это не по-русски. Никто также и не подразумѣваетъ здѣсь слова «человѣкъ»:

«сытый» и «голодный», какъ и другія прилагательныя въ подобныхъ выраженіяхъ, вовсе не явились какъ замѣна (ради краткости) сочетаній «сытый человѣкъ», «голодный человѣкъ»; здѣсь эти прилагательныя сами превратились въ существительныя, и притомъ въ существительныя особаго рода, съ ясно-выраженнымъ оттѣнкомъ обобщенія: «сытый» (въ данномъ выраженіи) шире представленія о сытомъ человѣкѣ и распространяется на всякое сытое существо. Иначе говоря, «сытый» здѣсь значитъ не «сытый человѣкъ», а «тотъ, кто сытъ». Этотъ родъ обобщенныхъ существительныхъ, имѣющихъ форму прилагательныхъ и причастій, часто встрѣчается въ поговоркахъ, идущихъ изстари, при чемъ здѣсь нерѣдко удерживается именная форма прилагательнаго и причастія, которая еще больше сближаетъ ихъ съ существительными. Таковы, напримѣръ, «*убогъ* брелъ въ міръ, а *богатъ* шелъ на пиръ», «*битъ* небитаго везетъ» и т. п.

Насъ было пять братьевъ. *Старшій* давно умеръ, *младшій* учится...

Примѣчаніе. Если подразумѣвать «братъ», то подлежащимъ и будетъ это подразумѣваемое существительное, а «старшій», «младшій» превратятся въ опредѣленія подлежащихъ. Но въ большинствѣ случаевъ, въ особенности при быстрой рѣчи, такого подразумѣванія не бываетъ, а потому «старшій», «младшій» отражаются въ мысли какъ существительныя.

Наши ѣдутъ. *Ваши* дома? *Первые* будутъ послѣдними, а *послѣдніе* — первыми.

Примѣчаніе. Все это прилагательныя только по формѣ. При нихъ мы не держимъ въ сознаніи существительныхъ, да и смыслъ или характеръ выраженія въ томъ и состоитъ, что они избавляютъ насъ отъ труда перечислять мысленно всѣхъ «нашихъ», «вашихъ», «первыхъ», «послѣднихъ».

Другія слова, кромѣ прилагательныхъ и причастій, становясь подлежащими, приравниваются къ существительнымъ, т.-е. отражаются въ мысли какъ родъ существительныхъ, напримѣръ, *ахъ*—междометіе, *разъ*—частица, *иду*—глаголъ и т. д.

Пришло и *послѣзавтра* (Гонч. «Облом.», III, V).

...когда пришло *завтра*, онъ не подумалъ съ утра начать готовиться ѣхать къ Ольгѣ (тамъ же).

Весьма часто встрѣчаются въ роли какъ бы подлежащаго *инфинитивы*, при чемъ, однако, наше грамматическое чутье отказывается приравнивать ихъ къ существительнымъ. Напр., въ выраженіяхъ «*жизнь прожить*—не поле перейти», «*любить ближняго*—прямая обязанность христіанина» инфинитивы *прожить*, *любить* представляются намъ подлежащими, къ которымъ относятся сказуемыя «не поле перейти», «есть прямая обязанность»...—Но эти инфинитивы въ роли подлежащихъ отнюдь не приравниваются къ существительнымъ (въ противоположность такимъ случаямъ, какъ «*ходить*—глаголъ», «*посвистывать* принадлежитъ къ многократному виду» и т. п.).—Какъ согласовать это съ правиломъ, гласящимъ, что подлежащимъ можетъ быть только существительное или слово, взятое какъ существительное? Вопросъ рѣшается просто.

Мы ощущаемъ инфинитивы «*прожить*», «*любить*» не какъ существительныя, а какъ глаголы: это значитъ, что они здѣсь предицируютъ и выражаютъ лицо (не. опредѣленное). Иначе говоря, они—не просто слова, а предложенія, именно безсубъектныя. Къ этимъ предложеніямъ присоединены другія предложенія: «не поле перейти», («есть) прямая обязанность христіанина». Эти вторыя предложенія предицируютъ не только свое содержаніе, но и то, которое предицировано первыми, между тѣмъ какъ эти (первыя: «жизнь прожить», «любить ближняго») предицируютъ только свое содержаніе·

Слѣдовательно, вторыя являются сказуемыми въ отношеніи къ первымъ, *а это невольно заставляетъ насъ смотрѣть на первыя какъ на подлежащія.*

Нетрудно видѣть, что такое сочетаніе двухъ предложеній не можетъ превратить первое изъ нихъ, играющее роль подлежащаго въ отношеніи ко второму, въ простое слово, въ *настоящее подлежащее*, въ *существительное.* Это станетъ яснѣе, если возьмемъ аналогичные случаи только безъ инфинитива, напр., «безъ науки и безъ высшаго образованія немыслимъ никакой прогрессъ — вотъ мое глубокое убѣжденіе». Здѣсь второе предложеніе относится къ первому, какъ сказуемое — къ подлежащему, но это не значитъ, что первое въ самомъ дѣлѣ превратилось въ подлежащее, — въ слово, отвѣчающее на вопросъ: что?—Или: «что наука и высшее образованіе составляютъ главную творческую силу прогресса, — было всегда моимъ глубокимъ убѣжденіемъ». Здѣсь второе («главное») предложеніе играетъ роль сказуемаго въ отношеніи къ первому («придаточному»). Это первое—придаточное—поневолѣ становится въ положеніе подлежащаго. Но оно не превратилось въ настоящее грамматическое подлежащее,— въ отдѣльное слово, которымъ можно отвѣтить на вопросъ: что?—Оно и связано съ главнымъ не мѣстоименіемъ, *а союзомъ «что»* [1]). Если же поставимъ въ началѣ главнаго, передъ «было», мѣстоименіе *«это»*, то оно и будетъ подлежащимъ главнаго предложенія (которое безъ такой вставки является безсубъектнымъ), придаточное же, относясь спеціально къ подлежащему главнаго («это») и раскрывая его содержаніе, можетъ быть названо «придаточнымъ подлежащаго».

---

1) Если спросить: „*что* (мѣстоим.) было... убѣжденіемъ?“,—прійдется отвѣтить: „*то*, что (союзъ) наука и т. д.“, гдѣ подлежащимъ будетъ мѣстоим. *то*.

§ 2. Устраненіе подлежащаго. Безсубъектныя предложенія.

Подлежащее предполагаетъ вопросъ «кто? что?» Но есть предложенія, для которыхъ этотъ вопросъ или ненуженъ, или невозможенъ. Такія предложенія поэтому и не имѣютъ подлежащаго. Оно устранено вмѣстѣ съ вопросомъ «кто?» «что?» Мы называемъ ихъ безсубъектными.

Когда мы говоримъ: «въ газетахъ *пишутъ*, что»..., «*распустили* слухъ, будто»..., то вопросы: «кто — тѣ, которые пишутъ?» «кто — тѣ, которые распустили слухъ?» — не ставятся. Если же ихъ поставить, то получится другой оборотъ, напр.: «кто-то написалъ въ газетѣ»..., «кто-то распустилъ слухъ». Это будутъ предложенія съ подлежащимъ въ формѣ мѣстоименнаго существительнаго. Характеръ, смыслъ, значеніе этого оборота — уже не тѣ, какими такъ ярко запечатлѣнъ оборотъ «пишутъ», «распустили слухъ». Послѣдній оборотъ тѣмъ-то и отличается, что въ немъ намѣренно устраненъ вопросъ «кто?» и подлежащее какъ бы нарочито удалено изъ фразы. Въ этомъ *суть* оборота. Когда мы читаемъ надпись: «здѣсь *не курятъ*», — нелѣпо было бы спрашивать: «кто не куритъ?» — Когда надпись гласитъ: «*просятъ* не курить», — не имѣетъ смысла вопросъ: «кто проситъ?» — Столь же очевидна неумѣстность или ненужность вопроса «кто?» при выраженіяхъ въ родѣ: «тише ѣдешь—дальше будешь», «по одежкѣ протягивай ножки» и т. д.

Всѣ такія предложенія, при которыхъ вопросъ «кто? что?» хотя формально и возможенъ, но оказывается ненужнымъ, неумѣстнымъ, нелѣпымъ, мы называемъ *относительно-безсубъектными*.

Глаголы-сказуемыя или связки этихъ предложеній, имѣя форму 3-го лица множественнаго числа (*«гово-*

рятъ», «пишутъ»), 2-го лица единственнаго числа настоящаго или будущаго времени *(ѣдешь, будешь)*, 2-го лица единственнаго числа повелительнаго наклоненія *(«протягивай»)*, выражаютъ вовсе не эти грамматическія лица, а *лицо неопредѣленное, обобщенное,*—то самое, какое выражается инфинитивомъ.

Но есть еще другія предложенія, гдѣ вопросъ «кто? что?» не только неумѣстенъ или безсмысленъ, но *совсѣмъ невозможенъ*. Таковы: «морозитъ», «свѣтаетъ», «хочется», «тошнитъ», «мнѣ не спится» и мн. др. Безусловно-невозможно спросить: «кто морозитъ?» или «что не спится?» — Эти предложенія мы называемъ *абсолютно-безсубъектными*.

Разсмотримъ тотъ и другой видъ безсубъектности съ ихъ разновидностями.

1. Относительно-безсубъектныя предложенія.

1) *Первая разновидность* ихъ выражается формою 3-го лица множественнаго числа.

Образцы. Такъ *пекли* только бывало въ Обломовкѣ (Гонч. «Обл.», IV).

...я такъ измучился, что, добравшись до станціи, рѣшился переночевать на постояломъ дворѣ. Мнѣ *отвели* комнату съ деревяннымъ продавленнымъ диваномъ... (Тург. «Стран. истор.»).

...отовсюду его *гонятъ*, а онъ только пожимается... (Тург. «Степн. кор. Лиръ», V).

Баринъ былъ, извѣстно, — отвѣчалъ мужикъ, — а все-таки... *обидѣли* его... (Тамъ же, XXIX).

Примѣчаніе. Хорошо извѣстно, *кто именно* обидѣлъ: дочери; но мужикъ, говорящій приведенную фразу, *нарочно замалчиваетъ* это подлежащее и потому беретъ форму относительно-безсубъектную. Это одинъ

изъ тѣхъ случаевъ, когда эта форма служитъ очень удобнымъ выраженіемъ *нежеланія* назвать подлежащее.

Въ четыре часа *ударятъ* къ вечернѣ (Писем. «Тыс. душъ», I, IV).

Примѣчаніе. Ударятъ, конечно, звонари, пономари. Но незачѣмъ ихъ выставлять тутъ въ качествѣ подлежащихъ. Писателю нужно указать только на фактъ, что будутъ звонить, а не на тѣхъ, кто это сдѣлаетъ. Относительно-безсубъектная форма нерѣдко употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащее слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы его вводить во фразу.

...для комфорта десятки лѣтъ *изгибаются*, *кланяются*, *кривятъ* совѣстью; для комфорта *кидаютъ* семейства, родину, *идутъ* кругомъ свѣта, *тонутъ*, *умираютъ* съ голоду въ степяхъ... (Писем. «Тыс. душъ», II, II).

Нигдѣ, при взаимной встрѣчѣ, *не раскланиваются* такъ благородно и непринужденно, какъ на Невскомъ проспектѣ (Гог. «Нев. просп.»).

Онъ заперся въ своей комнатѣ... прошла недѣля, и комната все такъ же была заперта. *Бросились* къ дверямъ, *начали* звать его, но никакого не было отвѣта; наконецъ, *выломали* дверь и *нашли* бездыханный трупъ его... (Гог. «Нев. просп.»).

Примѣчаніе. Кто — тѣ, которые бросились, начали звать и т. д.? Люди, конечно, а кто именно — это безразлично: относительно-безсубъектная форма какъ нельзя лучше и выражаетъ эту ненужность называть въ данномъ случаѣ лица, указывать на подлежащія.

2) *Вторая разновидность*, выражаемая 2-мъ лицомъ глагола въ настоящемъ и въ будущемъ времени, а также въ повелительномъ наклоненіи.

Образцы. Трудно было сказать, что именно выражало лицо Харлова, такъ оно было пространно... Однимъ

взглядомъ его бывало и *не окинешь!* (Тург. «Степн. кор. Лиръ», I).

За всякимъ клопомъ *не усмотришь*, въ щелку къ нему *не влѣзешь* (Гонч. «Обл.», I, I).

Но *смотришь*, промелькнетъ утро... (Тамъ же, I, VI).

Все тихо въ домѣ Пшеницыной. *Войдешь* во дворикъ и *будешь охваченъ* живой идилліей... (тамъ же, IV, IX).

Куда ей шелковыя платья? Ей и ситцевыхъ *не напасешься*... (Тамъ же, III, VI).

Морозы были порядочные, но *озябнешь* и *отогрѣешься*, и на слѣдующій день *выѣзжаешь*, какъ ни въ чемъ не бывало (Корол. «Морозъ», IV).

Да отсюда, хоть три года *скачи*, ни до какого государства *не доѣдешь* (Гог. «Ревиз.», I, I).

3) *Третья разновидность*, выражаемая *инфинитивомъ*.

Образцы. Зачѣмъ же *подавать* надежды? (Лерм. «Гер. наш. врем.»).

Желать и *добиваться* чего-нибудь — понимаю (тамъ же).

Быть всегда настражѣ, *ловить* каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, *угадывать* намѣреніе, *разрушать* заговоры, *притворяться* обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ *опрокинуть* все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ — вотъ что я называю жизнью (тамъ же).

Пять лѣтъ *ходить*, *сидѣть* и *вздыхать* въ пріемной—вотъ идеалъ и цѣль жизни! (Гонч. «Обл.», II, IV).

Здѣсь инфинитивы сохраняютъ свою способность выражать *неопредѣленное лицо*, а оно-то и является отличительною принадлежностью оборотовъ *относительно-безсубъектныхъ* — въ отличіе отъ абсолютно-безсубъектныхъ, гдѣ лицо мнимое. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ инфинитивы могутъ быть замѣнены 3-мъ ли-

цомъ множ. ч. или 2-мъ лицомъ ед., т.-е. вмѣсто 3-ей разновидности можно взять первую или вторую. Напр., послѣдній образчикъ «пять лѣтъ *ходить*»... и т. д., безъ замѣтнаго ущерба, поддается передѣлкѣ въ форму: «пять лѣтъ *ходятъ*, *сидятъ* и *вздыхаютъ* въ пріемной—вотъ идеалъ и цѣль жизни!» или въ форму: «пять лѣтъ *ходишь*, *сидишь*, *вздыхаешь* въ пріемной — вотъ идеалъ и цѣль жизни!» [1])

2. Абсолютно-безсубъектныя.

Лицо глагола *мнимое*, но оно выражается формою 3-го лица единств. ч. Вопросъ «кто? что?» иногда допустимый формально, большею частью, невозможенъ по существу дѣла, по самому смыслу этихъ формъ.

Разновидности.

1) Глаголъ имѣетъ форму 3-го лица ед. ч. всѣхъ трехъ временъ (въ прошедшемъ берется средній родъ).

Образцы. Морозитъ.—*Свѣтаетъ.*—*Разсвѣло.*—*Тошнитъ.*—*Хочется* спать.—Всѣ кости *ломитъ*.—По всему тѣлу *чешется*. — Гдѣ у тебя *болитъ*?—Мнѣ *кажется*, что... — По крышѣ *стучало*, въ лужѣ шлепала вода подъ желобомъ, изъ окна *тянуло* сыростью.—И какъ-то еще свѣтлѣе, теплѣе и радостнѣе *казалось* въ нашемъ углу (Л. Толстой «Сем. сч.», I, V).

...свѣжимъ воздухомъ *пахнуло* въ лицо... (Тамъ же).

...жизнь моя, *казалось* мнѣ, была полна (тамъ же, II, III).

Не лѣнью, этой неподвижностью жизни, нѣтъ — отсутствіемъ жизни, чѣмъ-то мертвымъ, хотя и велича-

---

1) Сюда же инфинитивъ съ *„если“*, напр.: „если его *спросить* прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнитъ“... (Гог. „Мерт. д.“). Можно измѣнить такъ: „если его *спросятъ* прямо о чемъ-либо“... или же такъ: „если его *спросишь* о чемъ-либо“..

вымъ, *вѣяло* мнѣ со всѣхъ краевъ небосклона... (Тург. «Поѣздка въ Полѣсье»).

Дымъ *относило* вѣтромъ (тамъ же).

Меня *забавляло* наблюдать людей... (Тург. «Ася»).

Прим. Въ послѣдней фразѣ — составное сказуемое съ инфинитивомъ; личный глаголъ («забавляло»), имѣя лицо мнимое, безсубъектенъ, и въ зависимости отъ этого все предложеніе безсубъектно; но это не мѣшаетъ тому, чтобы при инфинитивѣ («наблюдать») подразумѣвалось первое лицо, подсказываемое дополненіемъ «меня».

«Ты форсъ свой выказываешь,—*подумалось* мнѣ: — такъ и я же тебя щадить не стану!» (Тург. «Пун. и Бабур.», II).

Мнѣ отвели комнатку...; въ ней *пахло* квасомъ, лукомъ и даже скипидаромъ... (Тург. «Стран. истор.»).

«Онъ съ ума сошелъ!» *мелькнуло* у меня въ головѣ (Тург. «Степн. кор. Лиръ», XXI).

Прим. «Онъ съ ума сошелъ» есть предложеніе, играющее роль подлежащаго въ отношеніи ко второму: «мелькнуло у меня въ головѣ», но это не мѣшаетъ этому предложенію оставаться безсубъектнымъ, ибо оно, такъ сказать, внутри себя своего подлежащаго не имѣетъ. Фраза «онъ съ ума сошелъ» не означаетъ «дѣятеля» (подлиннаго или фиктивнаго), который бы произвелъ признакъ, выраженный глаголомъ «мелькнуло», а только указываетъ на содержаніе того, что «мелькнуло», подобно тому, какъ слова «ты форсъ свой выказываешь» и т. п. только выражаютъ содержаніе того, что «подумалось». При «мелькнуло» и «подумалось» возможенъ вопросъ «что?», но на него нельзя отвѣтить названіемъ *дѣятеля*.

Вдругъ мнѣ *почудилось*, что... (Тург. «Ст. кор. Лиръ», XXII).

...очень уже *разило* отъ Харлова... въ лѣсномъ болотѣ не такъ сильно *пахнетъ* (тамъ же, XXIII).

Харлова *взорвало*. Кулаки его сжались... (Тамъ же, XXIV).

...онъ не дышалъ. «Духъ *отшибло*», пробормотали подошедшіе мужики (тамъ же, XXVIII).

Прошло съ четверть часа (Гонч. «Обл.», I, I).

«Нѣтъ, *нездоровится*», сказалъ Обломовъ (Гонч. «Обл.», I, II).

Ему никогда *не приходило* въ голову подвергнуть анализу свои чувства и отношенія къ Ильѣ Ильичу.. (тамъ же, I, VII).

Я самъ проснусь, когда мнѣ *вздумается* (Гонч. «Обл.», I, XI).

Русскому бы *не сошло* съ рукъ! (Тамъ же, II, I).

Прежде бы онъ легъ, но теперь отвыкъ, и его даже *не тянуло* къ подушкѣ (Гонч. «Обл.», II, X).

«Не ошибка ли это? — вдругъ *мелькнуло* у него въ умѣ, какъ молнія... — Ошибка! да... вотъ что!» *ворочалось* у него въ головѣ (тамъ же).

Прим. Безсубъектность этой послѣдней фразы слѣдуетъ понимать такъ, какъ объяснено въ предыдущемъ примѣчаніи.

Мнѣ съ самаго начало *слѣдовало бы* строго сказать вамъ: «вы ошиблись»... (Гонч. «Обл.», II, X).

Далѣе ему вдругъ *пришло* въ голову, что бы было, еслибы... (Тамъ же).

Прим. Въ послѣдней фразѣ первое предложеніе (съ сказ. «*пришло*») безсубъектно; но второе (играющее роль «подлежащаго» въ отношеніи къ первому) субъектно: въ немъ подлежащимъ служитъ мѣстоименіе «что».

То, что дома казалось ему такъ просто, естественно, необходимо, такъ улыбалось ему, что было его счастьемъ, вдругъ стало какой-то бездной. У него *захватывало* духъ перешагнуть черезъ нее (тамъ же, XII).

Захару *было* за 50 лѣтъ (Гонч. «Обл.», I, VII).

А тутъ вдругъ Захара *дернуло* встревожить его такъ некстати! (Тамъ же, III, V).

Уже *вечерѣло*... (Корол. «Морозъ», IV).

За душу, за сердце, *значитъ*, *тронуло!* (Писем. «Тыс. душъ», I, IX).

Прим. «Значитъ»—безсубъектное предложеніе, ставшее «вводнымъ словомъ», съ ослабленною предикативностью; таковы же: *кажется*, *казалось*, *стало-быть* (короче: *стало*) и нѣк. др.

Вѣтромъ парусъ *надувало*,
Насъ стрѣлою *понесло* (К. Батюшковъ «Любовь на челнокѣ»).

Его *клонило* къ нѣгѣ и мечтамъ (Гонч. «Обл.», I, VIII).

«*Дернуло* меня брякнуть!» думалъ онъ... (Тамъ же, II, VI).

Пришлось терпѣть и итти дальше (Корол. «Безъ яз.», VI).

Матвѣй глядѣлъ на все это съ смѣшаннымъ чувствомъ: чѣмъ-то родственнымъ *вѣяло* на него отъ этого простора... (Тамъ же, XXVII).

Еще разъ: оставайся съ нами! «Нѣтъ, не могу,—отвѣтилъ другой: — *тянетъ*, понимаешь»... (Тамъ же, XXVIII).

... *догадало* меня попросить Тимоѳея сходить въ книжную лавку (Гл. Успен. «На стар. пепел.», II).

Этотъ оборотъ весьма распространенъ. Множество субъектныхъ формъ, напр., «я думаю», «чувствую», «я хотѣлъ» и т. д., сплошь и рядомъ замѣняются безсубъектными «мнѣ думается», «мнѣ чувствуется», «мнѣ хотѣлось» и т. д., вносящими въ рѣчь особый оттѣнокъ, какой нельзя выразить иначе. Это тотъ оттѣнокъ, которымъ выраженіе «его *убило* громомъ» отличается отъ субъектнаго «его убилъ громъ»; суть дѣла тутъ въ

отвлеченіи вниманія отъ дѣятелеіі и въ сосредоточеніи его на самомъ дѣйствіи, которое представляется, въ силу этого, какъ бы непроизвольнымъ, стихійнымъ, фатальнымъ; дѣятель же низводится на степень причины дѣйствія и выражается второстепенною частью предложенія (дополненіемъ или обстоятельствомъ). Субъектныя формы, въ родѣ «его убилъ громъ», замѣтно выходятъ изъ употребленія, уступая свое мѣсто безсубъектнымъ. Многія совсѣмъ или почти исчезли, какъ, напримѣръ, та, которая предполагается безсубъектнымъ «какъ *водится*» (еще субъектно: «какъ *это* водится») или «*ломитъ* кости», гдѣ нѣкогда было подлежащее «ломота» или названіе опредѣленной болѣзни.

Безсубъектныя предложенія разсматриваемаго типа часто употребляются въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащее (дѣятель) неизвѣстно, но его хотятъ знать, его ищутъ. Съ этою цѣлью и ставятъ вопросъ: «кто? что?» Безсубъектная же форма служитъ указаніемъ на то, что отвѣта на этотъ вопросъ еще нѣтъ, — его еще не могутъ найти. Такой случай мы имѣемъ въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ разсказа Тургенева «Собака»:

«И представьте вы себѣ, господа: только что я задулъ свѣчу, *завозилось* у меня подъ кроватью! Думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса: *скребетъ, возится, чешется*... Наконецъ ушами *захлопало!*»

Эти формы можно было бы причислить къ *относительно-безсубъектнымъ* въ виду возможности вопроса: «кто? что?», который здѣсь прямо и ставится («думаю: крыса?...»). Но отъ относительно-безсубъектныхъ данныя формы отличаются тѣмъ, что тутъ нѣтъ *неопредѣленнаго лица*, а есть *мнимое* (*завозилось* — какъ, напримѣръ, *отморозило*; *скребетъ, чешется* и пр.—какъ *тошнитъ, хочется*...); но только эта мнимость лица не удовлетворяетъ говорящаго, и онъ стремится найти

дѣятеля и превратить мнимо-личныя формы глагола въ опредѣленно-личныя. О неопредѣленномъ лицѣ нѣтъ здѣсь и рѣчи.

2) Сказуемое выражается глаголомъ отвлеченнымъ и полуотвлеченнымъ въ безсубъектной формѣ, какъ *есть* (всегда опускающееся), *было*, *будетъ*, *бывало*, *стало*, *становится*, *станетъ*, съ присоединеніемъ нарѣчій, въ ряду которыхъ особое мѣсто занимаютъ *жаль* и *нельзя*, сопровождаемыя ощущеніемъ нѣкоторой предикативности. Часто присоединяются еще инфинитивъ и дополненіе въ дательномъ падежѣ (или иногда въ родит. съ предл. *у*), дополненіе, обозначающее то лицо, которому принадлежитъ дѣйствіе (состояніе), выраженное сказуемымъ и нарѣчіемъ.

Образцы.

Мнѣ *жаль* тебя. Мнѣ *было жаль* тебя. *Нельзя* такъ *поступать!* Ему *стало грустно*. Никакими средствами *нельзя было* заставить... (Гонч. «Обл.», I, VII).

Философу *сдѣлалось страшно*... (Гог. «Вій»).

У такого человѣка *тяжело* на сердцѣ *бываетъ*... (Тург. «Ст. кор. Лиръ», X).

Можно было даже подумать, что... (Тамъ же, XVI).

Очень мнѣ *стало досадно*... (Тамъ же, XIX).

Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь (Гог. «Старосв. пом.»).

3) Сказуемое выражено предикативнымъ (глагольнымъ) нарѣчіемъ *нѣтъ* (изъ *не*+*есть*) или извѣстными глаголами съ отрицательной частицей *не*, каковы «не бываетъ», «не было», «не имѣется», «не оказывается» и др. Дополненіе стоитъ въ родительномъ падежѣ.

Образчики. Нѣтъ времени. *Нѣтъ* возможности. Денегъ въ кассѣ *не оказалось*. На рѣкѣ еще *не было видно* ни льдинки (Корол. «Морозъ», I).

— Что это, Илья Ильичъ, дались вамъ двѣ гривны! Я ужъ вамъ докладывалъ, что никакихъ тутъ двухъ гривенъ *не лежало*... (Гонч. «Облом.», II, III).

4) Сказуемое выражено глаголомъ *есть* (опускается) *было*, *будетъ* съ присоединеніемъ нарѣчій *негдѣ*, *некуда*, *некогда*, *не зачѣмъ* и т. д., сопряженныхъ съ нѣкоторымъ ощущеніемъ предикативности, и также (но не всегда) инфинитива, какъ второй части сказуемаго. Часто есть при этомъ и дополненіе въ дательномъ падежѣ лица.

Образчики. Мнѣ *некогда.* Мнѣ *было некогда.* Намъ *некуда спѣшить. Негдѣ взять* денегъ. *Не зачѣмъ хлопотать.* Мнѣ *некогда да и не къ чему было размышлять* о томъ, что я увидѣлъ (Тург. «Степн. кор. Лиръ», XX).

5) Сказуемое выражено глаголомъ въ страдательномъ залогѣ (съ причастіемъ страдательнымъ въ среднемъ родѣ), часто съ присоединеніемъ инфинитива.

Образчики. Не велѣно принимать. Сказано — сдѣлано. Этакаго дурного барина еще и *не слыхано* (Гонч. «Облом.», I, VII).

Боже мой, сколько жизни *изжито*, — и все по пустякамъ!.. (Изъ письма В. Г. Бѣлинскаго).

Въ «Современникѣ» прошлаго года напечатанъ былъ переводъ гетевскаго романа Wahlverwandtschaften, о которомъ и на Руси *было* иногда *толковано* печатно... (Бѣлинскій «Взглядъ на русскую литературу» 1847 г., I).

Про батарею Тушина *было забыто* (Л. Толстой «В. и М.», I, II, XX).

6) Сказуемое выражено инфинитивомъ съ присоединеніемъ дополненія въ дательномъ падежѣ, указывающаго на лицо инфинитива. Отличіе этой формы отъ третьей разновидности относительно-безсубъектныхъ («зачѣмъ *подавать* надежды»..., см. выше) состоитъ въ томъ, что дополненіе въ дательномъ падежѣ отни-

маетъ у инфинитива его свойство означать лицо неопредѣленное.

Образчики. Кому сдавать карты? *Ему не миновать* бѣды. *Быть* бѣдѣ. Ему *не сдобровать. Быть бычку* на веревочкѣ. «Что *мнѣ* съ ними *дѣлать?*» подумалъ художникъ (Гог. «Портретъ»).

Хлестаковъ: А, опять валялся на кровати? *Осипъ*: Да зачѣмъ же бы *мнѣ валяться?* (Гоголь «Ревизоръ», II, II).

7) Сказуемое представлено безсубъектнымъ глаголомъ *быть* съ инфинитивомъ и съ присоединеніемъ нарѣчія *пора* или существительныхъ *страхъ, охота* и друг., которыя взяты здѣсь въ значеніи *наръчія;* въ прошедшемъ времени глаголъ ставится въ среднемъ родѣ (*было*), что ясно указываетъ на отсутствіе согласованія, т.-е. на то, что эти существительныя здѣсь не подлежащія. Кромѣ *быть*, встрѣчаются въ этомъ оборотѣ и другіе глаголы.

Образчики. Пора обѣдать. Пора было ѣхать. *Страхъ было* видѣть... *Охота* тебѣ *было* затѣвать это дѣло? Вотъ и *вышло* тогда *первая моя штука:* встрѣчаю я Агаѳью Ивановну... (Достоевскій «Братья Карам.», I, III, IV) [1]).

Пробило половина десятаго (Гонч. «Обл.», I, I).

Онъ то зачеркнетъ, то опять поставитъ слово. Раза три переставлялъ «что», но *выходило* или *безсмыслица*, или сосѣдство съ другимъ «что»... (Гонч. «Обломовъ», I, VIII).

Четверть вѣка *прошло* съ той поры и *окружило* многихъ легендарнымъ обаяніемъ... (Бобор. «Перевалъ», I, II).

И *охота было* не слушаться (Пушк. «Кап. д.», II).

---

1) Въ другомъ изданіи (1890) читаемъ: „вотъ и *вышла*...“ Не знаю, опечатка ли это или сознательная поправка редакціи изданія. Обѣ формы возможны, но первая, безсубъектная, предпочтительнѣе.

...въ моей повѣсти *было бездна* натянутаго... (Герценъ «Предисловіе къ 2-му изд. «Кто винов.»).

Послѣдніе примѣры (съ глаголами *вышло, прошло* и т. д.) могутъ быть разсматриваемы какъ формы, переходныя отъ субъектныхъ къ безсубъектнымъ, и какъ симптомъ необыкновеннаго развитія безсубъектности въ современномъ языкѣ, стремящейся вытѣснять субъектные обороты. Подобно тому, какъ изъ существительнаго *пора* на этомъ пути возникло нарѣчіе *пора*, такъ и существительныя *штука, половина, безсмыслица* и друг. въ приведенныхъ примѣрахъ какъ бы теряютъ, если не свою существительность, то, по крайней мѣрѣ, подлинное значеніе именительнаго падежа, перестаютъ быть истинными подлежащими и становятся тѣмъ, что можно бы назвать *ложнымъ подлежащимъ*, отвѣчая уже не столько на вопросъ «что?», сколько на вопросы: *какъ?* (вышло, выходило) и «сколько?» *(пробило, прошло)*. Они еще не нарѣчія, но уже родъ обстоятельственнаго слова.

8) Сказуемое выражено безсубъектнымъ глаголомъ (напримѣръ, *было, прошло, проходитъ* и т. д.), при которомъ стоитъ числительное, при чемъ нѣтъ согласованія глагола съ числительнымъ въ числѣ (напримѣръ, *было три* часа), вслѣдствіе чего нельзя смотрѣть на это числительное какъ на подлежащее, а приходится видѣть въ немъ дополненіе въ винит. пад., отвѣчающее на вопросъ: «сколько?»

Образчики. Въ углу, за карточнымъ столомъ *сидѣло трое* изъ генераловъ (Тург. «Дымъ», XV).

Вокругъ хозяина *сидѣло трое* гостей (Боборыкинъ «Перев.», I, XVI).

Ихъ *было три* (Л. Толстой «В. и М.», I, I, XVI).

...являлись бѣдныя дворянки, странницы, которыхъ всегда человѣка *два-три жило* въ домѣ (Л. Толстой «Сем. сч.», IV, I).

Насъ *было* человѣкъ *шесть*, собравшихся въ одинъ зимній вечеръ у старинаго университетскаго товарища (Тург. «Сг. кор. Л.»).

Впрочемъ, мнѣ тогда только *минуло пятнадцать* лѣтъ (Тург. «Степн. кор. Л.», VII).

На нашемъ дворѣ *было* цѣлыхъ *три* дома... (Корол. «Парадоксъ», III).

Ночевало насъ въ ту ночь на полѣ со скотиной человѣкъ *15*... (Гл. Усп. «Изъ дерев. дневн.», VI, II).

Примѣчаніе. Формы «*прошло* пять лѣтъ», «*осталось* три рубля», «*минуло* 10 лѣтъ» и т. д. совершенно аналогичны формамъ: «*прошло много* лѣтъ», «*осталось мало* денегъ», «*минуло нѣсколько лѣтъ*» и т. д., гдѣ безсубъектность ощущается весьма ясно: сочетанія «много лѣтъ», «мало денегъ» и пр. никоимъ образомъ не могутъ быть поняты какъ подлежащія (ибо гдѣ же здѣсь именительный падежъ?), — они—обстоятельства, отвѣчающія на вопросъ «сколько?» На этотъ же вопросъ отвѣчаютъ и сочетанія «три рубля», «десять лѣтъ» и т. п.

9) Сказуемое выражено безсубъектною формою глагола въ страдательномъ залогѣ; къ глаголу присоединено обстоятельственное выраженіе, отвѣчающее на вопросъ: «сколько?»

Образчики. Куплено пять аршинъ полотна. *Выпито было* много вина. *Продано* десять пудовъ угля. *Будетъ уплачено* двадцать рублей.

10) Къ безсубъектному глаголу присоединено мѣстоименіе средняго рода *оно*, являющееся здѣсь такимъ же «ложнымъ мѣстоименіемъ», какъ и французское *il* въ формахъ *il pleut, il faut* и т. д. и какъ нѣмецкое *es* въ выраженіяхъ *es giebt, es friert* и пр. Это даже нельзя назвать «ложнымъ подлежащимъ»: это особая мѣстоименная форма, показывающая полное отсутствіе подлежащаго и невозможность вопроса «что?»

Образчики. Только все-таки *хорошо оно,* что такъ произошло. И дурно *оно было,* и хорошо *оно было* (Достоевск. «Бр. Кар.», III, VII, III).

Примѣчаніе. При первомъ «хорошо» опущенъ, какъ всегда, глаголъ «есть». «Хорошо» и «дурно» — здѣсь *нарѣчія*, а не прилагательныя, и, слѣдовательно, вовсе не согласуются съ «оно».

Оно, правда, *совѣстно* немного *обыгрывать* старухъ Гонч. «Обр.», I, I).

Примѣчаніе. Составное сказуемое съ инфинитивомъ. «Совѣстно» — нарѣчіе.

Впрочемъ, *оно* теперь, кажется, и не такъ къ спѣху (Тург. «Письмо къ С. Т. Аксакову»)

ГЛАВА IX.

Опредѣленіе и приложеніе.

Опредѣленіе (аттрибутъ) есть второстепенная часть предложенія, обозначающая признаки, принадлежащіе другимъ частямъ его, именно тѣмъ, которыя выражаются существительными. Опредѣленіе не управляется, а согласуется съ тѣмъ словомъ, къ которому оно относится.

Приложеніе—это особый родъ опредѣленія, отличающійся тѣмъ, что оно не столько подчиняется своему опредѣляемому, сколько стоитъ параллельно ему, при чемъ нерѣдко чувствуется слѣдъ предикативности.

Сравнимъ простое опредѣленіе съ приложеніемъ, и это различіе станетъ яснымъ. *Простое опредѣленіе: «третій* отъ угла домъ»... *Приложеніе:* «этотъ домъ, *третій* отъ угла, принадлежитъ мнѣ».

Опредѣленіе выражается прилагательными и причастіями. Прилагательныя въ этомъ случаѣ берутся въ ихъ «полной» или мѣстоименной формѣ (*добрый,*

высокая, огромное, великіе) [1]). «Краткая» или «именная» *(добръ, высока, огромно, велики)*, очень употребительная въ сказуемомъ (т.-е. въ предикативномъ аттрибутѣ: «онъ былъ *добръ*»...), въ опредѣленіи встрѣчается крайне рѣдко. Нельзя сказать «добръ человѣкъ» и т. д., какъ говорили въ старину и какъ это въ ходу доселѣ въ народной рѣчи («не *ясенъ* соколъ перелетывалъ»...). Въ литературномъ языкѣ случаи этого рода звучатъ архаизмомъ, напримѣръ, у Пушкина:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ... («Евг. Он.»).

Кромѣ прилагательныхъ и причастій, опредѣленія иногда выражаются *и нарѣчіями въ сравнительной степени*, въ которыхъ какъ бы еще чувствуется ихъ происхожденіе отъ прилагательныхъ; напримѣръ: «опять тотъ же прыжокъ и ворчанье *сильнѣе*» (Гонч. «Облом.», I, I).

...карточная игра *посерьезнѣе* совсѣмъ прекратилась.

Строго говоря, это уже не опредѣленія въ собственномъ смыслѣ, а родъ обстоятельства (на вопросъ не «какая игра?», а «игра какъ?»), и это ясный симптомъ усиливающагося процесса распространенія категоріи нарѣчія на счетъ категоріи прилагательнаго и постепеннаго вытѣсненія опредѣленій обстоятельствами.

Вотъ еще примѣръ:

Мнѣ хотѣлось отыскать какую-нибудь занимательную личность *поумнѣе, поэживѣе, поэнергичнѣе*, не похожую на всю ту кислятину... (Бобор. «Дѣльцы», IV, VI).

Приложенія выражаются существительными, прилагательными, причастіями, нарѣчіями [2]).

Опредѣленіями (прилагательными и причастіями) выражаются самые разнообразные признаки (качества,

---

1) Причастія, кромѣ страдательныхъ, какъ извѣстно, другой формы совсѣмъ не имѣютъ.

2) Примѣры ниже.

свойства, цвѣтъ, принадлежность, матеріалъ, изъ котораго сдѣлана вещь, и т. д.), напр., «*хорошая* погода», «*голубое* небо», «*моя* книга», «*желѣзная* палка», «*деревенскій* житель», «*хлѣбная* торговля», «*крымскіе* виды», «*французская* литература», «*вчерашній* спектакль» и т. д.—Надо отмѣтить, что нѣкоторыя формы опредѣленій, именно прилагательныя, означающія принадлежность предмета другому предмету, занятіе лица и т. п., уже выходятъ изъ употребленія и нерѣдко звучатъ какъ архаизмъ. Таковы: «*купцовъ* домъ», «*лошадиный* знатокъ», «*ковровый* мастеръ», «*Севастопольская* осада» и т. п. Гораздо охотнѣе мы говоримъ теперь: «знатокъ *лошадей*» (но удерживаемъ: «*лошадиный* барышникъ»), «осада *Севастополя*» (въ старину говорили: «*Псковское* взятіе» въ смыслѣ «взятіе Пскова», «книжное чтеніе» вмѣсто «чтеніе книгъ»), «домъ *купца*». Это постепенно надвигающійся процессъ вытѣсненія опредѣленій дополненіями,—формъ согласованія формами управленія. Сюда принадлежатъ и такія выраженія (старому языку чуждыя), какъ «золотыхъ дѣлъ мастеръ», «рабочій по металлу» и др.

Приложенія раздѣляются на два вида: 1) одни болѣе или менѣе тѣсно примыкаютъ къ опредѣляемому и не сопряжены ни съ какою предикативностью; они выражаются существительными; 2) другіе, напротивъ, отстоятъ (въ мысли, въ ощущеніи говорящаго) дальше отъ своего опредѣляемаго и сопряжены съ болѣе или менѣе замѣтнымъ предицирующимъ движеніемъ мысли они возникли изъ особаго рода формъ съ причастіями «сущій», «бывшій» [1]) или представляютъ собою результатъ распаденія составного сказуемаго.

---

[1]) Напр., приложеніе: „ему, *человѣку больному*, трудно будетъ вести дѣло“... предполагаетъ старинное: „ему, *человѣку больному сущему*, трудно“...

Образчики приложеній. 1) *Разные случаи перваго вида: царь Петръ Великій, рѣка Днѣпръ, городъ Кіевъ, статскій совѣтникъ Ивановъ, дворянинъ Степановъ, купецъ Калашниковъ.*

Примѣчаніе. Во многихъ случаяхъ этого рода только смыслъ фразы или намѣреніе говорящаго позволяютъ опредѣлить, какое изъ двухъ существительныхъ служитъ опредѣляемымъ и какое приложеніемъ.

Чудо-богатырь, бой-баба, ангелъ-хранитель, техникъ-самоучка, женщина-врачъ, артистъ-любитель, другъ-читатель, поэтъ-лирикъ, ученый-мыслитель.

Народныя и старинныя сочетанія синонимовъ: *путь-дорога, грусть-тоска, свѣтъ-заря, житье-бытье, миръ-народъ* и т. п., а также такія, какъ: *рыба-сомъ, птица-орелъ, ковыль-трава* (видъ и разновидность).

2) Ко второму виду относятся:

а) Приложенія (существительныя, прилагательныя и причастія), сопровождаемыя ощущеніемъ предикативности, которое усиливается, если приложеніе имѣетъ при себѣ второстепенныя части. Напр.:

Даже старуха Ожогина, *это тупорожденное существо*, начинала дичиться меня... (Тург. «Дневн. лишн. челов.»).

Въ тотъ же вечеръ забѣжалъ ко мнѣ Пандопипопуло, *прожжій грекъ*, случайнымъ образомъ застрявшій въ городѣ О., *сплетникъ первой величины* (тамъ же).

Изъ числа всей ея челяди самымъ замѣчательнымъ лицомъ былъ дворникъ Герасимъ, *мужчина 12-ти вершковъ роста*... (Тург. «Муму»).

Одаренный необычайной силой, онъ работалъ за четверыхъ... (Тамъ же).

Сперва онъ хотѣлъ виномъ заглушить въ себѣ нестерпимую боль обиды, тоску досады, *бѣшеной* и *безсильной* (Тург. «Постоял. дворъ»).

Они пошли вмѣстѣ домой, *задумчивые, счастливые...* (Тург. «Новь», I, XXII).

б) Приложенія, при которыхъ стоитъ нарѣчье сравненія «какъ», «словно», «точно» и т. п.:

Капитонъ окончательно спился съ кругу и, *какъ человѣкъ рѣшительно никуда негодный,* былъ отправленъ съ обозомъ въ дальнюю деревню... (Тург. «Муму»).

Вдругъ онъ сталъ, *какъ вкопанный,* у дверей одного дома... (Гог. «Носъ»).

Нетрудно видѣть, что многія приложенія въ *именительномъ падежѣ* возникли изъ второго именительнаго. Стоитъ только поставить второй именительный возлѣ подлежащаго или, еще лучше, передъ нимъ, и мы получимъ приложеніе. Напр., «я возвратился домой *нравственно-убитый*»... (второй именительный; составное сказуемое: «возвратился» — знаменательная связка, «нравственно-убитый» — предикативный аттрибутъ) и: «*убитый, нравственно-убитый,* возвратился я... домой» (Тург. «Дневн. лишн. челов.»), гдѣ сказуемое — простое, а причастья «убитый», «нравственно-убитый» являются не вторыми именительными, а приложеніями. — «Чуть не сошедъ съ ума отъ тоски и скуки, онъ вернулся къ Осининымъ *весь исхудалый, больной...*» (составное сказуемое, «весь исхудалый, больной» —вторые именительные) и: «чуть не сошедъ съ ума отъ тоски и скуки, *весь исхудалый, больной,* вернулся онъ къ Осининымъ»... (Тург. «Дымъ», VII), гдѣ «весь исхудалый, больной» — приложенія.

ГЛАВА X.

Дополненіе и его выраженіе существительными (именами, мѣстоименіями и числительными).

Дополненіе есть второстепенная (зависимая) часть предложенія, выражаемая косвенными падежами существительныхъ, т.-е. отвѣчающая на вопросы: кого, чего? — кому, чему? — кого, что? — кѣмъ, чѣмъ? — о комъ, о чемъ?

Дополненія дѣлятся на **приглагольныя и пріименныя.**

Приглагольныя относятся къ сказуемому — глаголу и къ другимъ глагольнымъ частямъ предложенія, къ которымъ въ этомъ случаѣ присоединяются также причастія и дѣепричастія. Не будучи глаголомъ, причастія и дѣепричастія, какъ извѣстно, обладаютъ нѣкоторыми глагольными свойствами, въ томъ числѣ и тѣмъ *управленіемъ*, какое присуще глаголу. Такъ, разъ глаголъ *читать* управляетъ винительнымъ падежомъ — «читаю книгу», то и соотвѣтственное причастіе и дѣепричастіе будутъ требовать того же падежа: «читающій книгу», «читая книгу».

Приглагольныя дополненія, въ свою очередь, дѣлятся на три разряда:

1) *Къ первому разряду принадлежатъ тѣ, которыя находятся въ зависимости отъ лексическаго значенія глагола.* Таковы, напр., винительный падежъ *книгу*, зависящій отъ *лексическаго значенія* глагола *читаю*, дательный *тебѣ*, управляемый *лексическимъ значеніемъ* глагола *вѣрю*, родительный *бѣды*, обусловленный *лексическимъ значеніемъ* глагола *боюсь*.

Наличность дополненія придаетъ глаголу извѣстное залоговое значеніе, именно — залога *переходнаго;* прямое дополненіе дѣлаетъ глаголъ «*переходнымъ въ тѣс-*

номъ смыслѣ». Тутъ, стало-быть, мы усматриваемъ зависимость залога или его разновидности отъ дополненія, а не наоборотъ. Дополненіе же, т.-е. выборъ того или другого падежа, зависитъ *отъ лексическаго значенія глагола* (какъ, напр., родительный при глаголѣ *искать* зависитъ не отъ чего другого, какъ именно отъ лексическаго значенія).

2) *Второй разрядъ приглагольныхъ дополненій образуютъ тѣ, которыя ближайше зависятъ либо отъ залоговаго значенія, либо отъ характера цѣлаго оборота.* Таковы: *творительный дѣйствующаго лица* при страдательномъ залогѣ: «деньги были уплачены *мною*»,— *(ательный лица въ безсубъектныхъ предложеніяхъ: «быть бычку* на веревочкѣ», «*мнѣ* не спится», «*ему нельзя выходить*» и т. д.,— *творительный предикативный.*

3) *Третій разрядъ — это тѣ, которыя, отличаясь характеромъ относительной независимости, только примыкаютъ къ глаголу, состоятъ при немъ, но не управляются имъ непосредственно, не обусловливаются ни лексическимъ значеніемъ глагола, ни его залоговою формою, ни характеромъ цѣлаго оборота.* Въ ихъ отношеніяхъ къ глаголу нѣтъ ясныхъ признаковъ управленія, а только какъ бы внѣшній и ложный видъ его. Этотъ родъ управленія можно назвать мнимымъ, а такое дополненіе — *независимымъ*. Сюда принадлежатъ: *родительной даты*, напр., «это случилось *перваго* [1]) января», — *творительный времени:* «дѣло было *зимою*», — *творительный сравненія* и *превращенія* и др.—Такія дополненія колеблются между дополненіемъ и обстоятельствомъ. Ихъ можно называть *фиктивными* или «*дополненіями-обстоятельствами*». Нѣкоторыя изъ нихъ превратились въ настоящія обстоятельства, напр., *сегодня, дóма, домой* и др.

[1]) Т.-е. числа, дня.

Пріименныя дополненія относятся не къ дѣйствію, т.-е. не глаголу (съ причастіемъ и дѣепричастіемъ), а къ дѣятелю, къ объекту, къ опредѣленію, къ именнымъ частямъ сказуемаго.

Мы распредѣлимъ дополненія между этими двумя большими рубриками: 1) *дополненія приглагольныя* (всѣхъ трехъ разрядовъ) и 2) *пріименныя*.

Въ настоящей главѣ мы будемъ имѣть дѣло только съ управленіемъ *непосредственнымъ*, т.-е. *безъ предлога*.

Управленіе *посредственное*, т.-е. *при участіи предлоговъ*, будетъ разсмотрѣно въ главѣ XII.

1. Дополненія приглагольныя.

Винительный падежъ.

а) **Прямое дополненіе**. «Прямымъ дополненіемъ» принято называть дополненіе въ винительномъ падежѣ при «переходныхъ въ тѣсномъ смыслѣ» глаголахъ, выражающее тотъ объектъ, на который нужно указать, чтобы точнѣе выяснить *лексическое значеніе глагола*. Такъ, прямое дополненіе *книгу*, присоединенное къ глаголу *читать*, точнѣе выясняетъ его лексическое значеніе, или, лучше, ограничиваетъ его лексическое значеніе представленіемъ «читать именно книгу, а не письмо, не газету» и т. д.—Въ предложеніи «я читалъ эту книгу весь вечеръ», гдѣ есть два винительныхъ существительныхъ *(книгу* и *вечеръ)*, прямымъ дополненіемъ является только первый *(книгу)*, выраженіе же «*весь вечеръ*» не означаетъ объекта дѣйствія *читать*, не ограничиваетъ его лексическаго значенія, а служитъ «дополненіемъ-обстоятельствомъ времени». — Прямое дополненіе принадлежитъ къ *первому* разряду приглагольныхъ дополненій.

Винительный прямого дополненія часто замѣняется *при отрицаніи* родительнымъ, напр.: «я читалъ *эту*

книгу», но: «я *не* читалъ *этой книги»*. Эта замѣна возможна и тогда, когда отрицаніе относится не къ тому глаголу, который управляетъ винительнымъ падежомъ, а къ другому, къ которому примыкаетъ первый, напр., предложенія «я хочу прочитать эту книгу», «я успѣю написать письмо», при отрицаніи, относящемся къ глаголамъ *хочу* и *успѣю*, могутъ быть выражены двояко: 1) «я *не* хочу читать *эту книгу»*, «я *не* успѣю написать *письмо»* и 2) «я *не* хочу читать *этой книги»*, «я *не* успѣю написать *письма»*. Форма съ родительнымъ имѣетъ оттѣнокъ большей рѣшительности отрицанія или отказа.

Къ прямымъ дополненіямъ относятся и винительные при такихъ глаголахъ, какъ: *пройти, проѣхать, пролетѣть, проспать, прожить, пережить* и др., которые получаютъ переходное въ тѣсномъ смыслѣ значеніе отъ предлоговъ *про, пере*; при отрицаніи винительный и здѣсь можетъ быть замѣненъ родительнымъ. Примѣры: «мы *проѣхали версту»* (на вопросъ не «сколько?», а «что?»),—«мы *не проѣхали* и *версты*, какъ вдругъ»...; «я *проспалъ пять* часовъ», — «я *не проспалъ* и *пяти* часовъ»; «всю эту *дорогу* мы *прошли* пѣшкомъ»,—«этой *дороги* мы *не* могли *пройти* пѣшкомъ»; «онъ *пережилъ* страшныя *минуты»*,—«онъ не переживетъ *этого»*; «онъ *прожилъ* свое *состояніе»*, — «онъ еще не успѣлъ *прожить* своего *состоянія»* (или: свое *состояніе*) и т. д.

Другіе винительные отличаются отъ винительныхъ прямого дополненія, между прочимъ, невозможностью перехода въ родительный при отрицаніи. Напр., въ предложеніи: «больной спалъ *всю ночь* спокойно» винительный *всю ночь* не прямое дополненіе, а винительный времени,—и онъ не можетъ быть замѣненъ родительнымъ при отрицаніи: «больной не спалъ *всю ночь»*. Кажущимися исключеніями изъ этого правила являются такіе случаи, какъ, напр.: «я сидѣлъ *часъ»*,—«я *не* си-

дѣлъ и *часа*». Здѣсь оборотъ «сидѣть часъ» (съ винительнымъ времени) подвергся вліянію (аналогіи) оборота «*просидѣть часъ*» (съ прямымъ дополненіемъ), т.-е. по образцу послѣдняго въ первомъ винительный *часъ* былъ понятъ такъ, какъ будто онъ — прямое дополненіе. Такъ точно подъ вліяніемъ глаголовъ *прожить, пережить*, управляющихъ прямымъ дополненіемъ, мы относимъ прямое дополненіе и къ глаголу *жить*, говоря: «я *жилъ* тамъ *годъ*», — «я *не жилъ* тамъ и *года*». — Винительный при глаголѣ «*стóить*», сбивающійся на винительный количества (на вопросъ: «сколько?»), есть въ сущности винительный прямого дополненія, какъ это видно изъ оборота: «что стоитъ эта вещь?»; оттуда и замѣна родительнымъ при отрицаніи: «эта вещь *стоитъ три рубля*», — «эта вещь *не стоитъ трехъ рублей*».

б) **Винительный времени.** На вопросъ «какъ долго?»: «я *весь день* работалъ», «спалъ *всю ночь*», «мы ожидали на станціи *три* часа», «онъ странствовалъ *цѣлый годъ*». — На вопросъ «какъ скоро?»: «*сію минуту* прійду».

Этотъ винительный принадлежитъ къ *третьему разряду* приглагольныхъ дополненій, образуя родъ «дополненія-обстоятельства».

Примѣчаніе. «Сейчасъ» (первоначально винительный на вопросъ «какъ скоро?») совсѣмъ перешло въ обстоятельство, стало нарѣчіемъ.

в) **Винительный количества.** На вопросъ «сколько разъ?»: «повторилъ урокъ *три* раза», «онъ приходилъ уже *два* раза», «*тысячу* разъ просилъ я васъ объ этомъ». Этотъ винительный также принадлежитъ къ *третьему разряду*.

Родительный падежъ.

а) **Родительный раздѣлительный,** ставящійся вмѣсто винительнаго прямого дополненія для обозначенія части

предмета (въ противоположность винительному, означающему цѣлый предметъ). Такъ, «дайте мнѣ хлѣбъ» значитъ: «дайте весь хлѣбъ, что на столѣ», но «дайте мнѣ *хлѣба*» имѣетъ смыслъ: «дайте часть, немного хлѣба». Понятно употребленіе этого родительнаго при глаголахъ въ родѣ *купить, налить, набрать* и т. д. въ такихъ выраженіяхъ, какъ «я *купилъ чаю, сахару, мыла, свѣчей*», «*налей вина*», «*набери воды* въ это ведро» и т. п.—Этотъ родительный принадлежитъ къ *первому разряду*, какъ зависящій отъ лексическаго значенія глагола.

б) Къ родительному раздѣлительному возводится, представляя собою видоизмѣненіе его основного значенія, **тотъ родительный, который ставится при глаголахъ** *хотѣть* (чего), *искать* (чего), *желать* (чего), *просить* (чего), *требовать* (чего), *жаждать* (чего). Напр.: *хотѣть добра, искать богатства, желать почестей* и т. д., т.-е. какъ бы *не всего* добра, богатства, почестей и т. д., а возможной ихъ части въ противоположность, напр., выраженію «искать на полу упавшій карандашъ», гдѣ имѣется въ виду цѣлая вещь. Это представленіе возможной и неопредѣленной части переходитъ, въ подобныхъ выраженіяхъ съ родительнымъ падежомъ, въ представленіе чего-то возможнаго (не достовѣрнаго), предположительнаго, гадательнаго, а также получаетъ оттѣнокъ неувѣренности въ успѣхѣ; при этомъ дѣло уже можетъ итти не о части, а о цѣломъ, или о чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ не различается цѣлое и его части. Напр., «*искать славы*», «всѣ мы *жаждемъ* мирнаго *счастья* и *благополучія*», «*желаю* тебѣ *всего лучшаго*», «*хочешь пирожка*» (цѣлаго, но отвѣтъ не извѣстенъ), даже—«*искать карандаша* на полу» (можетъ-быть, найдется) и т. д. — Этотъ родительный также относится къ *первому разряду*.

в) **Родительный при глаголахъ** *лишить, лишиться, чуждаться, дичиться, бояться, страшиться, спасаться*, напр., *лишить* кого-нибудь *наслѣдства, лишиться чести, чуждаться общества, дичиться людей, бояться грозы* и т. д.—къ *первому разряду.*

г) **Родительный при отрицаніи:** α) *вмѣсто винительнаго* прямого дополненія при глаголахъ переходныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, о чемъ была рѣчь выше, и β) *вмѣсто именительнаго*, отчего субъектный оборотъ превращается въ безсубъектный. Такъ, предложеніе «*онъ былъ здѣсь*» при отрицаніи можетъ принять безсубъектную форму: «*его не было* здѣсь»; «есть деньги» — «*нѣтъ денегъ*»; «*время найдется*»... — «*не найдется времени*»; «*видны горы*» — «*не видно горъ*»; «*слышенъ шумъ*» — «*не слышно шума*»; «*это бываетъ*» — «*этого не бываетъ*».

Родительный, какъ замѣна винительнаго, принадлежитъ къ *первому разряду;* но родительный, ставшій на мѣсто именительнаго, долженъ быть отнесенъ ко *второму разряду*, такъ какъ онъ связанъ съ кореннымъ измѣненіемъ оборота.

д) **Родительный при глаголахъ съ префиксами, которыми служатъ предлоги, требующіе родительнаго падежа,** напр., *избѣжать опасности, достичь извѣстности, добиваться успѣха* и т. д.—къ *первому разряду.*

е) **Родительный даты (времени):** «это случилось десятаго мая 1897 года», гдѣ, собственно, родительный даты — это «десятаго» (т.-е. числа, дня), а родительные «мая» и «1897 года» зависятъ—первый отъ «десятаго», а второй родительный — отъ «мая». — Выраженія: «такого-то *года*», «такого-то *мѣсяца*», «*прошлаго года*», весьма обычныя въ преж ее время, теперь стали рѣдкими. — Къ *третьему разряду.* — Сюда же принадлежало и выраженіе «*сегодня*» (т.-е. сего дня), уже перешедшее въ обстоятельство (нарѣчіе).

ж) **Родительный предикативный:** «онъ — *знатнаго рода*», «онъ—*дворянскаго происхожденія*» и т. п. Этотъ родительный стоитъ при сказуемомъ, которымъ является глаголъ *(есть) былъ, будетъ;* при этомъ доля предикативности падаетъ на дополненіе. Родительный падежъ, очевидно, зависѣлъ нѣкогда отъ опущеннаго существительнаго (въ сказуемомъ): «онъ былъ *человѣкъ (потомокъ* и т. п.) *знатнаго рода*». Тогда это было составное сказуемое; теперь оно—простое, а дополненіе стало *предикативнымъ*.—Ко *второму разряду*.

«Про Петра Михайловича мы знаемъ, *какого* онъ былъ *строгаго характера*» (Писем. «Тыс. Душъ», I, VIII).

Дательный падежъ.

а) **Дательный лица при глаголахъ весьма различныхъ лексическихъ значеній:** «я *далъ ему* книгу», «онъ *сказалъ мнѣ*, что»..., «онъ принесъ *намъ* подарокъ», «эта книга *доставила мнѣ* большое удовольствіе», «*обѣщать кому* что-либо», «*отказать кому* въ чемъ» и т. д.

Этотъ дательный обыкновенно опредѣляется какъ дательный лица, въ пользу (въ угоду, къ выгодѣ, къ удовольствію и т. д.) котораго или же, наоборотъ, во вредъ (къ невыгодѣ, къ неудовольствію и т. д.) котораго что-либо дѣлается (такъ наз. dativus commodi et incommodi). Какъ зависящій отъ лексическаго значенія глагола, онъ долженъ быть отнесенъ къ *первому разряду*.

Въ этихъ оборотахъ дательный падежъ можетъ принадлежать и *не лицу* въ собственномъ смыслѣ, а предмету (вещи) или отвлеченному понятію; но тогда этотъ предметъ или отвлеченное понятіе, такъ сказать, играютъ роль лица, фиктивно представляются какъ лицо; напр.: «*предсказываю* успѣхъ этому *предпріятію*», «*отдаю* справедливость вашему *благоразумію*», «отказали *просьбѣ*» и т. д.

б) **Дательный лица (и вещи, какъ фикціи лица) въ безсубъектныхъ оборотахъ разныхъ видовъ:** *мнѣ* хочется, *ему* не сидится, *намъ* не вѣрится, что..., *ей* весело, *больному* нельзя волноваться, *тебѣ* начинать, *этому* не бывать и т. д.

Какъ связанный съ характеромъ оборота, этотъ дательный принадлежитъ ко *второму разряду.*

в) **Дательный лица или предмета, къ которому направлено душевное движеніе, выраженное или предполагаемое лексическимъ значеніемъ глагола:** *радоваться чему, вѣрить кому, чему, смѣяться чему, улыбаться кому, чему, удивляться кому, чему.*—Сюда же отнесемъ и *повиноваться, подчиняться кому, чему.* — Къ *первому разряду.*

Творительный падежъ.

а) **Творительный орудія въ собственномъ смыслѣ:** *бить палкою, погонять кнутомъ, рубить топоромъ, писать карандашомъ, ѣсть вилкою, ухватиться руками за...* и т. д. — Къ *первому разряду.*

б) **Творительный орудія (часто съ опредѣленіемъ прилагательнымъ), получающій болѣе или менѣе явственный характеръ обстоятельственнаго выраженія** (на вопросъ «какъ?»): *пѣть пріятнымъ голосомъ, пѣть теноромъ, басомъ, ходить быстрыми шагами, вздохнуть полною грудью, кричать благимъ матомъ* и пр. — Къ *третьему разряду.*

в) **Творительный душевныхъ движеній** (легко выводимый изъ творительнаго орудія): *пылать гнѣвомъ, дышать злобою, горѣть любовью, скорбѣть душою, чуять сердцемъ.* — Къ *третьему разряду.*

г) **Творительный фиктивнаго орудія** (объектъ дѣйствія, обычно выражаемый винительнымъ прямого дополненія, напримѣръ, *бросать—что*, понятъ какъ орудіе дѣйствія и выраженъ творительнымъ) **при глаголахъ** *ударить, бросать, кидать, швырять* и др.: *бросать камнями, ки-*

дать мячикомъ, «онъ повалилъ противника и ударилъ *имъ* оземь». — Къ *первому разряду*.

д) **Творительный орудія въ безсубъектныхъ оборотахъ:** *убило молніею, снесло волною, унесло вѣтромъ, оглушило громомъ* и пр. — Къ *первому разряду*, если творительный понятъ какъ непосредственно зависящій отъ лексическаго значенія глагола, и ко *второму*, если онъ разсматривается какъ принадлежность оборота.

е) **Творительный дѣйствующаго лица при страдательномъ залогѣ:** «онъ *всѣми любимъ*», «рѣчь, *произнесенная прокуроромъ*, была убѣдительна». — Ко *второму разряду*.

ж) **Творительный образа дѣйствія:** *итти войною, служить вѣрою* и *правдою, жить собственною головою* и пр. — Къ *третьему разряду*.

з) **Творительный сравненія и превращенія:** *лежать пластомъ, летѣть птицею, ходить гоголемъ*, «обернулся *соколомъ*» и пр. — Къ *третьему разряду*.

и) **Творительный усиленія:** *ходуномъ* ходить, *слухомъ* не слыхать и др. — Къ *третьему разряду*.

і) **Творительный предикативный:** быть *купцомъ*, сдѣлаться *писателемъ;* «его назначили *директоромъ*» и т. д. (замѣна второго именительнаго и второго винительнаго). — Ко *второму разряду*.

к) **Творительный времени:** *лѣтомъ, зимою, весною, осенью, днемъ, ночью, утромъ, вечеромъ*. — Къ *третьему разряду*.

Творительные рубрикъ *ж—к* (образа дѣйствія, сравненія и превращенія, усиленія, предикативный, времени) суть дополненія-обстоятельства.

л) **Творительные, частью возводимые къ творительному орудія, частью же другого, не совсѣмъ яснаго, происхожденія,** при разныхъ глаголахъ: *дорожить честью, наполнить графинъ водою; итти дорогою, ѣхать лѣсомъ* и пр. (такъ называемый «творительный мѣста»). Одни изъ нихъ относятся къ *первому разряду* (дорожить *чѣмъ*), другіе—къ *третьему* (творительный мѣста).

II. Дополненія пріименныя.

Къ нимъ относятся и дополненія при нарѣчіяхъ и междометіяхъ.

Родительный падежъ при существительныхъ.

а) **Родительный принадлежности:** домъ *брата*, имущество *сестры*, комната *дѣтей*, кабинетъ *директора*, сочиненія *Бѣлинскаго*, геній *Пушкина*, юморъ *Гоголя*, стиль *Тургенева*, музыка *Глинки*, рѣчь *адвоката*, характеръ *Печорина*, жизнь *Ломоносова*, подвиги *Ахиллеса*, странствованія *Одиссея* и т. д. Понятіе *принадлежности* берется здѣсь въ самомъ обширномъ смыслѣ.

б) **Родительный обозначенія:** министерство *юстиціи*, исторія *Россіи*, война *1812 года*, идея *добра*, идеалъ *красоты*, понятіе *справедливости*, чувство *долга*, сознаніе *вины*, инстинктъ *самосохраненія*, жажда *счастья* и т. д. Сюда же: любовь *матери* (въ смыслѣ «материнская»), чувство *брата* («братское») и пр.

в) **Родительный мѣры, количества, цѣны, качества:** камень *10-ти* пудовъ вѣса, человѣкъ *большого роста*, господинъ *среднихъ лѣтъ*, помѣщикъ *средней руки*, вещь *большой цѣнности*, на разстояніи *двадцати* верстъ.

г) **Родительный при существительныхъ, означающихъ часть, мѣру и пр., при собирательныхъ и числительныхъ:** кусокъ *хлѣба*, фунтъ *мяса*, графинъ *воды*, бочка *меду*, стаканъ *вина*, половина *имѣнія*, *табунъ* лошадей, стая *птицъ*, пять *аршинъ*, сто *головъ скота* и пр.

д) При числит. *два, двѣ, оба, обѣ, три, четыре* ставится особая форма существительнаго, сходная съ формою родительнаго пад. един. ч. (два *стола*, двѣ *комнаты*, оба *друга*, обѣ *картины*, три *брата*, три *сестры*, четыре *окна*), возникшая (въ именахъ мужск.

рода, но не женскаго и не средняго) изъ старинной формы именительнаго - винительнаго двойственнаго числа. *По смыслу* она замѣтно отличается отъ родительнаго пад.: форма «стола» въ выраженіяхъ «два *стола*», «три *стола*» и т. д. чувствуется иначе, чѣмъ настоящій родительный, напримѣръ, «ножка *стола*», «возлѣ *стола*».

Родительный при прилагательныхъ.

Полный надежды; стаканъ, *полный воды;* характеръ *чуждый* лукавства.

Родительный при нарѣчіяхъ.

а) **Родительный сравненія при сравнительной степени:** «ты *лучше его*», «это дерево *выше* нашего *дома*».

б) **Родительный при нарѣчіяхъ количества:** *много книгъ*, *мало денегъ*, «*сколько* у васъ *вещей?*»

Дательный падежъ. — Дательный при существительныхъ.

а) **Дательный вещи при существительныхъ:** *счетъ, списокъ, итогъ* и т. д.: *счетъ деньгамъ, списокъ вещамъ, итогъ расходамъ.*

Примѣчаніе. При этихъ существительныхъ употребляется также и родительный (*списокъ вещей, каталогъ книгъ...*), который мы опредѣлимъ какъ родительный обозначенія.

б) **Дательный при разныхъ существительныхъ:** напримѣръ, «отвѣтъ *господину* N», «страхъ врагамъ», «привѣтъ тебѣ», «поклонъ ему», «выговоръ ученикамъ» и т. п.

в) **Дательный въ выраженіяхъ междометнаго характера:** «Слава Богу!» «Горе намъ!»

Дательный при прилагательныхъ.

Чуждый всему, полезный обществу, пріятный намъ, благопріятный дѣлу.

Дательный при междометіи.

Увы мнѣ! Спасибо вамъ!

Творительный падежъ

Творительный при существительномъ, прилагательномъ, мѣстоименіи, числительномъ.

а) **Творительный отношенія:** красавецъ *собою*, великанъ *ростомъ*, малъ *ростомъ*, смуглъ *лицомъ*, молодъ *душою*, самъ *собою*, *счетомъ* десять, *длиною* пять саженъ, *глубиною* 10 саженъ, *вѣсомъ* пудъ и т. д.

б) **Творительный, напоминающій творительный орудія:** «*умомъ* богаты, *тѣломъ* и рады», знатный *родомъ*, сильный *характеромъ*, полный *водою*, гордый *своими заслугами* и т. д.

Творительный при нарѣчіяхъ въ сравнительной степени.

Верстою дальше, *немногимъ* меньше, *часомъ* раньше, *умомъ* больше, *тѣломъ* лучше.

ГЛАВА XI.

Обстоятельство и его выраженіе нарѣчіемъ, дѣепричастіемъ, косвенными падежами существительныхъ.

Обстоятельство есть второстепенная часть предложенія, примыкающая къ сказуемому, а также и къ опредѣленію, но не управляемая ими.—Этою послѣднею чертою обстоятельство отличается отъ дополненія, которое характеризуется

именно тѣмъ, что *управляется* тѣмъ словомъ, къ которому относится. Поэтому обстоятельство является частью предложенія болѣе независимою, чѣмъ другія второстепенныя части его. — Состоя при сказуемомъ, оно усиливаетъ его значеніе, придаетъ ему больше вѣса въ предложеніи.

Обстоятельства раздѣляются на два класса: 1) *обстоятельства въ собственномъ смыслѣ* и 2) *обстоятельственныя слова, колеблющіяся между дополненіемъ и обстоятельствомъ;* мы будемъ ихъ называть *фиктивными.*

I. **Обстоятельства въ собственномъ смыслѣ** выражаются **нарѣчіями и дѣепричастіями** и дѣлятся на слѣдующіе разряды:

1) *Обстоятельства образа дѣйствія* (на вопросы: *какъ? какимъ образомъ?*): «мы шли *быстро*», «она поетъ *хорошо*», «онъ *громко* закричалъ», «мы шли *пѣшкомъ*», «ѣхали *верхомъ*», «онъ шелъ *прихрамывая*», «стоялъ *задумавшись*», «спалъ *сидя*», «я поступилъ *такъ, какъ* было условлено».

Обстоятельства, выраженныя дѣепричастіемъ, имѣютъ *предицирующій* характеръ.

2) *Обстоятельства мѣста и направленія* (на вопросы: *гдѣ? куда? откуда?*): «онъ живетъ *здѣсь*», «мы идемъ *туда*», «они пришли *оттуда*», «*куда* и *откуда* ты идешь?», «я спустился *внизъ*», «мы сидѣли *наверху*», «они прошли *мимо*» и т. д.

3) *Обстоятельства времени* (на вопросы: *когда? какъ давно? доколѣ?*): «я былъ *вчера* боленъ», «*сегодня* я занятъ», «*однажды* случилось»..., «я живу здѣсь *давно*», «*впервые* слышу объ этомъ», «*вскорѣ* извѣщу васъ»..., «*до-сихъ-поръ* не могу прійти въ себя», «я жилъ *тогда* въ Петербургѣ», «*когда* ты ѣдешь?»

4) *Обстоятельства мѣры, количества* (на вопросы: *сколько? какъ много? какъ долго?*): «онъ ѣстъ *мало*», «мы ждали *долго*», «пѣтухъ пропѣлъ *трижды*». Сюда же относятся такіе сочетанія существительныхъ съ на-

рѣчіями количества, какъ: *много разъ, сколько разъ*, напримѣръ; «я испыталъ это чувство *много разъ*».

5) *Обстоятельства причины и цѣли* (на вопросы: *почему? отчего? для чего? зачѣмъ?*): «*почему* ты такъ думаешь?», «*зачѣмъ* пріѣхалъ ты?».

6) *Обстоятельства, имѣющія характеръ ложной части сказуемаго*,—это именно *нарѣчія въ сравнительной степени* въ предложеніяхъ съ отвлеченнымъ глаголомъ-сказуемымъ, напримѣръ: «онъ *лучше* меня», «она *умнѣе* его», «ты былъ *счастливѣе* меня», «впередъ будешь *умнѣе*» и т. д. Мы знаемъ, что здѣсь нарѣчіе—замѣна второго именительнаго.

7) *Обстоятельства соціативныя* (выражающія соединеніе, совмѣстность): «мы шли *вмѣстѣ*», «они сидѣли *вдвоемъ*», «отчетъ былъ составленъ секретаремъ *совмѣстно* съ его помощникомъ».

8) *Обстоятельства опредѣлительныя и усилительныя: уже, еще, даже, едва, почти, такъ, столь, лишь, очень, весьма, только, чуть, именно, слишкомъ, донельзя.* Эти слова можно назвать *обстоятельствами - частицами.* Смотря по положенію во фразѣ, они то удерживаютъ, то теряютъ ясно выраженный характеръ обстоятельства. Относясь къ глаголу, причастію, дѣепричастію, прилагательному, а также и къ нарѣчію, они сохраняютъ явственный характеръ обстоятельства, напримѣръ, «онъ *уже* ушелъ», «я *еще* не успѣлъ сдѣлать это», «я *даже* сказалъ ему, что»..., «*едва* не упалъ», «*даже* зная это, я не скажу»..., «*едва* слышный», «*уже* прочитанная книга»..., «*очень* хорошій», «*весьма* опасный», «*слишкомъ* громко», «*чуть* видно» и т. д. — Но нѣкоторыя изъ нихъ могутъ относиться и къ другимъ частямъ предложенія, къ которымъ обстоятельства не относятся, и тогда они утрачиваютъ характеръ обстоятельства и превращаются въ *опредѣлительныя и усилительныя частицы.* Напримѣръ, при подлежащемъ, «*даже онъ* не

знаетъ этого»; при дополненіи: «ты не знаешь *даже этого*»; при подлежащемъ: «это сказалъ *именно онъ*»; при второй части сказуемаго, выраженной существительнымъ: «она была тогда *еще* ребенокъ».

II. Обстоятельства-дополненія или «фиктивныя».

Важнѣйшія изъ нихъ были уже указаны въ предыдущей главѣ—какъ формы, колеблющіяся между дополненіемъ и обстоятельствомъ. Это именно: а) *родительной даты* («это случилось *перваго* января»...), б) *творительный образа дѣйствія* («итти войною»), в) *творительный сравненія и превращенія* («летѣть *птицею, вихремъ*», «обернулся *соколомъ*»), г) *творительный усиленія* («*ходуномъ* ходить»), д) *творительный предикативный* («быть *писателемъ*»), е) *творительный мѣста* («ѣхать *лѣсомъ*»), ж) *творительный времени* (*утромъ, вечеромъ, зимою, лѣтомъ*).

Кромѣ того, фиктивными обстоятельствами должны быть признаны *разные падежи съ предлогами*, о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Отличительная черта всѣхъ этихъ выраженій, заставляющая смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто среднее между дополненіемъ и обстоятельствомъ, состоитъ въ томъ, что ихъ падежная форма не находится въ столь тѣсной зависимости отъ глагола, какъ это наблюдается въ настоящихъ дополненіяхъ. Такъ, напримѣръ, *родительный даты* или *творитильный образа дѣйствія* и др. только состоятъ при глаголѣ-сказуемомъ, а не зависятъ отъ него, не управляются имъ такъ, какъ, напримѣръ, творительный «*палкою*» управляется глаголомъ «*ударить*». Сравнимъ творительный «*войною*» въ выраженіи «*итти войною*» и тотъ же творительный въ выраженіи «*угрожать войною*»: первый, очевидно, не управляется глаголомъ *итти*, который ни своимъ ле-

ческимъ значеніемъ, ни залоговымъ не требуетъ творительнаго падежа, — второй же прямо зависитъ отъ лексическаго значенія глагола «*угрожать*». Первый — дополненіе-обстоятельство, второй — настоящее дополненіе, именно—творительный *орудія.*

Мы называемъ дополненія - обстоятельства *фиктивными дополненіями* и *фиктивными обстоятельствами.* Они могутъ быть отнесены къ дополненіямъ, потому что сохраняютъ падежную форму и явственное значеніе того или другого падежа. Но они *фиктивны,* какъ дополненія, потому что, какъ мы видѣли выше, ихъ падежъ не обусловленъ *управленіемъ* въ собственномъ смыслѣ. По своему положенію или значенію во фразѣ, они принадлежатъ къ числу *обстоятельствъ*, но ихъ падежное значеніе мѣшаетъ имъ быть обстоятельствами въ собственномъ смыслѣ, т.-е. нарѣчіями, и потому мы и называемъ ихъ *фиктивными обстоятельствами*

Настоящее нарѣчіе возникаетъ изъ нихъ тогда, когда теряется сознаніе принадлежности данной формы къ извѣстной системѣ склоненія. Таковы, напр.: *бѣго́мъ, верхо́мъ* (въ противоположность *бѣ́гомъ, ве́рхомъ*), *пѣшкомъ, босикомъ.* Это уже нарѣчія и *обстоятельства въ собственномъ смыслѣ.*

Формы *утромъ, вечеромъ, днемъ, лѣтомъ, зимою,* а также *шагомъ, ощупью, ходуномъ* и др. еще не стали нарѣчіями въ собственномъ смыслѣ, а только весьма близко подходятъ къ нимъ. Въ однихъ случаяхъ, въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, онѣ ближе подходятъ къ нарѣчію, въ другихъ отстоятъ отъ него дальше. Такъ, напр., въ выраженіи: «поѣзжай *шагомъ!*» мы имѣемъ почти настоящее нарѣчіе-обстоятельство; но въ предложеніи «лошади шли *мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ*» уже чувствуется въ томъ же словѣ именной и падежный характеръ, оживленный прилагательными-опредѣленіями, и мы назовемъ это выраженіе либо *фиктивнымъ*

обстоятельствомъ (или *фиктивнымъ дополненіемъ*), либо настоящимъ дополненіемъ, смотря по степени ясности падежнаго значенія и по характеру управленія.—То же самое относится и къ выраженіямъ въ родѣ «проснувшись сегодня *утромъ*»..., «это случилось *вечеромъ*»... и т. д., съ одной стороны, и такими, какъ «*раннимъ утромъ*», *позднимъ вечеромъ*»—съ другой.

ГЛАВА XII.

Частицы предложенія—предлоги, служащіе связкою дополненій и обстоятельствъ.

Предлоги суть частицы предложенія, служащія для связыванія дополненій и обстоятельствъ съ другими частями предложенія.

Такъ, напр., предлогъ *изъ* связываетъ дополненіе въ родительномъ падежѣ «*города*» съ глаголомъ-сказуемымъ «*выѣхалъ*» въ предложеніи: «онъ выѣхалъ изъ города». Одинъ изъ падежей, именно *мѣстный*, въ современномъ русскомъ иначе и не употребляется, какъ съ предлогами, почему и называется нынѣ «предложнымъ»: *въ городѣ*, *въ Москвѣ*, *при мнѣ*, *о дѣлѣ*, *на горѣ* и т. д.

Служа такими связками, устанавливая грамматическія отношенія между извѣстными частями предложенія, предлоги вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ и свои лексическія значенія, отчасти напоминающія значеніе нарѣчій мѣста. Но существенная равница между предлогами и нарѣчіями въ томъ, что лексическое значеніе первыхъ гораздо блѣднѣе, чѣмъ значеніе вторыхъ, и какъ бы тонетъ въ формальной функціи предлоговъ. Такъ, напр., есть сходство *по смыслу* между предлогомъ *съ* и на-

рѣчіемъ *вмѣстѣ*, между предлогомъ *у* и нарѣчіями *возлѣ*, *подлѣ*, но при этомъ они рѣзко отличаются другъ отъ друг. *степенью яркости* этого значенія: *вмѣстѣ*, *возлѣ*, *подлѣ* выражаютъ приблизительно тѣ же представленія, что́ и предлоги *съ*, *у*, но только гораздо ярче и опредѣлительнѣе. Кромѣ того, нарѣчія *самобытнѣе*, *самостоятельнѣе* предлоговъ: такъ, *вмѣстѣ*, *возлѣ*, *подлѣ*, такъ сказать, *самозначащи* и могутъ употребляться и безъ дополненія («быть вмѣстѣ», «сидѣть возлѣ»); они могутъ управлять падежомъ («*возлѣ дома*», «*около дерева*»), но это не составляетъ ихъ назначенія; это, если можно такъ выразиться, ихъ *право*, а не *обязанность*,—они управляютъ падежами на тѣхъ же «правахъ», какъ дѣлаютъ это имена и глаголы. Другое дѣло—предлоги: управлять падежами—это ихъ прямая обязанность, въ этомъ ихъ синтактическое призваніе, и къ такой именно роли и *приспособляется ихъ лексическое значеніе*, служа какъ бы только способомъ выраженія извѣстныхъ отношеній. Такъ, значеніе, близкое къ значенію «вмѣстѣ», но потускнѣвшее, ставшее какъ бы намекомъ, служитъ въ предлогѣ *съ* способомъ выражать отношеніе связи, соединенія, совмѣстности,—и это отношеніе чисто-формально; напр.: «я говорилъ *съ* нимъ», «встрѣтился *съ* нимъ», «мы *съ* нимъ долго спорили» и т. под. *Формальность* этого отношенія («соединенія», «совмѣстности») яснѣе обнаруживается въ выраженіяхъ въ родѣ «я *съ* нимъ *разошелся*»; еслибы предлогъ *съ* обладалъ, въ сочетаніи съ творительнымъ, тою полнотою и яркостью лексическаго значенія «соединенія», «совмѣстности», какою обладаетъ соотвѣтственное нарѣчіе, то такой оборотъ заключалъ бы въ себѣ странное, бьющее въ глаза противорѣчіе; но мы не чувствуемъ здѣсь противорѣчія, и это значитъ, что мы употребляемъ предлогъ *съ* (въ указанномъ значеніи) чисто-формально, условно, въ качествѣ связки объекта

(дополненія); а если это такъ въ выраженіи «*разошелся съ* нимъ», то такъ должно быть и въ другихъ, какъ «*сошелся съ* нимъ», «*говорилъ съ* нимъ» и т. д., только здѣсь слегка даетъ себя чувствовать согласіе между лексическими значеніями предлога и глагола.

Сдѣлаемъ обзоръ формальныхъ отношеній, выражаемыхъ предлогами, въ порядкѣ падежей. При этомъ мы будемъ различать два разряда предлоговъ: 1) *предлоги въ собственномъ смыслѣ (истинные предлоги)* и 2) *предлоги-нарѣчія*, или *фиктивные;* это нарѣчія въ роли предлоговъ.

Съ родительнымъ падежомъ.

Изъ. Основной смыслъ — движеніе, противоположное тому, которое выражается предлогомъ *въ* съ *винительнымъ падежомъ: изъ города* (противоположное движеніе — *въ городъ);* другія значенія производны и переносны: «выбрать одного *изъ числа* записавшихся», «одинъ *изъ многихъ*», «онъ — *изъ нѣмцевъ*», «домъ *изъ камня*», «помочь *изъ жалости*».

Отъ. Основной смыслъ — движеніе, противоположное тому, которое выражается предлогомъ *къ* съ *дательнымъ падежомъ:* «онъ ушелъ *отъ меня*» (противоположное: «онъ пришелъ *ко мнѣ*»); другія значенія производны: «*отъ города* А до города Б — 200 верстъ» *(разстояніе);* «уйти *отъ грѣха*», «избавиться *отъ бѣды*», «защищаться *отъ нападенія*», «эти черты у него — *отъ отца*», «все это — *отъ невѣжества*», «въ 502 году *отъ Рождества Христова*».

До. Основное значеніе — предѣлъ движенія или разстоянія: «я ѣду только *до Кіева*» (не дальше), «*до города* осталось 5 верстъ»; производныя: «въ 560 году *до Рождества Христова*», «*до поры до времени*», «*до тѣхъ поръ*, пока»..., «охотникъ *до чтенія*», «насъ было *до 20* человѣкъ».

Съ. Основное значеніе — движеніе внизъ, противоположное тому, какое указывается предлогомъ *на* съ *винительнымъ падежомъ: съ горы (на гору)*, потомъ и безъ оттѣнка «внизъ»: *съ бала (на балъ), съ хутора (на хуторъ);* переносныя «*со дня* рожденія», «*съ утра* до вечера»; *съ горя, со всего размаха.*

Примѣчаніе. Съ горя, съ тоски и др.— это дополненія-обстоятельства, которыя, смотря по контексту, могутъ быть истолкованы въ одномъ случаѣ какъ дополненія, въ другомъ — какъ обстоятельства. Но *сгоряча, сдуру, свысока, неспроста* — только обстоятельства, ибо, употребляя эти формы, мы не смотримъ на нихъ какъ на падежи съ предлогомъ; для нашего непосредственнаго сознанія это — не падежныя формы. Только грамматическій анализъ открываетъ ихъ происхожденіе отъ родительнаго падежа съ предлогомъ *съ*. *Съ вѣдома* отчасти удерживаетъ падежное значеніе, благодаря наличности формы *безъ вѣдома*, и у насъ поддерживается грамматическое сознаніе того, что эти формы заключаютъ въ себѣ предлоги *съ* и *безъ*. — *Съ кругу* въ выраженіи *спился съ кругу* также почти уже перешло въ нарѣчіе-обстоятельство.

У (нахожденіе вблизи чего,— во владѣніи у кого-либо): *у самаго берега, у порога, у окна, у меня;* съ переходомъ въ противоположное значеніе *(отнятіе): «у меня* отняли все».

Безъ (лишеніе, устраненіе, отнятіе): «*безъ тебя* я бы пропалъ», *безъ хлѣба, безъ имени,* «оставить *безъ обѣда*», «*безъ малаго* сто» и т. д.

Кромѣ: «всѣ, *кромѣ меня»; кромѣ того..., кромѣ шутокъ* (устраненіе, исключеніе).

Сложные: **изъ-за** (движеніе—откуда): *изъ-за кулисъ,* «солнце выглянуло *изъ-за тучи»,* «*изъ-за васъ* я чуть не пострадалъ» (причина, поводъ). **Изъ-подъ:** *изъ-подъ пола.*

Для (цѣль, назначеніе): *для меня, для дѣла, для пользы, для удовольствія,* «кабинетъ *для чтенія*».

Нарѣчія (въ роли предлоговъ):

Внѣ: *внѣ городскихъ стѣнъ; внѣ себя* отъ горя.

Близъ, вблизи: *близъ рѣки, вблизи города.*

Межъ, между: *между двухъ огней;* «обычай — деспотъ *межъ людей*» (Пушк. «Евг. Он.»).

Мимо, помимо: *мимо дома; помимо этого...*

Среди, средь, посреди: *среди полей, среди людей, посреди площади.*

Около: *около дома, около пяти часовъ.*

Вокругъ: *вокругъ дома.*

Эти нарѣчія, какъ и другія, употребляются и отдѣльно, не управляя существительнымъ: «*вблизи* послышался крикъ», «ходитъ *вокругъ* да *около*». «Но *мимо, мимо!*» (Гог. «Мертв. д.», гл. III).

Съ винительнымъ падежомъ.

Въ (движеніе — куда?): *въ городъ, въ лѣсъ, въ поле;* съ перенесеніемъ на время и другія отношенія: *въ часъ* дня; минута *въ минуту* («совпаденіе»), *въ одну минуту; въ то время...*; «поступить *въ полкъ*»; «перейти *во второй классъ*»; «разжалованъ *въ рядовые, въ солдаты*», «выйти *въ люди*» (это старыя формы винительнаго множественнаго, удержавшіяся въ этихъ выраженіяхъ); «вѣрить *въ Бога*», кричать *во все горло*», «онъ весь *въ отца*», «бочка *въ 20* ведеръ», «*во избѣжаніе* непріятностей...», *во всеобщее свѣдѣніе.*

Примѣчаніе. Во весь опоръ слѣдуетъ считать нарѣчіемъ-обстоятельствомъ, а ровно и *во-время* и *вгости* (старая форма винительнаго множественнаго).

На (движеніе — куда, во-первыхъ, вверхъ, а затѣмъ и безъ этого оттѣнка): *на гору, на небо, на землю, на югъ, на востокъ, на балъ, на хуторъ;* «сѣсть *на ди-*

ванъ», «упасть *на полъ»;* съ перенесеніемъ на время и другія отношенія: *на часъ, на минуту, на годъ;* «пригласить *на обѣдъ, на чай»*, «дать *на чай»*, «итти *на непріятеля»; на вкусъ;* «быть готовымъ *на все»*, «надѣяться *на себя»*.

Примѣчаніе. Наземь — нарѣчіе-обстоятельство.

По *(предѣлъ, цѣль): по-уши, по колѣна, по поясъ; по гробъ;* итти *по грибы.*

О, объ: «удариться о *край* стола», *«объ уголъ»;* «рука-*объ-руку»; «о сю пору».*

Примѣчаніе. «Рука-объ-руку» составляетъ одно обстоятельственное выраженіе. «Одесную» (церковно-славянское о-десніѫ, т.-е. рѫкѫ или странѫ) превратилось также въ нарѣчіе-обстоятельство, а равно и *дземь* (ударить *дземь*).

За (движеніе—куда): *за море;* «умъ *за разумъ* заходитъ»; «сѣсть *за столъ»*; производныя знач.: «Хлестаковъ былъ принятъ *за ревизора»; за цѣлый годъ; «за что* мнѣ такое наказаніе?»—*«за грѣхи».*

Примѣчаніе. Замужъ (гдѣ *мужъ* — старая форма винительнаго единственнаго) стало нарѣчіемъ-обстоятельствомъ.

Про: «говорить *про кого, про что». Про себя* (думать).

Съ (утрированное или приблизительное опредѣленіе величины): «огурецъ *съ гору». Съ версту.*

Подъ: «упасть *подъ ноги»; подъ руку; подъ надзоръ; подъ утро; подъ вечеръ.*

Черезъ, чрезъ: *черезъ заборъ; черезъ годъ.*

Черезчуръ—нарѣчье-обстоятельство.

Съ дательнымъ падежомъ.

Къ (движеніе—куда): «подойти *къ дереву»; «ко мнѣ* пришли...», *къ обѣду; къ вечеру* похолодѣло; любовь *къ дѣтямъ.*

По: *по морю, по сушѣ; по-міру; по рукамъ; по закону; по пословицѣ; «по моему мнѣнію»...; по рублю;* «смотря *по человѣку»;* «Не *по-хорошу* милъ, а *по-милу* хорошъ» (поговорка). *По-вашему, по-нашему* (эти послѣднія сбиваются на обстоятельства).

Съ творительнымъ падежомъ.

Съ (соціативное: «совмѣстность», «соединеніе»): *съ кѣмъ, съ чѣмъ; со мною;* «жилъ старикъ *со старухою»; съ болью* въ сердцѣ; «Богъ *съ нимъ!», «съ легкимъ сердцемъ».*

Примѣчаніе. Совсѣмъ — нарѣчіе - обстоятельство; *со-всѣмъ-тѣмъ* относится къ числу *нарѣчій-союзовъ* (см. въ слѣдующей главѣ).

За (нахожденіе—гдѣ): «сидѣть *за столомъ, за обѣдомъ, за чаемъ»;* «послать *за деньгами»; за кулисами; за рѣкою, за дѣломъ, за давностью, за старостью* (причина); «смотрѣть *за дѣтьми»,* «ухаживать *за больными».*

Примѣчаніе. Замужемъ, зачѣмъ, затѣмъ—нарѣчія-обстоятельства. *За-всѣмъ-тѣмъ*—нарѣчіе-союзъ.

Надъ: *надъ головою, надъ землею,* «смѣяться *надъ кѣмъ»,* «властвовать *надъ кѣмъ, надъ чѣмъ».*

Подъ: *подъ крышею, подъ зонтикомъ, подъ горою, подъ дождемъ,* «быть *подъ властью,—подъ вліяніемъ».*

Передъ, предъ: *передъ домомъ, передъ дѣломъ, передъ Богомъ.*

Между: *между деревьями, между небомъ и землею,* «это—*между нами».*

Примѣчаніе. Между тѣмъ и *между тѣмъ какъ*— обстоятельства, употребляющіяся какъ союзы.

Съ предложнымъ (мѣстнымъ) падежомъ.

Въ (основной смыслъ: нахожденіе — *гдѣ, въ чемъ*): *въ городѣ, въ этомъ домѣ, въ саду, въ душѣ, въ умѣ;*

(перенесеніе на время и другія отношенія) *въ пятомъ часу, въ 1860 году,* «силенъ *въ математикѣ*», «онъ не *въ своемъ умѣ*».

Примѣчаніе. Вгостяхъ (какъ выше—*вгости*), *впопыхахъ, владу, владахъ* (или «въ ладу», «въ ладахъ»)— нарѣчія-обстоятельства.

На (основной смыслъ: нахожденіе—*гдѣ, на чемъ*): *на крышѣ, на полу, на берегу моря, на землѣ, на небѣ, на востокѣ;* (во времени) *на Пасхѣ, на-дняхъ.* «Стоять *на ногахъ*». *На русскомъ языкѣ. Жениться на комъ.*

Примѣчаніе. Навеселѣ, на-умѣ («онъ себѣ на-умѣ»)— обстоятельства.

О, объ: «говорить, думать, писать, помнить и т. д. *о комъ, о чемъ*». «Квартира *о шести комнатахъ*».

По: плакать, тосковать *по комъ.*

При: *при рѣкѣ, при домѣ, при Петрѣ I,* «быть *при деньгахъ*», «остаться не *при чемъ*».

ГЛАВА XIII.

Частицы предложеній—союзы.

Союзныя (относительныя) слова.— Частица „это“.

Въ этой главѣ мы разсмотримъ, кромѣ союзовъ, еще и тѣ слова, которыя, не будучи союзами, берутъ на себя, однако, помимо другихъ функцій, обязанность выражать связь между предложеніями. Это именно— **относительныя мѣстоименія** *(который, что и др.)* и **относительныя нарѣчія** *(когда, куда, гдѣ* и пр.).

I. *Союзы* суть частицы предложеній, 1) выражающія связь между одноименными частями предложенія (между подлежащимъ и подлежащимъ, дополненіемъ и дополненіемъ, сказуемымъ и сказуемымъ и т. д.) и между равноправными предложеніями, 2) устанавли-

вающія зависимость одной части предложенія отъ другой или одного предложенія отъ другого.

Союзы дѣлятся на три разряда:

1) *Союзы сочинительные, большею частью первообразные, всегда служащіе для соединенія словъ или предложеній равноправныхъ.* Сюда принадлежатъ:

И. Здѣсь *Ноздревъ и Чичиковъ* поцѣловались (Гог. «Мертв. души», гл. IV. Соединяетъ два подлежащихъ).

Все, что я *перечувствовалъ и перечувствовалъ* (Тург. «Сонъ». Соединяетъ два сказуемыхъ).

Это извѣстно *мнѣ и ему* (соединяетъ два дополненія).

Сурово его поприще, *и* горько почувствуетъ онъ свое одиночество (Гог. «Мертв. души», VII. Соединяетъ два независимыя предложенія).

А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ, сказалъ ты: да не такъ, какъ нѣмецъ, что изъ копейки тянется, а вдругъ разбогатѣю. *И* вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавочку... (Гог. «Мертв. души», VII. Соединяетъ два независимыя предложенія разъединенныя паузою).

Повторное **и:** «Откуда возьмется *и* надутость, *и* чопорность» (Гог. «Мертв. души», V).

Да: «Жди *да* у моря сиди» (Майк. «Кто онъ?»).

Повторное **да** «*Да* щей горшокъ, *да* самъ большой» (Пушк.).

Да и: «Разъ ночью лежалъ я въ постели — и не могъ заснуть, *да и* не хотѣлъ заснуть» (Тург. «Стихотвореніе въ прозѣ»).

Но, а: «Не я, *а* ты виноватъ». «Тѣглевъ!» кликнулъ я, *но* онъ не отозвался» (Тург. «Стукъ... стукъ...»).

Прошло уже не семь, *а* цѣлыхъ 12 лѣтъ... (Тург. «Пун. и Бабур.»).

Она вскочила, бросилась въ кабинетъ къ Аратову и, по-вчерашнему, нашла его лежавшимъ на полу. *Но*

о нъ не пришелъ въ себя... (Тург. «Клара Мил.», передъ паузою).

Но и, а и: «не только ты, *но и* я—того же мнѣнія»

Или. Или—или. «Похожденіе Чичикова *или* Мертвыя души».

«Выбирай: *или* я, *или* онъ».

Ли—ли: «...ужъ она *ли* не проворна, она *ли* не мастерица скользнуть какъ тѣнь...» (Гонч. «Обрывъ», ч. II, гл. XII).

Ли—или: «Виноватъ *ли* былъ учитель, *или* виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же...» (Л. Толстой «Война и миръ», т. I, ч. I, гл. XXV).

Либо, Либо—либо: «...Садились другъ передъ другомъ и *либо* бесѣдовали... *либо* читали»... (Тург. «Новь», гл. XIX).

То—то: «...дышалъ *то* ртомъ, *то* носомъ... (Гонч. «Литер. веч.»).

Ни—ни: «*ни* я, *ни* ты не знаемъ этого».

Толи—толи: «*Толи* за недосугомъ, *толи* по нежеланію онъ не исполнилъ моего порученія».

2) *Союзы подчинительные*, соединяющія предложенія. Сюда принадлежатъ:

А) *Союзы, которые, подчиняя одно предложеніе другому, не устанавливаютъ синтактическаго отношенія зависимости одного отъ другого.* Таковы:

Ибо (выражаетъ обоснованіе, причину, мотивъ): «Со всѣмъ тѣмъ, оба друга одинаково нравились дамамъ, *ибо* были образцами рыцарской угодливости и щедрости» (Тург. «Пѣснь торжеств. любви», I). Послѣ паузы: «...ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ... и т. д.; *ибо* не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла...» и т. д. (Гог. «Мертв. души», VII).

Поэтому, посему, потому, оттого выражаютъ выводъ изъ предыдущаго (часто съ частицею *то: потому-то* и т. д.): «Ты не правъ: *потому-то* и сердишься»

Со всѣмъ тѣмъ. За всѣмъ тѣмъ. «*Со всѣмъ тѣмъ*, оба друга одинаково нравились»... (Тург. «Пѣснь торжеств. любви»).

Б) *Союзы, которые, подчиняя одно предложеніе другому, вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаютъ отношеніе синтаксической зависимости одного отъ другого.*

Потому-что: «Мнѣ грустно, *потому-что* я тебя люблю» (Лерм.).

Оттого что, вслѣдствіе того что, въ силу того что — синонимы предыдущаго. Нерѣдки случаи, когда нужно отдѣлять: *отъ того* (или *оттого*), *что; вслѣдствіе того, что; въ силу того, что*, и тогда цѣльность этихъ выраженій разрушается: формы *отъ того (оттого), вслѣдствіе того, въ силу того* остаются въ одномъ предложеніи, образуя тамъ дополненіе или обстоятельство, а въ качествѣ союза подчинительнаго остается только *что*, напримѣръ

И сердце вновь горитъ и любитъ—*оттого*,
Что не любить оно не можетъ... (Пушк.).

Иногда дѣлится такъ и «потому что», напримѣръ: «Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только все же *потому, что* сердце бьется сильнѣе»... (Лерм. «Герой наш. врем.»).

Что (союзъ изъяснительный): «я думаю, *что*»...; «она писала ему, *что* рѣшилась ускорить отъѣздъ изъ Дрездена»... (Тург. «Дымъ, XVIII).

Чтобы—какъ замѣна «*что*»: ...«они оба не ожидали, *чтобы* баринъ поселился у нихъ»... (Тург. «Двор. гн.», XIX).

Чтобы (цѣль, намѣреніе): «подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормозовъ, *чтобъ* они не раскатывались» (Лерм. «Герой наш. вр.», I, «Бэла»).

Съ инфинитивомъ: «я пришелъ, *чтобы* сказать вамъ».

Хотя (выражаетъ отношенія *уступки, изъятія, ограниченія, оговорки):* «учился онъ порядочно, *хотя* часто лѣнился» (Тург. «Дв. гн.», XI).

Хотя (и)—однако: «*хотя* адъютантъ *и* не зналъ этихъ подробностей, *однако* онъ передалъ полковому командиру... требованіе»... (Л. Толстой, «Война и миръ», т. I, ч. II, гл. I).

Хотя, хотя и, если, если и могутъ связывать и части предложенія, напр.: «старый, *хотя* еще прочный, домъ»..., (соединяетъ два опредѣленія), «...было весело, *хотя и* немного шумно»... (соединяются два обстоятельства), «онъ поступилъ такъ по легкомыслію, *если* не по глупости» (соединяются два дополенія). Замѣтимъ, что тутъ соединяются части *равноправныя,* и что союзъ, внося сюда оттѣнокъ подчиненности, не нарушаетъ, однако, ихъ равноправія.

Если, еслибы, если—то (условіе, обоснованіе, причина): «*если* это правда, *то*»... Съ инфинитивомъ: «*если взять* во вниманіе».

Коли, коль (синонимъ *если):* «*коли* это правда, то»...

Несмотря (невзирая) на то—что: «они пустились въ море *несмотря на то, что* погода была ненастная».

Ли (подчинительное):

Слышу ли голосъ твой,
Звонкій и ласковый,—
Какъ птичка въ клѣткѣ,
Сердце запрыгаетъ... (Лерм.)

Разъ (изъ существительнаго). **Благо** (вѣроятно также, а не изъ нарѣчья): «*разъ* это случилось, поздно сожалѣть», «пойдемъ гулять, *благо* погода хороша».

В) *Союзы-нарѣчія.* Они отличаются отъ настоящихъ союзовъ тѣмъ, что въ нихъ просвѣчиваетъ матеріаль-

ное (лексическое) и формальное значеніе *нарѣчія*. Это—нарѣчія въ роли союзовъ.

Когда (отношеніе времени): «*когда* пріѣду, сейчасъ же напишу вамъ»... Въ различныхъ случаяхъ характеръ нарѣчья чувствуется въ этомъ союзѣ то сильнѣе, то слабѣе. Болѣе ясному проявленію его содѣйствуетъ соотносительное *тогда:* «*когда* все дѣло выяснится, *тогда* можно будетъ»...

Какъ (въ смыслѣ *когда*): «хорошо вамъ радоваться, а мнѣ такъ, право, грустно, *какъ* вспомню» (Лерм. «Герой наш. вр.», I, «Бэла»).

Какъ, какъ—такъ, какъ-будто (сравненіе, сопоставленіе):

Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали! (Лерм. «Бородино»).

«*Какъ* путникъ въ темную ночь, видя впереди огонекъ и боясь сбиться съ дороги, ни на мгновеніе не спускаетъ съ него глазъ, *такъ* и Литвиновъ постоянно устремлялъ всю силу своего вниманія на одну точку, на одну цѣль» (Тург. «Дымъ», XVII).

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ-будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ... (Лерм. «Тамара»).

Какъ только, лишь только: «*какъ только* пріѣду, сейчасъ же исполню ваше порученіе».

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ...
. . . . . .
. . . . . .
Къ тебѣ я стану прилетать... (Лерм. «Демонъ»).

Лишь бы: «все уладится, *лишь бы* ты не противодѣйствовалъ».

Такъ какъ (отношеніе причины,—мотивировка): «я не могу обѣщать вамъ это, *такъ какъ* не увѣренъ»...

Тогда какъ (въ то время, какъ): «онъ скорѣе уменъ, чѣмъ образованъ, *тогда какъ* братъ его отличается большимъ образованіемъ при небольшомъ умѣ».

Между тѣмъ какъ: «вы настаиваете на вашемъ мнѣніи, *между тѣмъ какъ* доказано противное»...

Какъ ни: «*какъ* я *ни* старался, ничего нельзя было сдѣлать».

II. Союзныя слова.

Союзными словами являются *относительныя наръчія* и *относительныя мѣстоименія*. Ихъ особенность состоитъ въ томъ, что, кромѣ своего прямого назначенія, вытекающаго изъ ихъ природы, какъ нарѣчій и мѣстоименій, они еще исполняютъ и другую обязанность — выражать связь между предложеніями, подчиняя придаточное главному или одно придаточное другому. При этомъ они вполнѣ сохраняютъ свой характеръ нарѣчій и мѣстоименій, не превращаясь въ союзы.

Въ этой роли союзныхъ словъ выступаютъ и *вопросительныя* нарѣчія и мѣстоименія, утрачивая при этомъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, свое чисто-вопросительное значеніе и приближаясь къ относительнымъ нарѣчіямъ и мѣстоименіямъ.

Послѣднія — относительныя — такимъ путемъ и возникли изъ вопросительныхъ.

Въ современномъ русскомъ ясно различаются слѣдующія ступени въ развитіи синтактической *относительности* нарѣчій и мѣстоименій.

1) Исходная точка — форма *вопросительная*, напр.: «*который* часъ?», «*куда* намъ итти?»

2) Зачатки относительности въ оборотѣ, извѣстномъ подъ именемъ «косвеннаго вопроса»: «не знаешь ли, *который* теперь часъ?»—«Скажи, *куда* намъ итти?»

Примѣчаніе. Въ первомъ примѣрѣ два вопроса: одинъ — *прямой* (т.-е. не поставленный въ синтактическую зависимость отъ другого предложенія): «не знаешь ли?...», а другой—*косвенный* (т.-е. поставленный въ синтактическую зависимость отъ перваго вопроса): «который теперь часъ?» Въ этомъ послѣднемъ мѣстоименіе *который*, оставаясь *вопросительнымъ*, въ то же время служитъ и для выраженія указанной синтактической зависимости, какъ дѣлаетъ это во второмъ примѣрѣ вопросительное нарѣчіе *куда*, выражающее, во-первыхъ, вопросъ, а во-вторыхъ, зависимость вопросительнаго предложенія «куда намъ итти?» отъ предложенія «скажи».

3) Постепенное ослабленіе и, наконецъ, устраненіе вопросительнаго характера въ этомъ оборотѣ: «я не помню, въ *которомъ* часу ты былъ у меня», «мы хорошо знаемъ, *куда* идемъ» и т. п.

4) Полная относительность безъ малѣйшаго слѣда вопросительности: «часъ, *который* я провелъ съ вами, долго будетъ памятенъ мнѣ», «мѣстность, *куда* мы идемъ, очень живописна».

Всѣ эти обороты, какъ тѣ, въ которыхъ относительное значеніе мѣстоименій и нарѣчій вполнѣ установилось, такъ и тѣ, въ которыхъ вопросительный характеръ ихъ или происхожденіе ихъ отъ вопросительныхъ еще чувствуется, объединяются подъ общимъ понятіемъ «относительнаго подчиненія».

А) **Относительное подчиненіе посредствомъ союзныхъ нарѣчій.**

Когда. «Это случилось въ тотъ самый моментъ, *когда* я выходилъ изъ дому». «Не могу опредѣлить съ точностью, *когда* именно вернусь».

Куда. «Я не зналъ, *куда* дѣваться»... (Лерм. «Гер. наш. вр.», I, «Бэла»). «Я ѣду туда же, *куда* ѣдете и вы».

Гдѣ. «Деревня, *гдѣ* скучалъ Евгеній»... (Пушк. «Евг. Онѣг.»).—«Я остановился въ гостиницѣ, *гдѣ* останавливаются всѣ проѣзжающіе...» (Лерм. «Гер. наш. вр.», II, «Макс. Макс.»). «Не знаю, *гдѣ* искать эту вещь».

Откуда. «Городъ, *откуда* вы ѣдете,—моя родина».

Какъ. «Видите, *какъ* иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія» (Лерм. «Гер. наш. вр.», II, «Макс. Макс.»).

Какимъ образомъ. «Совершенно непонятно, *какимъ образомъ* могло случиться это!»

Зачѣмъ. «Я часто себя спрашиваю, *зачѣмъ* я такъ упорно добиваюсь»... (Лерм. «Гер. наш. вр.», II, «Кн. Мери»).

Почему. «Ближайшій поводъ, *почему* я поступилъ такъ, станетъ извѣстенъ впослѣдствіи».

Примѣчаніе 1. Одни изъ такихъ оборотовъ имѣютъ характеръ *вопросительно-относительныхъ* (какъ, напр., фраза изъ Лермонтова съ нарѣчіемъ *зачѣмъ*), другіе—чисто-относительные.

Примѣчаніе 2. Различіе между этими *нарѣчіями* (вопросительно-относительными и чисто-относительными) съ одной стороны и *союзами-нарѣчіями* (см. выше) проявляется, между прочимъ, въ томъ, что первыя ближайшимъ образомъ относятся къ какому-нибудь слову другого предложенія, между тѣмъ какъ вторыя не имѣютъ ближайшаго отношенія къ опредѣленному слову другого предложенія, и подчиняютъ одно предложеніе другому, какъ цѣлому. Напримѣръ, относительное *когда* во фразѣ «это случилось въ тотъ самый *моментъ*, *когда* я выходилъ изъ дому» ближайше относится къ слову *моментъ*, находящемуся въ другомъ предложеніи; но *союзъ-нарѣчіе когда* во фразѣ «я вернусь, *когда* покончу со всѣми дѣлами» не относится ни къ какому слову другого предложенія

и только связываетъ одно предложеніе, какъ цѣлое, съ другимъ, какъ цѣлымъ («я вернусь»).

Такъ какъ союзное нарѣчіе, какъ всякое нарѣчіе, есть *обстоятельство*, то предложенія, начинающіяся союзнымъ нарѣчіемъ, по необходимости, носятъ характеръ *предложеній обстоятельственныхъ*.

Б) **Относительное подчиненіе посредствомъ союзныхъ мѣстоименій.**

Который. *Мнимо-вопросительные:* «Я не знаю, *который* теперь часъ».

Здѣсь — неполная относительность. Въ силу того, что слово *часъ*, опредѣляемое мѣстоименіемъ *который*, находится въ томъ же предложеніи, это мѣстоименіе сохраняетъ въ извѣстной мѣрѣ характеръ вопросительнаго; но, примыкая къ глаголу *не знаю*, принадлежащему другому предложенію, оно уже получаетъ относительное значеніе. Такой оборотъ можно назвать *мнимо-вопросительнымъ*, такъ же, какъ и самое мѣстоименіе *который* въ этомъ употребленіи.

Собственно-относительные: «...очень сильно разило тѣмъ особеннымъ лѣснымъ запахомъ, *который* всюду сопровождалъ Мартына Петровича» (Тург. «Степн. кор. Лиръ», VI).

«...Григорій Петровичъ поручилъ племяннику своему, студенту, *который* жилъ у него въ домѣ и *котораго* онъ, не имѣя своихъ дѣтей, любилъ какъ сына, помочь ему»... (Гончар. «Литер. веч.», I).

«Я не читалъ книги, *которую* вы такъ хвалили».

«...кипѣлъ уже самоваръ, предъ *которымъ*... си дѣла Марья Кирилловна...» (Пушк. «Дубров.», XII).

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, между прочимъ, что мѣстоименіе *который* согласуется *въ родѣ* и *числѣ* съ тѣмъ словомъ (большею частью, находящимся въ другомъ предложеніи), къ которому оно ближайше относится, служа его опредѣленіемъ, а *падежъ* мѣстоиме-

нія *который* зависитъ отъ глагола, существительнаго, предлога и т. д., находящихся въ томъ же предложеніи, гдѣ находится и мѣстоименіе.

Какой, каковой (послѣднее употребляется довольно рѣдко). *Мнимо-вопросительный*: «не могу понять, *какое* тебѣ дѣло до этого»...—«...Алексѣй размышлялъ о томъ, *какую* роль играть ему въ присутствіи Лизы» (Пушк. «Барышня-крестьянка»).

Собственно-относительное: «...природа здѣсь удивительная и мѣстоположеніе такое, *какое* рѣдко можно найти» (Гург. «Дымъ», *XVIII*). «Они провели тайкомъ въ этой глуши такое лѣто, *какого*... еще не было ни у нея, ни у него въ жизни» (Гончар. «Литер. веч.», ч. I). Могутъ и не согласоваться въ *числѣ* съ тѣмъ словомъ, къ которому относятся: «человѣкъ, *какихъ* мало» [1]).

Коего, коему... кои, коихъ, коимъ... (именительный единственнаго не употребляется, другіе падежи еще встрѣчаются, хотя и рѣдко, и собственно въ книжномъ языкѣ).—«Не стану оправдывать правила, *коими* я руководствовался при составленіи сей трагедіи» (Пушк. «Замѣтки по поводу «Бор. Годун.»).

...цехъ задорный
Людей, о *коихъ* не сужу...
(Пушк. «Евг. Онѣг.»).

Согласованіе и управленіе всѣхъ этихъ мѣстоименій *какой, каковой, коего*... и т. д. — такія же, какъ и мѣстоименія *который*.

Чей. Мнимо-вопросительное: «я не знаю, *чей* это домъ».

Собственно-относительное:

Я тотъ, *чей* взоръ надежду губитъ...
(Лерм. «Демонъ»).

---

[1]) Множественное число зависѣло отъ нѣкогда стоявшаго или подразумѣвавшагося слова „людей“: „человѣкъ, *какихъ* (*людей*) мало“

Но отшельникъ, *чьи* останки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ (Пушк. «Родригъ»).

...Онъ узналъ
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Того, *чьей* волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
(Пушк. «Мѣдн. всадн.»).

Какъ видно изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ, оборотъ съ *чей* отличается тѣмъ, что въ немъ слово, съ которымъ согласуется это мѣстоименіе, всегда находится въ томъ же предложеніи. Съ этимъ словомъ, своимъ опредѣляемымъ, мѣстоименіе *чей* согласуется въ родѣ, числѣ и падежѣ. Такимъ образомъ, отъ предыдущихъ это мѣстоименіе отличается тѣмъ, что оно вполнѣ «*опредѣлительно*» (*аттрибутивно*) и «*прилагательно*», между тѣмъ какъ тѣ (*который* и др.) сохраняютъ слѣды прилагательности, именно согласованіе, но стали существительными, имѣя управленіе (служа дополненіемъ) и, наконецъ, являясь также подлежащимъ.

Кто. Мнимо-вопросительное: «узнай, *кто* пришелъ», не знаю, у *кого* бы спросить».

Собственно-относительное:

Я тотъ, *кого* никто не любитъ... (Лерм. «Демонъ»).

. . . . . Онъ узналъ
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И львовъ, и площадь, и того,

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой...
(Пушк. «Мѣдн. всадн.»).

«Тотъ, *кому* ты такъ вѣрилъ, обманулъ тебя».

Что. *Мнимо-вопросительное:*

«Я не знаю, *что* это такое»...

«...она недоумѣвала, *чего* хотятъ отъ нея...» (Тург. «Дымъ», XVIII).

«Не понимаю, *чему* ты удивляешься»...

Собственно-относительное:

«Я сдѣлаю все, *что* хотите»...

«...онъ предчувствовалъ, *что* онъ ей скажетъ...» (Тург. «Дымъ», XIX).

«Изъ крѣпости видны были тѣ же горы, *что* изъ аула»... (Лерм. «Гер. наш. врем.», I, «Бэла»).

«Все, *что* дѣлается въ свѣтѣ, болѣе или менѣе касалось и его» (Гонч. «Литер. веч.»).

«Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, *что* погрубѣе и *что* недостойно лежать на столахъ» (Гог. «Мерт. д.», гл. VI); но далѣе: «*что* именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно» — оборотъ мнимо-вопросительный.

«То, *чѣмъ* мы гордимся»...; «все, о *чемъ* ты говоришь»...

Кто и *что*—мѣстоименія-существительныя.

Кто относится къ лицу, а не къ вещи; *что* одинаково относится и къ лицу, и къ вещи, и къ отвлеченнымъ понятіямъ. Оба они, имѣя только единственное число, могутъ относиться къ существительнымъ во множественномъ числѣ (*что* чаще, чѣмъ *кто*).—*Кто*, принадлежа къ мужескому роду, можетъ быть отнесено и къ лицу женскаго или средняго рода. — *Что*, будучи средняго рода, употребляется для всѣхъ родовъ.

Примѣры:

«*Тотъ, кого* я такъ уважалъ, оказался недостойнымъ уваженія»; «*та, кого* я такъ уважалъ, оказалась недостойною уваженія»; «это *дитя, кого* онъ такъ любилъ»...; «*всѣ, кого* мы любимъ...».—«Это *тотъ самый, что* приходилъ вчера»; «это *та самая, что* приходила вчера»; «это *тѣ же, что* приходили вчера».

Придаточныя предложенія, присоединяемыя посредствомъ этихъ мѣстоименій къ другимъ предложеніямъ, могутъ ближайше относиться къ различнымъ частямъ послѣднихъ и съ этой точки зрѣнія подраздѣляются на: а) *придаточныя подлежащаго;* напр.: «*человѣкъ, котораго* я ожидалъ, не пріѣхалъ!» б) *придаточныя сказуемаго:* «это — *все, что* осталось», «я — *тотъ, чей* взоръ надежду губитъ» (Лерм. «Дем.»), «терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, это—*качество, которое* не часто встрѣчается»; в) *придаточныя дополненія:* «я читаю *книгу, которую* ты рекомендовалъ»; г) *придаточныя приложенія-существительнаго:* «ко мнѣ пріѣхалъ NN, *помѣщикъ, который* считается лучшимъ хозяиномъ въ уѣздѣ».

Въ самихъ придаточныхъ предложеніяхъ относительныя мѣстоименія — *который, какой, кои, каковой*, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, являются либо *подлежащимъ* («человѣкъ, *который* это сказалъ, былъ не правъ»), либо *дополненіемъ* («книга, *которую* я прочиталъ, не понравилась мнѣ»). Отсюда слѣдуетъ, что это—мѣстоименія *существительныя*, а не прилагательныя.

Примѣчаніе. Въ старину они были *прилагательными*, потому что опредѣляемое слово обыкновенно находилось въ томъ же придаточномъ предложеніи; такъ, напримѣръ, говорили: «*которую книгу* я прочиталъ, и та книга мнѣ не понравилась». Слѣдовательно, «которую» было *опредѣленіемъ*, относившимся къ дополненію «книгу»; или: «*который человѣкъ* прихо-

дилъ, и тотъ сказывалъ»... По удаленіи опредѣляемаго (*«книгу»*, *«человѣкъ»*) изъ придаточнаго предложенія, мѣстоименіе (*«которую»*, *«который»*) перестало быть опредѣленіемъ, оно превратилось въ то, чѣмъ были его опредѣляемыя, т.-е. въ одной фразѣ стало дополненіемъ, а въ другой—подлежащимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ изъ мѣстоименія прилагательнаго оно превратилось въ мѣстоименіе-существительное.

Въ современномъ языкѣ, *который*, *какой* и проч. остаются прилагательными только въ значеніи вопросительныхъ (*«который* часъ?») и мнимо-вопросительныхъ, при наличности опредѣляемаго въ томъ же придаточномъ предложеніи («я не знаю, *который* теперь часъ»).

Относительныя *кто* и *что*, принадлежа къ числу мѣстоименій-существительныхъ, являются *подлежащими* («не вѣрь тому, *кто* это скажетъ»), вторымъ именительнымъ («я не знаю, *кто* онъ», «не знаю, *что* это такое»), *дополненіями* («не знаю, *кому* вѣрить, *на что* надѣяться»).

Относительное (равно какъ и вопросительное) «чей» является только *опредѣленіемъ*. Также *«каковой»*, если опредѣляемое находится въ томъ же предложеніи (въ такихъ выраженіяхъ, какъ, напримѣръ, «...человѣкъ рѣдкой доброты и необычайнаго великодушія, *каковыя достоинства* особливо цѣнны въ наше время»...).

Приложеніе — частица «это». Къ числу связующихъ частицъ мы отнесемъ мѣстоименіе *«это»*, которое, съ одной стороны, тянетъ къ подлежащему, являясь *приложеніемъ* къ нему, а съ другой — тянетъ къ сказуемому, когда оно составное, образуя родъ «связки сказуемаго». Напримѣръ: «негры—*это* аборигены Африки». Здѣсь *«это»* является приложеніемъ къ подлежащему «негры», но въ то же время оно отчасти возмѣщаетъ

тотъ пробѣлъ въ грамматическомъ выраженіи, который образовался вслѣдствіе пропуска связки «*суть*».

Роль мѣстоименія «*это*» какъ приложенія, увеличивается, а его значеніе какъ связки уменьшается и даже устраняется тогда, а) когда въ предложеніи уже есть связка (*есть, суть, было, будетъ*), б) когда сказуемое глагольно, и, слѣдовательно, связка не нужна, напримѣръ, забота о дѣтяхъ, *это было* главное призваніе ея», «любить ближняго *это* составляетъ прямую обязанность христіанина» [1]). Въ первой фразѣ отмѣтимъ согласованіе глагола-связки («было») не съ подлежащимъ («забота»), а съ приложеніемъ («это»).

ГЛАВА XIV.

Виды предложеній.

Виды предложеній различаются: 1) на основаніи взаимныхъ отношеній межу ними и 2) по ихъ характеру.

I. *Съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній* между предложеніями мы дѣлимъ ихъ на а) *простыя*, или *независимыя*, и б) *сложныя*, въ которыхъ одно зависитъ отъ другого, вслѣдствіе чего это послѣднее, какъ бы само по себѣ оно ни было независимо, теряетъ нѣкоторую долю своей самостоятельности. Оно называется «*главнымъ*», а зависящее отъ него — «*придаточнымъ*».

а) *Независимыя*, или *простыя*, это тѣ, которыя не соединены между собою никакими синтактическими связями, ни союзами, ни союзными словами, напримѣръ:

---

1) Въ послѣднемъ примѣрѣ оно является въ роли приложенія къ предложенію „любить ближняго“, но само по себѣ оно здѣсь—подлежащее второго предложенія „составляетъ... обязанность“...

Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ; ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры... Онъ прекрасенъ,—
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ... Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь...

(Пушк. «Полтава»).

б) *Зависимость* предложеній обусловливается присутствіемъ союзовъ и союзныхъ словъ. Тутъ слѣдуетъ различать, во-первыхъ, *зависимость, такъ сказать, на равныхъ правахъ, когда соединены между собою два главныхъ или два придаточныхъ предложенія.* Такая равноправная зависимость называется «сочиненіемъ» предложеній (въ противоположность ихъ «подчиненію»). Она осуществляется помощію союзовъ *соединительныхъ* («сочинительныхъ») — *и, а, но.*

Напримѣръ: «Я буду диктовать, *а* вы пишите».— «Всю зиму онъ усердно писалъ, *и* его сочиненіе скоро появится въ печати».—«Онъ искалъ утѣшенія въ винѣ, *но* вино—плохой утѣшитель».

Въ роли такихъ «сочинительныхъ» союзовъ выступаютъ также: *тѣмъ не менѣе, однако, ибо, все-же, все-таки, вѣдь* и нѣкоторые другіе.

«Онъ искалъ утѣшенія въ винѣ, *однако* вино—плохой утѣшитель». — «Времени осталось мало, *тѣмъ не менѣе* мы успѣемъ справиться съ дѣломъ». — «Трудности велики,—*все-же (все-таки)* я попытаюсь».—«Мы должны спѣшить, *ибо* время не терпитъ». — «Ты напрасно уговариваешь меня, *вѣдь* я все равно не послушаюсь».

Примѣчаніе. «Ибо» *по смыслу* равносильно союзу «потому что» (это синонимы). Но формально оно не

подчиняетъ одного предложенія другому. Фразы: «надо спѣшить, *ибо* времени мало» и «надо спѣшить, *потому что* времени мало» равнозначны по смыслу (логически), но *синтактически* онѣ различны: «потому что» содержитъ въ себѣ союзъ «*что*», который всегда вноситъ оттѣнокъ синтактическаго подчиненія, чего не дѣлаетъ союзъ *ибо*, возникшій изъ союза «*и*» (съ присоединеніемъ частицы «бо»). Оттуда, между прочимъ, возможность начинать фразу союзомъ *ибо* (послѣ точки, точки съ запятою и двоеточія), какъ нерѣдко начинаютъ фразу союзомъ *и* [1]).

Во-вторыхъ, нужно различать *зависимость*, сопряженную съ *подчиненіемъ* одного предложенія другому, именно «придаточнаго» «главному» или другому «придаточному». Подчиненіе совершается при помощи союзныхъ словъ (*который, чей* и т. д.) и «подчинительныхъ» союзовъ (*если, хотя, что, потому что* и друг.).

Понятіе подчиненнаго или *придаточнаго* предложенія есть понятіе *чисто-формальное, синтактическое:* предложеніе можетъ выражать самую главную мысль и въ то же время быть придаточнымъ. Оно становится придаточнымъ только потому, что связано съ другимъ предложеніемъ такими словами, которыя *формально* подчиняютъ.

Сама *подчиненность* (такъ сказать, «придаточность») бываетъ различною. Она слабѣе, когда выражена союзами *хотя, если, когда, какъ, какъ только* и т. п. — Она значительнѣе, когда ея выраженіемъ служатъ союзы *что, потому что, такъ что, чтобы*. Наконецъ высшей точки достигаетъ она при соединеніи предложеній помощію *союзныхъ словъ*, а также союза «что», когда

---

[1]) Напримѣръ: „Иванъ Ильичъ женился по обоимъ соображеніямъ; онъ дѣлалъ пріятное для себя, пріобрѣтая жену, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ то, что наивысше поставленные люди считали правильнымъ. — *И* Иванъ Ильичъ женился“... (Л. Толстой, „Смерть Ивана Ильича“, II).

онъ относится къ опредѣленной части другого предложенія. Вотъ примѣры:

а) «*Хотя* онъ еще молодъ и неопытенъ, *но* вы можете *все-таки* положиться на него».

«*Если* обстоятельства позволятъ, я непремѣнно пріѣду».

«Нельзя заниматься, *когда* въ классѣ шумятъ».

Примѣчаніе. Въ такихъ случаяхъ болѣе или менѣе ясно проявляется обоюдная зависимость предложеній: придаточное подчинено главному, но и главное какъ бы связано съ придаточнымъ, что особенно замѣтно при «соотносительныхъ» союзахъ: «хотя—однако», «хотя — но», «если — то». Первые *(хотя, если...)* подчиняютъ придаточное главному (или другому придаточному), вторые *(однако, но, то...)* связываютъ главное (или другое придаточное) съ подчиненнымъ, отчего главное утрачиваетъ нѣкоторую долю своей независимости. Вслѣдствіе этого и подчиненность придаточнаго представляется какъ бы неполною.

б) «Я утверждаю, *что* вы не правы».—«Онъ не пришелъ, *потому что* былъ очень занятъ».—«Я послалъ ему телеграмму, *чтобы* онъ не безпокоился понапрасну».

Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ главное предложеніе сохраняетъ всю свою формальную независимость. Придаточное всецѣло отъ него зависитъ, подчинено ему. Но, подчиняясь главному, придаточное не образуетъ вмѣстѣ съ нимъ одного компактнаго синтактическаго цѣлаго, а только присоединено къ главному при помощи указанныхъ союзовъ, — и его подчиненность, хотя и значительная, замѣтно уступаетъ той, какую являютъ нижеслѣдующія формы:

в) «Я знаю этого господина, *который* только что прошелъ». — «Я не знаю, *который* теперь часъ».—«Я *потому* только не пришелъ, *что* былъ очень занятъ».—«Это случилось въ тотъ самый моментъ, *когда*»...—

«Нельзя требовать отъ другихъ того, *чего* мы сами не исполняемъ».—«Это человѣкъ, *какихъ* мало».

Въ подобныхъ выраженіяхъ придаточное предложеніе либо относится къ опредѣленному слову, находящемуся въ главномъ, либо возникло изъ такого оборота (съ опущеніемъ соотвѣтственнаго слова въ главномъ предложеніи). Связь выражается чаще всего союзными словами, а также и союзомъ *что*, когда онъ относится къ опредѣленному слову въ главномъ предложеніи,—и оба предложенія какъ бы сливаются въ одно компактное цѣлое. Придаточное представляется какъ бы развитіемъ или поясненіемъ извѣстной части главнаго, и поэтому его подчиненіе главному приравнивается къ отношенію части къ цѣлому. Оттуда и ощущеніе полной подчиненности.

II. *По своему характеру* предложенія (простыя и сложныя, главныя и придаточныя) дѣлятся на: 1) *утвердительныя*, 2) *отрицательныя*, 3) *вопросительныя*, 4) *восклицательныя* и 5) *повелительныя*.

Эти виды необходимо различать въ грамматикѣ потому, что существуютъ особыя синтактическія формы и соотвѣтственныя *слова* и *частицы* для построенія оборотовъ отрицательныхъ, вопросительныхъ, восклицательныхъ и повелительныхъ.

Отрицательныя предложенія заключаютъ въ себѣ отрицательную частицу **не, ни**, а также есть обороты съ двойнымъ отрицаніемъ, именно съ *мѣстоименіями* **никто, ничто,** или *нарѣчіями* **нигдѣ, никакъ** и т. д. и отрицательною частицею **не**, а равно и формы съ двумя отрицательными частицами: **не** при сказуемомъ и **ни** при тѣхъ частяхъ предложенія, къ которымъ ближайшимъ образомъ относится отрицаніе.

Примѣры на всѣ эти случаи: а) Съ однимъ отрицаніемъ *не: «я не знаю* этого», «мы *не* можемъ судить объ этомъ». б) Съ однимъ отрицаніемъ *ни: «ни стать*,

ни състь». в) Съ двойнымъ отрицаніемъ: «*никто не* знаетъ этого»; «*ничто не* ново подъ луною»; «*нигдѣ не* видно»..., «онъ *ничего не* понимаетъ»; «*никакъ нельзя*»; «*нигдѣ нѣтъ*»... (отрицательная частица «не» заключена въ словахъ *нельзя*, *нѣтъ*, образующихъ сказуемыя); «*ни* я, *ни* ты не знаемъ этого»; «онъ *не* былъ *ни* въ Парижѣ, *ни* въ Лондонѣ»; «я *не* читалъ *ни* этой книги, *ни* той».

Особую разновидность отрицательныхъ оборотовъ составляютъ тѣ, въ которыхъ отрицаніе относится не къ сказуемому, а къ другой части предложенія: «я читаю *не* эту, а ту книгу», «это письмо *не* тебѣ, а мнѣ», «*не* я сказалъ это, а ты», «онъ человѣкъ еще *не* старый» и т. п.

Изъ числа отрицательныхъ оборотовъ нужно исключить тѣ, въ которыхъ частица *не* сливается съ тою или иною частью предложенія, образуя съ нею одно слово, которое уже не сознается какъ выраженіе отрицательное, напримѣръ, «неправда», «невольно», «нечаянно», «недоразумѣніе». Предложенія въ родѣ «онъ сказалъ *неправду*», «я уронилъ стаканъ *нечаянно*», «вышло *недоразумѣніе*» и т. п. не могутъ быть названы отрицательными.

Вопросительныя предложенія прежде всего отличаются особой интонаціей, именно повышеніемъ голоса къ концу фразы, а кромѣ того, могутъ заключать въ себѣ а) особыя *вопросительныя частицы*, каковы **ли, или, развѣ, ужели** съ отрицаніемъ: **не—ли** («*не* знаешь *ли?*»...), **развѣ — не, неужели**; б) *вопросительныя мѣстоименія* и *наръчія* (*кто? что? который? какой? чей? когда? гдѣ? куда? какъ? почему?* и другія). Къ числу особенностей вопросительныхъ оборотовъ принадлежитъ также (не всегда обязательная) перестановка частей предложенія, именно помѣщеніе въ началѣ фразы того слова, къ которому преимущественно относится вопросъ, напри-

мѣръ: «*Ты ли* это говоришь?»—«*Этого ли* ты хотѣлъ?»—«*Даешь ли* слово?»

Восклицательныя предложенія характеризуются участьемъ чувства, что́ выражается междометіями, восклицательными мѣстоименіями и нарѣчіями (*какой! что́ за! как!* и др.), интонаціею. Напримѣръ: «*Какой* свѣтильникъ разума погасъ, *какое* сердце биться перестало!» (Некр.). «*О, если бы знать!*» (Чех. «Три сестры»). «*Какъ* недогадлива ты, няня!» (Пушк. «Евг. Он.»).

Повелительныя предложенія—это обороты съ повелительнымъ наклоненіемъ, нерѣдко заключающіе въ себѣ особыя *частицы*, придающія извѣстный оттѣнокъ фразѣ. Это именно: *-ка* («*скажи-ка*»...), *ну-ка*, *пусть*, *пускай* («*пусть* они сами сдѣлаютъ это»...), *да* со вторымъ лицомъ глагола («*да* перестань!»), *же* («возьмите *же*»).

Примѣчаніе. Старинное *да* съ 3-мъ лицомъ глагола, въ разговорной рѣчи неупотребительное, еще встрѣчается въ литературномъ языкѣ, въ подходящихъ случаяхъ, напримѣръ:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія... (Пушк. «Мѣдн. Всадн.»).

ГЛАВА XV.

Слова внѣ предложенія.

Есть не мало словъ и выраженій, не входящихъ въ составъ предложенія, но примыкающихъ къ предложенію, состоящихъ при немъ.

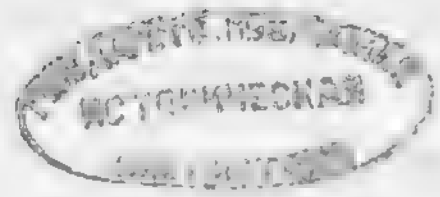
Таковы: 1) *Обращенія въ звательномъ падежѣ* («*Ребята*, впередъ!»...—«Скажи-ка, *дядя*»...); 2) *восклицанія въ формѣ звательнаго падежа* («Боже!»); 3) *вводныя*

слова и сочетанія словъ, нерѣдко представляющія собою родъ зачаточнаго или, напротивъ, какъ бы „стертаго", ослабленнаго предложенія: слава Богу, ей Богу, само собой, молъ, пожалуй, вѣдь, будто, дескать, стало-быть, знать, кажется, разумѣется, какъ водится, смѣю сказать (послѣднія 6 могутъ быть разсматриваемы какъ предложенія, но только съ сильно-пониженной предикативностью); 4) *вводныя наречія* (обстоятельственныя слова): *словомъ, конечно, право* («я, *право*, не знаю этого»...), *повидимому, слѣдовательно, такимъ образомъ* и другія; 5) *наречія утвержденія и отрицанія: да, нѣтъ* («*да*, я это сдѣлалъ»; «*нѣтъ*, я не виноватъ въ этомъ»); 6) *междометія* (*ахъ, охъ, увы, эй, ой* и проч.).

Примѣры. «*Ей Богу*, далъ десять тысячъ», сказалъ Ноздревъ (Гог. «М. д.», I, IV). «А о чемъ, *вы думаете*, она вчера цѣлый день мнѣ говорила?»... (Тург. «Дневн. лишн. челов.»). «Вдругъ какой-нибудь эдакой, *можете представить себѣ*, Невскій проспектъ, или тамъ, *знаете*, какая-нибудь Гороховая, *чортъ возьми*»... (Гог. «Мер. д.», I, X). «*Ахъ*, что вы это говорите, *Софья Павловна!*»... (Гог. «Мерт. д.», I, IX).

Ото всѣхъ такихъ случаевъ нужно отличать тѣ, въ которыхъ выраженія этого рода не примыкаютъ къ предложенію, а стоятъ отдѣльно, иногда сами образуя родъ предложенія. Таковы *да* и *нѣтъ*, произнесенныя отрывочно («Хочешь ѣсть?» — «*Да*». «Ты уже пообѣдалъ?» — «*Нѣтъ*» или «*нѣтъ еще*»), а также междометія въ роли самостоятельныхъ восклицаній и другія выраженія, приравниваемыя къ предложенію («Ахъ! — воскликнулъ онъ.—*Дудки!* Этакій богачъ — и станетъ писать!» (Гонч. «Литер. веч.»). Сюда же можно отнести и неоконченныя, недоговоренныя предложенія, въ родѣ заключительнаго восклицанія Чацкаго: «Карету мнѣ, карету!»

Далѣе сюда же принадлежатъ *заглавія* книгъ, журналовъ, газетъ, статей, главъ и т. д. (если только они не имѣютъ формы предложенія). Напримѣръ: «Сочиненія Пушкина», «Герой нашего времени», «Вѣстникъ Европы», «Сынъ Отечества», «Исторія Россіи» и т. д.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3
Введеніе. 5

ГЛАВА I.

Части рѣчи 12

ГЛАВА II.

Что такое „грамматическое предложеніе“? — Понятіе о предицированіи или сказуемости. Полная и неполная сказуемость. Части предложенія. 30

ГЛАВА III.

Сказуемое и его выраженіе.—Составныя сказуемыя съ предикативнымъ аттрибутомъ въ формѣ существительнаго, прилагательнаго и причастія страдательнаго 52

ГЛАВА IV.

Предицирующія опредѣленія и обстоятельства. — Сложное предложеніе. 64

ГЛАВА V.

Инфинитивъ.—Составное и двойное сказуемое съ инфинитивомъ . 84

ГЛАВА VI.

Простое сказуемое и его выраженіе формами личнаго глагола. . . 96

ГЛАВА VII.

Переходъ отъ составного сказуемаго къ простому 141

ГЛАВА VIII.

Подлежащее, его выраженіе, его устраненіе 162

ГЛАВА IX.

Опредѣленіе и приложеніе 185

ГЛАВА X.

Дополненіе и его выраженіе существительными (именами, мѣстоименіями и числительными) 190

ГЛАВА XI.

Обстоятельство и его выраженіе нарѣчіемъ, дѣепричастіемъ, косвенными падежами существительныхъ 203

ГЛАВА XII.

Частицы предложенія — предлоги, служащіе связкою дополненій и обстоятельствъ 207

ГЛАВА XIII.

Частицы предложеній — союзы 215

ГЛАВА XIV.

Виды предложеній. 240

ГЛАВА XV.

Слова внѣ предложенія. 246

„ВЕГТИН" № 28
Ц. 15 Р.
15 —
4878/XI
46

УКАЗАТЕЛЬ.

Абсолютно-безсубъектныя предложенія. Стр. 172—173, 176—185.
Безсубъектныя предложенія. Стр. 46, 124—125, 171—185.
Виды (глагола). Стр. 135—141.
Вопросительныя предложенія. Стр. 235.
Восклицательныя предложенія. Стр. 235.
Времена. Стр. 98—112.
Глаголъ. Стр. 18—21, 39—44, 96 и слѣд.
Дополненіе. Стр. 46—47, 190—202.
Дѣепричастіе. Стр. 24—25, 64—65, 67—74, 79—84.
Залоги. Стр. 121—135.
Звательный падежъ въ подлежащемъ, вмѣсто именительнаго. Стр. 163.
Инфинитивъ. Стр. 84—96.
Лица. Стр. 97—98.
Междометіе. Стр. 25 (см. также въ „Дополненіяхъ и поправкахъ"), 236.
Мѣстоименія. Стр. 13—14, 16, 17, 18, 164—167.
Наклоненія. Стр. 112—121.
Нарѣчіе. Стр. 22—24, 161—162, 203—207.
Обстоятельство. Стр. 48, 203—207.
Опредѣленіе. Стр. 47—48, 185—190.
Относительно-безсубъектныя предложенія. Стр. 172, 173—175.
Отрицательныя предложенія. Стр. 234—235.
Падежи. Стр. 26—28, 192—202.
Повелительныя предложенія. Стр. 235—236.
Подлежащее. Стр. 45—46, 162—171.
Предлоги. Стр. 25, 51, 207—215.
Предложеніе. Стр. 30—36.
Предикативный аттрибутъ. Стр. 43, 44—45
Предицированіе. Стр. 30—35.
Предицирующія опредѣленія и обстоятельства. Стр. 64 и слѣд.
Прилагательное. Стр. 16—18, 185 и слѣд.
Приложеніе. Стр. 186, 188—190.
Причастіе. Стр. 22, 64—67, 74—79.
Связка. Стр. 43—44.
Сказуемое. Стр. 37—42.
Согласованіе. Стр. 26, 27—29.
Составное сказуемое. Стр. 37, 42—44.
Союзныя слова. Стр. 220—229.
Союзы. Стр. 25, 51, 215—220.
Существительное. Стр. 12—16.
Творительный предикативный. Стр. 142—160.
Управленіе. Стр. 26—27, 207—215.
Фикція. Стр. 13, 15, 17.

ДН 84

ШОХОРЪ-ТРОЦКІЙ, С. И. 1) **Геометрія на задачахъ.** *Книга для учителей:* а) нач. школъ съ продолжительнымъ курсомъ, б) низшихъ и среднихъ кл. средне-учебныхъ зав., в) профессіональныхъ школъ и курсовъ. 400 политипажей въ текстѣ. Стр. XXVIII+428. Ц. 2 р. Курсъ основанъ на методическихъ упражненіяхъ въ геометрическомъ черченіи. Доказательства теоремъ вводятся по мѣрѣ возникновенія интереса въ нихъ у учащихся.

...„Въ разработкѣ курса виденъ неутомимый труженикъ, регистровавшій и заносившій въ сокровищницу опыта всѣ случаи и шаги на своемъ многолѣтнемъ педагогическомъ поприщѣ... Превосходно разработаны отдѣлы объ объемахъ призмъ и прямыхъ цилиндровъ“... (Изъ отзыва Ф. И. Павлова, „Русская Школа“, № 4 за 1908 г.)

...„Книга эта, насколько намъ извѣстно, является первымъ опытомъ приложенія принциповъ предметности къ преподаванію геометріи... Въ „Геометріи на задачахъ“ авторъ смѣлой рукой ставитъ преподаваніе начальнаго (или пропедевтическаго) и въ то же время *полнаго* курса геометріи на реальную почву, на почву наблюденія, опыта, непосредственнаго созерцанія (интуиціи)... Мало того: по всей книгѣ разсыпаны методическія указанія и намеки, которые во-время и кстати подаютъ учителю руку помощи... (Изъ отзыва г. М. „Народное Образованіе“, октябрь 1907 г.)

2) **Геометрія на задачахъ.** *Книга для учащихся:* а) нач. шк. съ продолжит. курсомъ, б) низш. и ср. кл. средне-уч. зав., в) профессіональныхъ школъ и курсовъ. **Выпускъ первый.** Свыше 300 политипажей въ текстѣ. Стр. XVI+342. М. 1909. Ц. 90 к.

3) То же. *Книга для учащихся.* **Выпускъ второй.** (Печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ.)

ЕГУНОВЪ, В. А., и ЯНОВИЧЪ, А. И. Курсъ тригонометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Рѣшеніе треугольниковъ. Съ приложеніемъ четырехзначныхъ таблицъ тригонометрическихъ величинъ. Ц. 50 к

ДЖУДЪ, Р. Электричество и магнетизмъ.

Элементарное руководство къ изученію электрическихъ и магнитныхъ явленій. Въ основу изложенія электрическихъ явленій положено элементарное понятіе объ электрическомъ потенціалѣ. Съ разрѣшенія автора съ англійскаго перевелъ **К. Гудевичъ.** Съ рис. 266 стр. Ц. 1 р.

ВЕЙНБЕРГЪ, Б. П., приватъ-доцентъ. **Физика для всѣхъ. Твердыя тѣла, жидкости и газы.** Съ рис. и чертежами. 176 стр. Ц. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Различные виды силы.—Твердыя, жидкія и газообразныя тѣла. — Силы въ газахъ. — Силы въ жидкостяхъ. — Силы въ упругихъ твердыхъ тѣлахъ. — Силы въ пластичныхъ твердыхъ тѣлахъ. — Твердое, жидкое и газообразное состояніе.—Частицы, ихъ движеніе и частичныя силы.—Заключеніе.

РОЗИНГЪ, Б., преподаватель Технологическаго института. **Физика для всѣхъ. Теплота.** Въ восьми лекціяхъ. Съ рисунками и чертежами. Съ приложеніемъ краткой исторіи паровой машины. Ц. 50 к.

М. Н. Пр. **допущена** въ ученическія библіотеки городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ и **признана** заслуживающей вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Отзывъ „Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія“. Въ этихъ талантливо составленныхъ лекціяхъ авторъ даетъ довольно полную картину тепловыхъ явленій. Многочисл. экскурсіи въ сопредѣльныя области физики, метеорологіи и астрономіи оживляютъ разсказъ и дѣлаютъ чтеніе этой книги еще болѣе интереснымъ. Желаемъ этимъ лекціямъ возможно широкаго распространенія.

Отзывъ журнала „Природа въ школѣ“. „Теплота“ г. Розинга выгодно отличается отъ многихъ подобныхъ книгъ, написанныхъ для малоподготовленнаго

читателя, прежде всего тѣмъ, что въ ней чувствуется живой духъ научнаго изслѣдованія, способный приподнять читателя надъ сковывающей его обыденщиной. Затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ книги авторъ мастерски касается такихъ вопросовъ, которые въ рутинномъ изложеніи могли бы показаться трудными и скучными. Наконецъ очень выгодное впечатлѣніе производитъ и внѣшность книги, съ ея большею частью отчетливыми, а иногда и изящными рисунками.

СЭРЪ ОЛИВЕРЪ ЛОДЖЪ, членъ Королевскаго Общества, докторъ естественныхъ наукъ Лондонскаго университета, ректоръ Бирмингэмскаго университета. **Легкая математика,** преимущественно ариѳметика, содержитъ рядъ указаній для учителей, родителей, студентовъ и юношей, самостоятельно изучающихъ математику, и краткій очеркъ наиболѣе важныхъ вещей, встрѣчающихся въ элементарной математикѣ и достойныхъ изученія. Пер. со 2-го англійскаго изданія П. А. Томилинъ. 258 стр. Ц. 1 р. 60 к.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЗИКИ въ элементарномъ изложеніи. Сборникъ статей, составленныхъ кружкомъ преподавателей средней и высшей школы. Стр. 573. Рис. 178. Ц. 2 р.

РАШЕВСКІЙ, К. Н., преподаватель реальнаго училища. **Основанія аналитической геометріи.** Учебникъ для дополнительнаго класса реальн. училищъ, составл. примѣнительно къ программѣ Мин. Нар. Пр. 105 стр. Ц. 50 к.

Мин. Нар. Пр. **допущенъ** въ качествѣ руководства для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ.

ВЕЙНБЕРГЪ, Б. П. Общій курсъ физики. I. Механическій отдѣлъ физики. — Физика частичныхъ силъ. 616 стр. 495 рис. Ц. 3 р. 25 к.

СОЗОНОВЪ, С. и ВЕРХОВСКІЙ, В., преподаватели химіи въ Женскомъ педагогическомъ институтѣ и Тенишевскомъ училищѣ. **Первыя работы по химіи.** Руководство для практическихъ занятій, параллельныхъ элементарному курсу. Изданіе журн. „Природа въ школѣ“. 175 стр. 1908 г. Ц. въ переплетѣ 85 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Практическія указанія для руководителя.—Практическія указанія для работающихъ.—Описаніе работъ.—Первые законы и понятія.—Вода.—Растворы.—Водородъ и кислородъ.—Составъ воды.—Понятіе о соли.—Галоиды.—Сѣра.—Углеродъ.—Азотъ.—Прибавленія: I. Перечень веществъ и реактивовъ, необходимыхъ для описанныхъ работъ, съ указаніемъ приблизительныхъ количествъ на 40—50 работающихъ и приблизительной стоимости. II. Адреса фирмъ. III. Списокъ книгъ.

ДРЕНТЕЛЬНЪ, Н. С. Пособіе для практическихъ работъ по физикѣ въ средней школѣ, съ вопросами для упражненія и 63 рис. Стр. XI+208. Ц. 90 коп.

ДРЕНТЕЛЬНЪ, Н. С. Простые физическіе опыты и приборы. IV+51 стр. Съ 48 рис. Ц. 40 к.

Изъ предисловія: „Въ предлагаемой брошюрѣ я описываю рядъ болѣе или менѣе простыхъ опытовъ и приспособленій, которые представляютъ или видоизмѣненія раньше извѣстныхъ, или въ разное время придуманы мною“.

Печатается.

ЛЕРМАНТОВЪ, В. Начатки механики, или о томъ, какъ машины работаютъ.

У Т-ва И. Д. СЫТИНА:

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Кіевъ, Воронежъ, Ростовъ-на-Дону, Одесса, Екатеринбургъ, Харьковъ, Иркутскъ, Нижегородская ярмарка.